

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 9 (190) сентябрь 2026

В НОМЕРЕ:

Пржиленский В. И.

Философия технологического лидерства:
социальные, управленческие и правовые контексты

Варлен М. В., Соколова О. В.

Конституционно-правовые пределы регулирования
цифровых прав в Российской Федерации

Ефимова Л. Г.

Понятие и виды цифровых валют
в контексте доктринальных споров

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства; конкретных отраслей права; сравнительного правоведения; методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 21 № 9 (190) СЕНТЯБРЬ 2026

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

КРАСНОПОЛЬСКАЯ Александра Сергеевна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИНИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Высшей школы экономики.
Почтовый адрес: Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (2003–2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, временно исполняющий обязанности проректора по научной работе Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации.

Почтовый адрес: 2-я Звенигородская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 123022.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Почтовый адрес: Азовская ул., д. 2, корп. 1, г. Москва, Россия, 117638.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии, судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620066.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельце (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Жеромского, д. 5, г. Кельце, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 05.10.2026
Объем 19,53 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

С. И. Ершова, В. А. Целищева, А. В. Савкина

Корректор

М. В. Баукина

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published as a mass media outlet since 2006

Vol. 21 № 9 (190) SEPTEMBER 2026

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Alexandra S. KRASNOPOLSKAYA — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Sector for Environmental Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensics of the National Research University Higher School of Economics (HSE).
Mailing address: Myasnitskaya ul., d. 20, Moscow, Russia, 101000.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003–2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Acting Vice-Rector for Research of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Mailing address: 2nd Zvenigorodskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 123022.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Research Fellow of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
Mailing address: Azovskaya ul., d. 2, b. 1, Moscow, Russia, 117638.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620066.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings named after M.S. Shakaryan of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

05.10.2026
Volume: 19,53 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

S. I. Ershova, V. A. Tselishcheva, A. V. Savkina

Proof-reader

M. V. Baukina

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

- Пржиленский В. И.** Философия технологического лидерства:
социальные, управленческие и правовые контексты 11

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Варлен М. В., Соколова О. В.** Конституционно-правовые
пределы регулирования цифровых прав в Российской Федерации 19
- Поярков С. Ю.** Биоконституционализм как проявление
адаптивного конституционализма: трансформация
конституционных ценностей в условиях биотехнологических вызовов 28

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Пономарева К. А., Матненко А. С.** Результативность национальных проектов:
от плановых показателей к ценностному эффекту 42

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Аносов В. А.** Порядок взимания НДС по электронным услугам
с посредников в России и за рубежом 50
- Сомов Н. В.** Внешний бюджетный контроль
за государственным долгом субъектов Российской Федерации 61

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА И БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Ефимова Л. Г.** Понятие и виды цифровых валют в контексте доктринальных споров 70

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Аненко Е. С.** Субъекты инновационной деятельности
и гражданско-правовые модели их инновационной кооперации 81
- Гринь О. С.** Договоры на выполнение научно-исследовательских,
опытно-конструкторских и технологических работ: значение риска
недостижения результата и обеспечение исполнения обязательств 88

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Благодир А. Л., Дзгоева Ф. О.** Пособие по временной нетрудоспособности
в России и Казахстане: сравнительно-правовое исследование 101
- Менкенов А. В.** Обработка биометрических персональных данных
в информационных системах работодателя: принципы и ограничения 110

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Шамехина Э. В.** Информационные технологии как источник
коррупционной криминальной опасности 119

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Бочарова А. М. Особенности определения места онлайн-арбитража 132

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Шахназаров Б. А. Правовые режимы поддержки и развития технологических
стартап-проектов на основе анализа зарубежных практик отдельных стран БРИКС 141

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Мамиева И. Т. Правовое регулирование общественных отношений
в сфере обеспечения климатической безопасности России
с учетом принципов устойчивого развития 155

Contents

PHILOSOPHY AND ETHICS OF LAW

- Przhilenskiy V. I.** The Philosophy of Technological Leadership:
Social, Administrative, and Legal Contexts 11

STATE AUTHORITY AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Varlen M. V., Sokolova O. V.** Constitutional Law Limits
of Regulating Digital Rights in the Russian Federation 19
- Poyarkov S. Yu.** Bioconstitutionalism as a Manifestation
of Adaptive Constitutionalism: The Transformation of Constitutional
Values under conditions of Biotechnological Challenges 28

STATE ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

- Ponomareva K. A., Matnenko A. S.** The Effectiveness of National Projects:
From Planned Indicators to Value-Based Impact 42

FINANCIAL LAW

- Anosov V. A.** VAT Collection from Intermediaries in Russia
and Abroad in respect of Electronic Services 50
- Somov N. V.** External Budgetary Oversight of the Public Debt
of Constituent Entities of the Russian Federation 61

BANKING SYSTEM AND BANKING ACTIVITIES

- Efimova L. G.** The Concept and Types of Digital Currencies
in the Context of Doctrinal Debates 70

CIVIL LAW AND FAMILY LAW

- Anenko E. S.** Subjects of Innovation Activity and Civil Law
Models of their Innovative Cooperation 81
- Grin O. S.** Contracts for Research, Development and Technological Works:
The Implications of the Risk of Non-Achievement of the Intended Result
and the Means of Securing the Performance of Obligations 88

LABOR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Blagodir A. L., Dzgoeva F. O.** Temporary Disability Benefits
in Russia and Kazakhstan: A Comparative Legal Study 101
- Menkenov A. V.** Biometric Personal Data Processing in Employer
Information Systems: Principles and Limitations 110

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY. FORENSIC EXAMINATION

- Shamekhina E. V.** Information Technology as a Source
of Corruption-Related Criminal Danger 119

INTERNATIONAL LAW

- Bocharova A. M.** Features of Determining the Seat of Online Arbitration 132

COMPARATIVE LEGAL STUDIES

- Shakhnazarov B. A.** Legal Regimes for Supporting
and Developing Technology Startup Projects:
An Analysis of Foreign Practices in Selected BRICS Countries 141

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

- Mamieva I. T.** Legal Regulation of Public Relations in the Field
of Climate Security in Russia with Regard to the Principles
of Sustainable Development 155

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.011-018

В. И. Пржиленский*

Философия технологического лидерства: социальные, управленческие и правовые контексты

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования нового взгляда на взаимодействие человека и общества в сфере разработки и внедрения новых технологий, основу которого должна составить новая философия — философия технологического лидерства. Ее отличительной чертой является такое соединение теоретико-познавательной, креативно-конструкторской, хозяйственно-экономической и административно-управленческой деятельности, которое сделало бы развитие технологий драйвером развития человека и общества. Особое значение в реализации идей и императивов философии технологического лидерства имеет правовое регулирование, которое оказывается не тормозом, а ускорителем интенсификации технологического развития. В статье раскрывается идея проактивного нормотворчества и проактивного права как особого вида правового регулирования, анализируются два его подвида. Показаны основные модели перехода от одной правовой действительности к другой посредством конструирования социальной реальности методом проактивного нормотворчества. Выявлены и подвергнуты анализу базовые модели актуализации управленческих и социально-технологических средств воздействия на социальную среду. Обозначена роль института образования в движении общества по пути философии технологического лидерства. Эксплицировано понятие технологии в контексте формирования философии технологического лидерства. Уточнены базовые параметры взаимодействия экономической, политической, технологической и управленческой среды с системой нормотворчества в русле философии технологического лидерства.

Ключевые слова: технологическое развитие; технологическое лидерство; проактивное право; проактивное нормотворчество; реактивное право; реактивное нормотворчество; конструирование реальности; правовое регулирование; мегапроекты; технологии; юридическое прогнозирование

Для цитирования: Пржиленский В. И. Философия технологического лидерства: социальные, управленческие и правовые контексты // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 11–18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.011-018

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Развитие правовой системы в условиях обеспечения технологического лидерства Российской Федерации: национальные приоритеты и международные вызовы (FSMW-2026-0005)». Регистрационный номер: 126022017763-1.

© Пржиленский В. И., 2026

* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
vladprnow@mail.ru

The Philosophy of Technological Leadership: Social, Administrative, and Legal Contexts

Vladimir I. Przhilenskiy, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Sociology,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vladprnow@mail.ru

Abstract. The paper addresses the formation of a new understanding of the interaction between the individual and society in the development and implementation of emerging technologies, grounded in a new philosophical framework — the philosophy of technological leadership. A distinctive feature of a new understanding lies in the integration of epistemic, creative and design-oriented, economic, and administrative-managerial activities in a manner that enables technological development to become a driver of human and societal advancement. Legal regulation is of particular importance for implementing the ideas and imperatives of the philosophy of technological leadership, insofar as it should function not as an impediment, but as a catalyst for the intensification of technological development. The study develops the concept of proactive rulemaking and proactive law as a distinct form of legal regulation and examines its two principal subtypes. It outlines the principal models for transitioning from one legal reality to another through the construction of social reality by means of proactive rulemaking. The paper identifies and analyses the fundamental models for actualizing administrating and socio-technological instruments of influence on the social environment. The author elucidates the role of the institution of education in society's advancement along the path of the philosophy of technological leadership. He explains the concept of technology within the context of establishing this philosophical framework. Finally, the paper refines the basic parameters governing the interaction of the economic, political, technological, and managerial environments with the rulemaking system in accordance with the philosophy of technological leadership.

Keywords: technological development; technological leadership; proactive law; proactive rulemaking; reactive law; reactive rulemaking; construction of reality; legal regulation; megaprojects; technology; legal forecasting

Cite as: Przhilenskiy VI. The Philosophy of Technological Leadership: Social, Administrative, and Legal Contexts. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):11-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.011-018

Acknowledgements. The paper was prepared as part of a state-funded research project entitled «The Development of the Legal System in the Context of Ensuring the Technological Leadership of the Russian Federation: National Priorities and International Challenges» (FSMW-2026-0005). Registration No. 126022017763-1.

Технологическое лидерство в самом общем виде можно понимать как владение новейшими технологиями, а также способность их создавать, совершенствовать и применять. Долгое время технологическое лидерство воспринималось как результат коллективных усилий, направленных на изменение возможностей человека в его взаимодействии с внешним миром и другими людьми. Такие изменения обычно вызываются новым знанием, обеспечивающим новые умения и новые компетенции, чаще всего это связано с созданием новой техники, изменяющей способы взаимодействия человека с окружающей средой. Новые технологии рождаются в результате открытий и изобретений: первые позволяют узнать что-то об окружающем мире, вторые дают возможность

изменить те или иные свойства природных вещей.

То, что для успешного технологического развития недостаточно одного открытия или изобретения, а необходимо взаимодействие науки и техники, управления и экономики, было известно давно. Немало прорывных идей так и не нашли своего воплощения, многие превосходные замыслы так и не были реализованы. Это случилось потому, что у изобретателей не оказалось соответствующей материальной базы, в обществе не сложились экономические условия, не были найдены инвесторы, готовые поверить в идею, не удалось убедить административное руководство и т.д. Но к концу первой четверти XXI в. российскому обществу и его элитам стало ясно, что быстрое и успешное технологическое

развитие — вопрос национального и цивилизационного выживания. И тогда центральным стал вопрос о том, как превратить технологическое развитие в социальную, управленческую и интеллектуальную технологию, как сделать технологические прорывы не случайными, а закономерными. Только при таком подходе стремление к технологическому лидерству, даже превращенное в госполитику, будет успешным.

Некоторые специалисты в области экономики и управления убеждены, что для обеспечения технологического лидерства надо обратиться к опыту СССР, чье развитие напрямую было связано с так называемыми мегапроектами. «В условиях бурной индустриализации крупных стран мира и ускорения научно-технологического прогресса, — утверждает А. Г. Аганбегян, — всё большую роль в развитии страны играют мегапроекты — целевые программы, представляющие совокупность взаимосвязанных проектов (они объединены общей целью, выделенными ресурсами и прежде всего)¹.

Перечисляя связанные с высокими технологиями мегапроекты таких стран, как США, Япония, Германия, Южная Корея, и вспоминая о роли проектирования в социалистическом строительстве, известный советский и российский ученый говорит об их эффективности для осуществления прорывов технологических, которые могла бы совершить современная Россия. Но при этом фактически игнорируется тот факт, что в отличие от первой половины XX в. все перечисленные им примеры — это примеры технологических прорывов «кремниевых долин», каждая из которых, включая североамериканские, является частью глобальной экономики, где экономическое и научно-технологическое партнерство во многом обусловлено системой политического распределения сил, ресурсов и власти.

Действительно, с самого начала советская власть стремилась не только к индустриальному прорыву, но и к технологической самодостаточности первого в мире государства рабочих и кре-

стьян. Активно взаимодействуя в осуществлении собственной индустриализации, советское правительство привлекало американские и европейские компании, ни на миг не забывая о том, что за технологической помощью следует технологическая зависимость, а последняя с неизбежностью оборачивается зависимостью политической. Но это было в эпоху, когда ведущие индустриальные державы только начинали думать о технологической кооперации — на первый план выходила их конкуренция друг с другом.

Сегодня ситуация существенно иная, и это необходимо учитывать при разработке любых планов и проектов. Влияние политических и геополитических факторов можно назвать скорее неблагоприятным для опережающего технологического развития. Но и в этих условиях необходимо предпринимать системные усилия для совершенствования системы производства, системы образования и других важнейших отраслей жизни общества. Как отмечает А. Г. Аганбегян, «сохраняющаяся низкая доля инвестиций в основной капитал и “экономику знаний” (НИОКР, образование, ИКТ, биотехнологии и здравоохранение) делает невозможным устойчивое ежегодное социально-экономическое развитие, не позволяя осуществить своевременную реконструкцию и инновационно-технологическое перевооружение наиболее важных отраслей экономики»². По мнению ученого, для изменения сложившейся ситуации нужна коренная трансформация научно-технологической и социально-экономической системы. Необходимо реализовать комплекс неотложных мер, а именно:

- провести реформу собственности, переведя все государственные концерны и корпорации в «частнокапиталистические»;
- признать все полезные ископаемые госсобственностью и сделать государство единственным получателем природной ренты;
- сократить влияние олигархического капитала;

¹ Аганбегян А. Г. Мегапроекты и их роль в научно-технологическом и социально-экономическом развитии России на перспективу // Экономическое возрождение России. 2025. № 2 (84). С. 21–22.

² Аганбегян А. Г. О возрождении научно-технологического и социально-экономического роста России в перспективе // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 253. № 3. С. 88.

— изменить ориентацию финансовой и банковской системы на «короткие деньги» путем стимулирования ее стремления к «длинным деньгам»;

— расширить фонды долгосрочных вложений для населения (ипотека, автокредиты) вкупе с приватизацией части государственных банков;

— укрупнить субъекты Федерации так, чтобы их число уменьшилось с 89 до двух или максимум трех десятков.

Отдельно А. Г. Аганбегяном выделяются меры в области образования. И здесь предложения достаточно радикальны и вполне конкретны: «При реформировании образования предстоит сделать ставку на большую самостоятельную работу с использованием онлайн-методов, сократив число обязательных занятий в 1,5–2 раза»³. Далее следует предложение о переносе упора на стажировки и дополнительное профессиональное образование в сфере компьютерных технологий, международных отношений, бизнеса и финансов, иностранного языка, создание независимого от учебных заведений специального лицензирования.

На первый взгляд, всё это полностью укладывается в направление движения по реализации п. «в» п. 21 Указа Президента РФ от 28.02.2024 № 145: «Создать возможности для выявления и воспитания талантливой молодежи, построения успешной карьеры в области науки, технологий и технологического предпринимательства, обеспечив сохранение и развитие интеллектуального потенциала науки, повышение престижа профессии ученого и инженера».

Рассмотрим главные отличия предлагаемого комплекса мер от содержания реформ высшего образования предыдущих десятилетий. Первое отличие — изменение внешней среды, связанное с обострением политического противостояния России и Запада, второе — мир,

стремительно меняющийся в ходе цифровой трансформации общества и государства. И первое, и второе заставляют вспомнить о прежде названном факторе — этике и социальной ответственности. И хотя этот фактор всегда сопровождает внедрение инноваций, одна из черт лидерства — социальная, моральная и юридическая ответственность за последствия внедрения инноваций. Внедрение технологий должно не увеличивать связанные с этим риски, а снижать их, прогресс должен улучшать жизнь людей, а не вести к ничем не сдерживаемому росту прибыли немногих. Для этого необходимо стратегическое взаимодействие таких разнородных акторов, как государство, бизнес и наука. Без такого объединения невозможно добиться эффективности в распределении ресурсов и других аспектов технологического развития.

Об осознании безальтернативности философии технологического лидерства свидетельствует сводный доклад АНО «Национальные приоритеты», подготовленный по итогам серии экспертно-аналитических сессий, проведенных в 2025 г. и посвященных различным аспектам формирования технологического суверенитета Российской Федерации⁴. В докладе перечислены ключевые направления, по которым должна развиваться Российская Федерация, чтобы достижение технологического лидерства оказалось не только возможным, но и неизбежным.

Первое направление — достижение технологической независимости — представляет собой совокупность производственных инициатив и управленческих решений, целью которых становится импортозамещение. Данное направление развития во многом является реактивным — страна вынуждена думать об импортозамещении в условиях беспрецедентных санкций, наложенных на государство и его экономику странами Запада. За импортозамещением сле-

³ Аганбегян А. Г. О возрождении научно-технологического и социально-экономического роста России в перспективе. С. 91.

⁴ Технологический суверенитет: как Россия превращает вызовы в прорыв : экспертный аналитический доклад АНО «Национальные приоритеты» по итогам серии экспертно-аналитических сессий, проведенных в 2025 г. и посвященных различным аспектам формирования технологического суверенитета Российской Федерации // URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/tehologicheskij-suverenitet/tehologicheskij-suverenitet.pdf>.

дует цифровизация, которая, с одной стороны, уже стала реальностью современной России, но с другой — далека от своего завершения. Более того, создание цифровой среды для российской экономики и управления, науки и образования подвергается вынужденной корректировке в условиях возможного использования цифровых платформ и сетей в криминальных и даже террористических целях. Но невзирая на угрозы и риски, Россия создает экосистему будущего, активно используя инфокоммуникативные технологии.

Остальные направления, такие как медицина, образование, сельское хозяйство, формирование креативного и инновационного мышления, свидетельствуют о формировании новой парадигмы, суть которой может быть выражена в формуле: от адаптации к преобразованию окружающего мира. Сам термин «технология» берет свое начало от двух слов древнегреческого языка. «Техно» (др.-греч. τέχνη) в античном мире — это искусство, ремесло, мастерство, умение, а вторая часть слова — «логия» (в составе сложных слов) — происходит от древнегреческого слова *logos* (λόγος). «Логия» в афинской философской школе использовалась как обозначение соответствующей науки. Но термин «технология» возникает существенно позже, когда техника, а также рождающие ее и сопровождающие ее же научные знания становятся движущими силами развития индустриального общества.

Под технологией понимают совокупность средств, методов и инструментов, необходимых не просто для достижения какого-то результата, но для того, чтобы результат был стандартным, то есть неотличимым от предыдущего⁵. Этот символ массового производства, первоначально принятый в организации труда на заводах и фабриках по мере проникновения «духа индустриализма» во все сферы социальной жизни, стал прообразом применения понятия технологии в социальном управлении, взаимодейст-

вии индивидов, интеллектуальной деятельности и т.п. Научный поиск и творчество художника стали описывать как разновидности производства, а термин «технология» стал поистине вездесущим. Утвердилось и общее понимание технологии как применения научного знания для решения насущных практических задач.

Философия технологического лидерства формируется в условиях, когда разочарование в концепции устойчивого развития как наследия внезапно прекратившейся глобализации поставило на повестку дня создание новой стратегической повестки. После конца глобализма как доминирующей идеологии последних десятилетий возрождается тезис о цивилизационной конкуренции. Тогда и рождается концепция, в которой базовыми понятиями становятся инновации, этика и стратегическое управление, необходимые для обретения подлинного суверенитета и сохранения конкурентоспособности. В современном мире решение поставленной задачи возможно только при условии способности России создавать уникальные технологии, формировать долгосрочные партнерства, успешную техническую политику и учитывать геополитические интересы своей страны. Достижение всего этого невозможно без опережающего развития науки и образования, их эффективного взаимодействия и даже интеграции. Именно так техника и технологии могут превратиться в средство преобразования человека и общества, развития культуры и сбережения духовных ценностей.

К числу ключевых аспектов философии технологического лидерства можно отнести технологический суверенитет, объединение усилий государства, бизнеса и науки, общественное внимание к вопросам этики и социальной ответственности, человеческий капитал и формирование особой культуры инноваций.

Начнем с обеспечения технологического суверенитета. Эта задача должна решаться с учетом специфики современной экономики, науки, техники и технологий, а также с учетом

⁵ Бакланов И. С., Бакланова О. А., Бредихин С. Н., Лукьянов Г. И. Технологизация политического и политизация технического: динамика общественного сознания и социокультурных практик цифрового общества // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2 (189). С. 521–522.

наследия глобализации и цифровизации, которые сделали мир сверхсвязным⁶.

В новом сверхсвязном мире действуют совсем другие скорости, хотя технологическое развитие подчиняется той же самой логике, как и любое другое развитие. Само применение средств и методов, рожденных инфокоммуникативными технологиями, требует невиданной прежде скорости реакции на потребности времени. Неудивительно, что современное российское законодательство не успевает вовремя реагировать на запросы участников технологической гонки. Как отмечают авторы экспертно-аналитического доклада, «динамика развития современных технологий опережает скорость обновления законодательства. А это создает правовую неопределенность для бизнеса, особенно в сфере ИИ, больших данных и облачных сервисов. Более 40 % ИТ-компаний в 2025 г. отмечали, что нормы не всегда учитывают специфику их новых цифровых продуктов. Ключевой вызов — создать и регулярно обновлять гибкую правовую среду, которая будет активно способствовать масштабированию и тиражированию успешных отечественных решений не только на федеральном уровне, но и за рубежом»⁷.

Когда поднимается вопрос о запаздывании правового регулирования, то с неизбежностью возникает соблазн сравнивать скорости изменений в системе права со скоростью движения человека, автомобиля или иного транспортного средства. Но можно ли говорить о возможности влиять на скорость, переключать ее, ускоряться точно так же, как это делается в автомобиле посредством рычага переключателя скорости, педалей газа и тормоза, когда речь идет о нормотворчестве? Видимо, нет, потому что даже

режим чрезвычайного положения не отменяет норм права и не позволяет вводить новые нормы права в авральном порядке, тем более исходя из соображений экономической эффективности или внедрения технологических инноваций. И тогда встает вопрос о возможности перехода к иному типу правового регулирования, нежели традиционное право, которое по своей природе является реактивным⁸.

Разделение права на проактивное и реактивное — результат применения к праву деятельностного подхода, когда любая законодательная инициатива, закрепляемая в нормативном правовом акте, может рассматриваться как действие, изменяющее как правовое пространство, так и социальную реальность в целом. Из этого довольно тривиального факта следует второй шаг — различение двух типов законодательных инициатив. Первый тип легализует сложившиеся социальные практики или их отдельные элементы, а второй призван эти практики изменить, активно вторгаясь в сферу норм, устоев, ценностей и сложившихся образцов поведения. Первый вид нормотворчества можно назвать реактивным, а вслед за ним и рождаемое посредством легализации сложившихся практик право отнести к реактивному. Второй тип называется проактивным, потому что введение правовых норм этого типа либо основано на прогнозе развития ситуации в будущем (опережающее нормотворчество) либо базируется на желании изменить ситуацию, сконструировать новые элементы социальной реальности. Таким образом, проактивное право, понимаемое как особый вид нормотворчества, также может быть разделено на два подвида: прогнозирующее нормотворчество и конструирующее нормотворчество.

⁶ *Otrei-Cass K. Consciousness in a Hyperconnected World: The Entanglements of Human — Machine Cognition // Hyperconnectivity and Digital Reality. Towards the Eutopia of Being Human. Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2019. P. 67–83.*

⁷ Экспертный аналитический доклад АНО «Национальные приоритеты» по итогам серии экспертно-аналитических сессий, проведенных в 2025 г. и посвященных различным аспектам формирования технологического суверенитета Российской Федерации. С. 12 // URL: <https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/tehologicheskij-suverenitet/tehologicheskij-suverenitet.pdf>.

⁸ *Пржиленский В. Право проактивное и право реактивное: трансформация национальных правовых систем в условиях больших вызовов // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5 (138). С. 39–55.*

Прогнозирующее нормотворчество включает в себя в качестве необходимого элемента, наряду с социальным, экономическим, политическим прогнозированием, также прогнозирование юридическое. Последнее представляет собой производимое при помощи научных средств и методов определение тенденций развития системы права, правовых решений и их влияния на общество. Но не только системность и динамика права оказываются в фокусе юридического прогнозирования — одним из наиболее важных объектов прогноза оказывается возможность изменения целей и уровней правового регулирования.

А. Ю. Тихомиров выделяет основные элементы юридического прогнозирования:

а) определение возможных границ и содержания перспективного правового регулирования;

б) моделирование динамики правовых регуляторов, то есть правовых норм разного характера и содержания;

в) построение картины деятельности субъектов права с перспективой перераспределения их статусов и функций;

г) учет установленных показателей эффективности их деятельности, а также фиксация возможных отклонений;

д) преодоление формального восприятия правового воздействия путем включения в прогноз анализа правомерного, неправомерного и нейтрального поведения людей в сфере права;

е) оценка и диагностика правовых рисков.

«Юридическое прогнозирование, — пишет А. Ю. Тихомиров, — нельзя организовывать на основе использования привычного метода экстраполяции, то есть “удлинения” тенденций настоящего времени в будущее. Полезны методы экспертных оценок, моделирования, сравнительного правоведения и др. Не менее важен набор критериев, по которым оцениваются достижение целей и средства их достижения (затраты времени, социальный эффект, рост

производственного труда, качество государственного управления и т.п.). Это способствует сопоставлению вариантов решений и выбору наилучшего из них»⁹.

Конструирование реальности посредством нормотворчества и правоприменения можно рассматривать как вид социального конструирования реальности, описанного П. Бергером и Т. Лукманом. В данной концепции главными средствами конструирования реальности оказываются хабитуализация, седиментация, легитимация и реификация¹⁰. Формирование новой реальности под влиянием изменения норм права позволяет представить все названные процессы максимально отчетливо. Действительно, принятие каждой новой юридической нормы с неизбежностью вносит коррективы в сознание людей, в их намерения и действия. Новая система запретов и разрешений усваивается столь же быстро, сколь забывается старая и всё это отражается на поведении людей, их желаниях и планах на будущее. Изменяется и оценка действий других людей, их одобрение или осуждение, а это и называется формированием или трансформацией реальности, что в социологии знания именуется конструированием.

Подводя итог нашим рассуждениям, необходимо заключить, что путь к технологическому лидерству зависит от эффективного применения управленческих и социальных технологий, результатом которых должны стать изменения в структуре и содержании социальной реальности. Достижение поставленной цели невозможно без перестройки правового регулирования данной отрасли, когда применение юридического прогнозирования и проактивного нормотворчества для изменения правовой и социальной реальности создаст необходимые условия для технологического лидерства. Все перечисленные элементы образуют императивную составляющую формирующейся сегодня философии технологического лидерства.

⁹ Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 5–16.

¹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аганбегян А. Г. Мегaproекты и их роль в научно-технологическом и социально-экономическом развитии России на перспективу // Экономическое возрождение России. — 2025. — № 2 (84). — С. 21–39. — DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-21-39. — EDN: BTPGAA. С. 21–22.
2. Аганбегян А. Г. О возрождении научно-технологического и социально-экономического роста России в перспективе // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2025. — Т. 253. — № 3. — С. 70–92. — DOI: 10.38197/2072-2060-2025-253-3-70-92. — EDN: AOCFAF. С. 88.
3. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Бредихин С. Н., Лукьянов Г. И. Технологизация политического и политизация технического: динамика общественного сознания и социокультурных практик цифрового общества // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 2 (189). — С. 521–522. — DOI: 10.46320/2073-4506-2024-2-189-521-522. — EDN: GWUACP.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.
5. Пржиленский В. Право проактивное и право реактивное: трансформация национальных правовых систем в условиях больших вызовов // Сравнительное конституционное обозрение. — 2020. — № 5 (138). — С. 39–55.
6. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. — 2014. — № 3. — С. 5–16.
7. Otrell-Cass K. Consciousness in a Hyperconnected World: The Entanglements of Human — Machine Cognition // Hyperconnectivity and Digital Reality. Towards the Eutopia of Being Human. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019. — P. 67–83.

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aganbegyan A. G. Megaproekty i ikh rol v nauchno-tekhnologicheskome i sotsialno-ekonomicheskom razvitii Rossii na perspektivu // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. — 2025. — № 2 (84). — S. 21–39. — DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-21-39. — EDN: BTPGAA. S. 21–22.
2. Aganbegyan A. G. O vozrozhdenii nauchno-tekhnologicheskogo i sotsialno-ekonomicheskogo rosta Rossii v perspektive // Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. — 2025. — T. 253. — № 3. — S. 70–92. — DOI: 10.38197/2072-2060-2025-253-3-70-92. — EDN: AOCFAF. S. 88.
3. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Bredikhin S. N., Lukyanov G. I. Tekhnologizatsiya politicheskogo i politizatsiya tekhnicheskogo: dinamika obshchestvennogo soznaniya i sotsiokulturnykh praktik tsifrovogo obshchestva // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2024. — № 2 (189). — S. 521–522. — DOI: 10.46320/2073-4506-2024-2-189-521-522. — EDN: GWUACP.
4. Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya / per. E. D. Rutkevich. — M.: Medium, 1995. — 323 s.
5. Przhilenskiy V. Pravo proaktivnoe i pravo reaktivnoe: transformatsiya natsionalnykh pravovykh sistem v usloviyakh bolshikh vyzovov // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. — 2020. — № 5 (138). — S. 39–55.
6. Tikhomirov Yu. A. Prognozy i riski v pravovoy sfere // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2014. — № 3. — S. 5–16.
7. Otrell-Cass K. Consciousness in a Hyperconnected World: The Entanglements of Human — Machine Cognition // Hyperconnectivity and Digital Reality. Towards the Eutopia of Being Human. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019. — P. 67–83.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.019-027

М. В. Варлен*,
О. В. Соколова**

Конституционно-правовые пределы регулируемости цифровых прав в Российской Федерации

Аннотация. В статье анализируется проблема конституционно-правовых пределов регулирования цифровых прав в Российской Федерации. Конституция РФ 1993 г. (с поправками 2020 г.) не содержит специальных норм о цифровых правах, что порождает правовую неопределенность. На примере ч. 6 ст. 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которая ставила судебную защиту владельцев цифровой валюты в зависимость от уведомления Федеральной налоговой службы, авторы показывают коллизию между фискальными интересами государства и конституционными гарантиями. Особое внимание уделяется постановлению Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П, которым оспариваемая норма была признана не соответствующей Конституции РФ в части. Авторы приходят к выводу, что конституционные принципы равенства (ст. 19), судебной защиты (ст. 46), неприкосновенности частной жизни (ст. 23) и свободы экономической деятельности (ст. 8, 34) задают жесткие пределы законодательному регулированию цифровых прав. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства с учетом правовых позиций КС РФ.

Ключевые слова: цифровые права; криптовалюта; цифровые финансовые активы; конституция; Конституционный Суд РФ; конституционно-правовые пределы; судебная защита; равенство; правовая неопределенность; правовая категория

Для цитирования: Варлен М. В., Соколова О. В. Конституционно-правовые пределы регулирования цифровых прав в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 19–27. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.019-027

© Варлен М. В., Соколова О. В., 2026

* Варлен Мария Викторовна, доктор юридических наук, доцент, директор Института «Аспирантура и докторантура» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
mvvarlen@msal.ru

** Соколова Оксана Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Комсомольская ул., д. 50, г. Оренбург, Российская Федерация, 460000
ovsokolova@msal.ru

Constitutional Law Limits of Regulating Digital Rights in the Russian Federation

Maria V. Varlen, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Institute for Postgraduate and Doctoral Studies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
mvvarlen@msal.ru

Oksana V. Sokolova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Public Law Sciences, Orenburg Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ovsokolova@msal.ru

Abstract. The paper examines the limits of regulating digital rights in the Russian Federation under Constitutional Law. The 1993 Constitution of the Russian Federation, as amended in 2020, contains no provisions specifically addressing digital rights, thereby giving rise to legal uncertainty. The authors demonstrate a conflict between the State's fiscal interests and constitutional guarantees analyzing Part 6 of Article 14 of Federal Law No. 259-FZ dated 31 July 2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation», which made judicial protection for holders of digital currency contingent upon notification of the Federal Tax Service. Particular attention is devoted to Ruling No. 2-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 20 January 2026 that declared the contested provision partially inconsistent with the Constitution of the Russian Federation. The authors conclude that the constitutional principles of equality (Article 19), judicial protection (Article 46), privacy (Article 23), and freedom of economic activity (Articles 8 and 34) establish strict limits on the legislative regulation of digital rights. Proposals for improving the legislation are formulated with due regard to the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: digital rights; cryptocurrency; digital financial assets; constitution; Constitutional Court of the Russian Federation; constitutional and legal limits; judicial protection; equality; legal uncertainty; legal category

Cite as: Varlen MV, Sokolova OV. Constitutional Law Limits of Regulating Digital Rights in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(9):19-27. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.019-027

«**В** основе конституционной философии российского государства лежит представление о человеке как высшей ценности: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Ценность и достоинство человеческой личности связаны с уникальным положением человека в бытии, наличием у него сознания, разума, воли, способности к творчеству, стремлению к благу и красоте»¹. Подобными по мировоззренческой глубине словами обычно заканчивается научный труд, а нам представляется вполне возможным начать с этих слов наше исследование, задав общий

тон проблеме конституционных пределов цифровых прав.

В качестве задач настоящего исследования считаем возможным обозначить следующие: определить понятие и виды цифровых прав как объекта конституционно-правового регулирования; охарактеризовать феномен «конституционного молчания» применительно к цифровой сфере; проанализировать конституционные принципы, задающие пределы регулирования цифровых прав; исследовать правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные в постановлении от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона “О цифровых

¹ Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. М., 2025. URL: https://sovets-nko.ru/files/2025/06/doklad-spch-po-pch-v-tsifre-2.0-2025-06-27_15-54-14_624644.pdf?ysclid=mgprhyittj329082514 (дата обращения: 10.04.2026).

финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича»²; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Понятие «цифровые права» впервые было закреплено в ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ, которая определяет цифровые права как названные в таком качестве в законе обязательства и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу³.

Анализ российских нормативных правовых актов, регламентирующих правовой режим цифровых прав, позволяет выделить следующие их виды: цифровые финансовые активы (ЦФА) — денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличных акционерных обществ; утилитарные цифровые права (УЦП) — право требовать передачи вещей, исключительных прав, выполнения работ или оказания услуг; цифровая валюта — особый объект, который определяется как совокупность электронных данных, не являющихся ЦФА или УЦП, может быть принят в качестве средства платежа и оборот которого регулируется статьей 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифро-

вых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴.

В то же время в научной литературе справедливо отмечается двойственная природа цифровых прав, которая выражается в том, что, с одной стороны, цифровые права понимаются как объект гражданского оборота, как цифровые права в узком, цивилистическом смысле⁵. С другой стороны, цифровая среда создает «цифровое измерение» конституционных прав и свобод, характеризуя их как цифровые права в широком смысле — права на частную жизнь, информацию, судебную защиту. При этом если в частноправовом поле создана правовая база для регулирования цифровых прав, то в публично-правовой сфере такая база отсутствует. К сожалению, Конституция РФ не содержит упоминаний о цифровых правах, цифровой личности, алгоритмической власти, цифровом суверенитете.

Отсутствие конституционного закрепления цифровых прав в широком смысле порождает правовую неопределенность, угрожающую эффективности защиты конституционных прав и свобод. Как подчеркивает С. М. Шахрай, цифровая эпоха требует переосмысления традиционных конституционных прав и свобод, а правовое противостояние экспансии цифровой реальности в жизнь социума неэффективно, а потому необходимо ускоренными темпами создавать механизмы защиты личности, ее базовых прав и свобод, и в том числе конституционных, в новой тотальной цифровой среде⁶.

В то же время препятствий для изменения конституционных положений в связи с объективно и стремительно складывающимися новыми общественными отношениями в цифровой

² СЗ РФ. 2026. № 4. Ст. 372.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.03.2026).

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.03.2026).

⁵ См. об этом: Лаптева А. М. Цифровые права как объекты инвестиционной деятельности // Российский юридический журнал. 2024. № 1. С. 127.

⁶ «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотально информационном обществе.

среде не существует, тем более что Конституция РФ 1993 г. с момента принятия до настоящего времени претерпевала ряд изменений, которые имели различные объективные причины. Например, принятые в 2020 г. поправки стали отражением изменения общественных отношений в соответствующих областях. По этому поводу, полемизируя с публицистами по вопросу о революционном характере конституционных поправок, Б. С. Эбзеев обращает внимание, что «речь идет не о принятии новой Конституции, а о привнесении в действующий Основной Закон дополнительных смыслов, вытекающих, во-первых, из опыта четвертьвекового действия Конституции РФ, во-вторых, уровня зрелости политической системы и веле- ний переживаемой страной эпохи, в-третьих, тенденций мирового развития»⁷.

Не умаляя значимости внесенных в 2020 г. конституционных поправок в контексте рассматриваемой в этой статье проблемы, нельзя не отметить тот факт, что в части конституционного регулирования уже возникших и активно развивающихся на тот момент отношений в области цифровых прав, цифровой личности были внесены только поправки в ст. 71 Конституции, в п. «и» и «м», закрепляющие в качестве предмета ведения федерального уровня информацию, информационные технологии и связь, а также обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

В то же время цифровые права как правовая категория стали предметом изучения в научной литературе, в том числе в рамках конституционно-правовой проблематики.

В частности, исследуя вопрос о целесообразности включения в конституционные тексты положений об основных цифровых правах, А. О. Четвериков отмечает, что «долгое время технологизацией (цифровизацией) почти не

затрагивались закрепляемые обычно в конституциях... основные права и свободы человека и гражданина». Причину такого подхода автор видит «во всепроникающем характере основных прав... как защищающих человека от посягательств во всех средах, включая технологическую». В то же время ситуация меняется — наметилась противоположная тенденция, демонстрирующая возможность включения цифровой терминологии в конституционные тексты. Так, в 2023 г. Конституция Республики и кантона Женева была дополнена статьей 21А, закрепившей право на цифровую неприкосновенность (*droit à l'intégrité numérique*). По вопросу целесообразности включения в конституционные тексты положений о цифровых правах автор обосновывает свою позицию прежде всего с точки зрения «ориентира, определяющего главные направления и приоритеты работы всего государственного механизма»⁸.

В. В. Невинский, исследуя сущность цифровых прав, во-первых, выделяет их основу — конституционное право человека на свободу информации, а во-вторых, выражает принципиальную позицию о том, что цифровизация не изменяет принципиальных свойств основных прав человека, хотя в будущем станет возможно рассматривать цифровые права человека в узком значении (собственно цифровые информационные права) и в широком значении (весь спектр конституционных прав человека и гражданина, в той или иной мере подвергнутых цифровой модификации)⁹.

Е. В. Алферова, исследуя взгляды ученых на цифровые новеллы российской Конституции, отмечает, что «правовая экспансия цифровой реальности в жизнь социума может стать эффективной, если ускоренными темпами создавать механизмы защиты личности, ее базовых прав и свобод, и в том числе конституционных, в новой цифровой среде, и в будущем в результате при-

⁷ Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 9.

⁸ Четвериков А. О. Право на цифровую неприкосновенность — новое основное право человека? Pro et contra // Юридические исследования. 2024. № 5.

⁹ Невинский В. В. Цифровые права человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10.

нения новых федеральных законов можно будет говорить о формировании “цифровой конституции” России»¹⁰.

Таким образом, возникает правовая коллизия: объект гражданского оборота существует и признается законом, но конституционные основы его регулирования отсутствуют. Полагая, что отсутствие прямого закрепления этих «цифровых пределов» в Конституции порождает правовую неопределенность и риски произвольного правоприменения.

Исходя из неопределенности правового регулирования, с учетом роли конституционного права в регулировании прав человека было бы крайне опасно прекратить дискуссию о необходимости правовой регламентации цифровых прав в этой плоскости, поскольку конституционное право в целом и Конституция РФ, в частности, выступают главными регуляторами основ правового статуса человека и гражданина, гарантируют реализацию и защиту прав и свобод на самом высоком юридическом уровне и, следовательно, обеспечивают переход от сугубо цивилистического понимания цифровых прав как разновидности объектов гражданского оборота, закрепленных в ст. 141.1 ГК РФ, к их широкому конституционно-правовому осмыслению как «цифрового измерения» фундаментальных прав и свобод.

Такой подход позволит, во-первых, исключить излишнюю дискрецию законодательной и исполнительной власти, поскольку на кон-

ституционном уровне будут установлены четкие конституционные ориентиры в отношении цифровых прав.

Во-вторых, установление конституционных пределов цифровых прав и свобод позволит снизить риск противоречивой, а порой и взаимоисключающей судебной практики, подрывающей принципы правовой определенности и единообразия.

В-третьих, снизится риск переноса регулирования на уровень подзаконных актов. Значительная часть норм, регламентирующих оборот цифровых прав и их защиту, содержится сегодня не в законах, а в актах Правительства РФ и ведомственных приказах¹¹, что неизбежно снижает уровень гарантий прав граждан.

Эти риски в полной мере проявили себя в деле о проверке конституционности ч. 6 ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ, которая предусматривала, что право на судебную защиту требований, связанных с обладанием цифровой валютой, предоставляется только при условии уведомления налогового органа о фактах владения и совершения сделок с цифровой валютой. Данная норма стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ по жалобе гражданина Д. И. Тимченко, который утверждал, что она нарушает конституционные права на равенство (ст. 19) и судебную защиту (ст. 46).

Заявитель приобрел цифровую валюту путем покупки, однако при обращении в суд с требо-

¹⁰ Алферова Е. В. «Цифровые» новеллы Конституции Российской Федерации: взгляд ученых-юристов. (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. 2023. № 4. С. 108.

¹¹ См., например: постановление Правительства РФ от 14.01.2023 № 17 «Об утверждении перечня услуг, оказываемых операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, операторами обмена цифровых финансовых активов, операторами инвестиционных платформ и непосредственно связанных с выпуском цифровых финансовых активов и (или) цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, их учетом, обращением, а также с выкупом, реализация которых освобождается от обложения налогом на добавленную стоимость»; приказ ФНС России от 28.04.2025 № ЕД-7-15/429@ «Об утверждении формата представления в налоговый орган сведений, указанных в пункте 1 статьи 86.5 Налогового кодекса Российской Федерации в электронной форме, а также состава таких сведений»; приказ ФНС России от 11.12.2024 № ЕД-7-14/1125@ (ред. от 12.12.2025) «Об утверждении форм и форматов сообщений банка, оператора платформы цифрового рубля налоговому органу, предусмотренных пунктом 1.1 статьи 86 Налогового кодекса Российской Федерации, в электронной форме» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.03.2026).

ванием о защите своих прав получил отказ по мотиву отсутствия уведомления ФНС. Поскольку форма уведомления на тот момент не была утверждена, исполнить эту обязанность было невозможно. В связи с этим заявитель указал, что оспариваемая норма нарушает ст. 19 и 46 Конституции РФ, поскольку ставит владельцев цифровой валюты в неравное положение по сравнению с владельцами иных видов имущества и лишает их права на судебную защиту.

Конституционный Суд в постановлении от 20.01.2026 № 2-П не только восстановил нарушенные права заявителя, но и сформулировал подходы, которые создают основу для развития конституционно-правовой доктрины цифровых прав в России.

На первый взгляд, Конституционный Суд не сформулировал принципиально новых правовых позиций, обосновав свое решение уже устоявшимися конституционными принципами: равенства (ст. 19), судебной защиты (ст. 46), неприкосновенности собственности (ст. 35), а также требований соразмерности ограничений прав и свобод (ст. 55). Однако при более глубоком анализе мы можем констатировать, что специфика цифровых прав как объекта конституционно-правовой защиты потребовала от Суда использовать различные подходы для адаптации конституционных норм к новой цифровой реальности, не имеющей привычного материального воплощения.

До вынесения постановления от 20.01.2026 № 2-П Конституционный Суд распространял гарантии ст. 35 Конституции РФ на объекты, чья правовая природа была прямо урегулирована законом (недвижимость, движимые вещи, ценные бумаги, безналичные денежные средства). Цифровая валюта же, как признает сам Суд, «в системе действующего правового регулирования... не может быть отнесена ни к одному из традиционно признаваемых видов имущества», более того, законодатель прямо уклонился от ее квалификации в рамках гражданского законо-

дательства, ограничившись указанием на то, что цифровая валюта не является ни вещью, ни бездокументарной ценной бумагой, ни цифровым правом в смысле ст. 141.1 ГК РФ.

Несмотря на это, Суд признал, что «обладание цифровой валютой наполняется в современных реалиях вполне конкретным имущественным содержанием», и, как следствие, распространил на нее конституционные гарантии, «равным образом охраняемые статьей 35 Конституции Российской Федерации». При этом Суд в каком-то смысле опередил законодателя, который не урегулировал все аспекты оборота криптовалюты, а учел функциональный аспект: поскольку цифровая валюта фактически выполняет функции средства платежа и инвестиций, поскольку она имеет денежную оценку и участвует в обороте, постольку она заслуживает конституционной защиты независимо от ее легальной дефиниции. Такой подход к цифровым феноменам означает, что конституционные гарантии распространяются на любые цифровые активы, обладающие экономической ценностью и оборотоспособностью, независимо от наличия их дефиниции в отраслевом законодательстве¹².

Таким образом, по логике Суда, любые цифровые активы (например, токены, стейблкоины), если они обладают экономической ценностью и могут быть объектом гражданского оборота, подпадают под защиту ст. 35 Конституции РФ, а законодатель, создавая «цифровые права» как объекты оборота, обязан учитывать возможность их конституционной защиты.

В ранее рассмотренных делах Конституционный Суд РФ уже сталкивался либо с прямыми запретами, либо с ограничением содержания права, либо с чрезмерными фискальными обременениями, либо с неоправданно широкими дискреционными полномочиями органов власти¹³. В постановлении № 2-П Судом выявлена «процедурная блокировка», когда законодатель, формально не запрещая права, ставит его

¹² О роли права в регулировании новых общественных отношений, возникающих в цифровой среде, о возможных трансформационных моделях их регулирования см., например: Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.

¹³ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2017 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных

реализацию в зависимости от исполнения публично-правовой обязанности, исполнение которой технически затруднено или невозможно.

Как указал Суд, в деле заявителя «отсутствие прямого указания в законе и подзаконных актах на необходимость следовать вновь введенному специальному или иному порядку информирования... способно поставить обладателей цифровой валюты в затруднительное положение». Более того, Суд констатировал, что судебная практика «зачастую не признавала отсутствие такого порядка в качестве освобождающего обладателей цифровой валюты от исполнения условия, и его несоблюдение становилось самостоятельным основанием отказа в удовлетворении исковых требований».

Кроме этого, Суд подчеркнул отсутствие связи между публично-правовой обязанностью по информированию налогового органа и частно-правовой защитой через доступ к правосудию, подтвердив, что публичные интересы, сколь бы важными они ни были, не могут служить основанием для упряднения права на суд как такового.

Эта правовая позиция для аналогичных случаев означает, что, если законом установлена обязанность, реализация которой объективно невозможна (например, из-за отсутствия утвержденной формы уведомления или из-за того, что требуемая информация не может быть предоставлена по объективным причинам), ссылка на нее как на основание для отказа в судебной защите равносильна полной отмене права на правосудие, что может быть особенно чувствительным при невозможности преодолеть административные «фильтры», встроенные в цифровые платформы и государственные информационные системы.

Принципиальным для преодоления формального подхода к регулированию цифровых прав является вывод Суда о том, что одна и та же норма может быть конституционной в отношении одной категории лиц и неконституционной — в

отношении другой, в зависимости от способа приобретения цифрового актива, то есть условия могут быть различными, если различны связанные с деятельностью лица публичные риски. В частности, Суд признал конституционным требование об уведомлении ФНС для лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, поскольку возникает обязанность уплаты налогов и уведомление является необходимым элементом налогового контроля, подчеркнув, что для лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, установлен порядок информирования, а возможность его исполнения не вызывает сомнений. Однако ту же норму Суд признал не соответствующей Конституции РФ в части, касающейся лиц, получивших или приобретших цифровую валюту способами, не связанными с ее майнингом, поскольку для этих лиц, во-первых, порядок уведомления не был установлен, а во-вторых, степень публичных рисков, исходящих от их деятельности, существенно ниже. Конституционный Суд обосновал различие в объеме конституционных гарантий в зависимости от публичного риска, связанного с деятельностью лица: майнинг, в отличие от простого приобретения, создает новую валюту, что требует налогового контроля и может влиять на денежно-кредитную политику, поэтому целесообразно установление большего объема (видов) допустимых обременений.

Представляется, что данную правовую позицию Суда можно распространить и на иные сферы, например на регулирование социальных сетей, на доступ к цифровым платформам, поскольку Конституционный Суд обосновал дифференцированное регулирование объективными критериями риска, но потребовал, чтобы сама возможность соблюдения требований была реальной, а санкция за их нарушение — соразмерной.

Постановление от 20.01.2026 № 2-П затрагивает еще один аспект, который в рамках нашего исследования имеет важное теоретическое зна-

---

правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе» ; постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.04.2026).

чение. Оспариваемая норма не только ставила в неравное положение владельцев криптовалюты и владельцев иных видов имущества, что нарушает конституционный принцип равноправия (ст. 19), но и создавала «цифровое неравенство» между теми, кто способен исполнить публично-правовые обязанности, и теми, кто такой способности лишен.

В современном обществе доступ к цифровым технологиям, уровень цифровой грамотности, возможность получать своевременную информацию об изменениях законодательства становятся факторами, заметно влияющими на реализацию конституционных прав. Гражданин, который не знает о требовании уведомлять ФНС или не имеет технической возможности это сделать, оказывается в заведомо худшем положении по сравнению с профессиональным участником рынка. Хотя Суд не развил этот тезис, его логика позволяет сделать вывод о том, что конституционный принцип равенства в цифровую эпоху требует учитывать не только формальное равенство перед законом, но и фактическую возможность доступа к цифровой среде и понимания ее правил.

В этом контексте постановление № 2-П может рассматриваться как первый шаг к признанию того, что государство, вводя цифровые обязанности, должно обеспечивать их реальную исполнимость для всех граждан, включая наименее защищенные слои населения.

Данное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, имеющие как теоретическое, так и прикладное значение для формирования конституционно-правовой доктрины цифровых прав в России.

Определение цифровых прав, закрепленное в ст. 141.1 ГК РФ, охватывает лишь узкий, цивилистический аспект — цифровые права как объект гражданского оборота. В то же время в научной литературе и в правоприменительной практике всё более отчетливо выявляется «цифровое измерение» конституционных прав и свобод: права на частную жизнь (ст. 23), на информацию (ст. 24), на судебную защиту (ст. 46), на равенство (ст. 19), на свободу экономической деятельности (ст. 8, 34). Отсутствие конституционного закрепления цифровых прав в их широком, публично-

правовом понимании порождает правовую неопределенность, угрожающую эффективности защиты основ правового статуса личности.

Конституция не содержит упоминаний о цифровых правах, цифровой личности, алгоритмической власти, цифровом суверенитете. Это «молчание», будучи в определенной мере адаптивным механизмом, позволяющим сохранять стабильность конституционного текста в условиях стремительных технологических изменений, вместе с тем таит в себе серьезные угрозы для конституционно-правового статуса личности. Эти угрозы перестали быть сугубо теоретическими, воплотившись в практические во взаимодействии гражданина с государством.

Постановление Конституционного Суда № 2-П выходит за рамки разрешения конкретного спора и имеет прецедентное значение для всей сферы конституционно-правового регулирования цифровых прав. Оно окончательно узаконило саму постановку вопроса о конституционно-правовой защите цифровых активов, подтвердив, что «конституционное молчание» не означает отсутствие у цифровых прав правовой охраны.

На основании исследования можем сделать вывод, что в условиях цифровой трансформации именно судебное толкование становится ключевым механизмом актуализации конституционных норм, заполняя пробелы, которые не может оперативно восполнить законодатель.

Конституционный Суд задал направление для формирования новой конституционно-правовой доктрины, где права человека в цифровой среде рассматриваются не как производные от закона, а как вытекающие непосредственно из Конституции, а их ограничение требует безусловного соблюдения принципа соразмерности.

Представляется необходимым развитие конституционно-правовой доктрины конституционных пределов цифровых прав. Особого внимания требует распространение сформулированных Судом подходов на новые вызовы, связанные с искусственным интеллектом: правовой статус ИИ-генерируемых цифровых активов, использование ИИ-агентов в обороте цифровых прав, автоматизированный контроль за их оборотом. Законодателю предстоит определить правовой статус ИИ-генерируемых активов и ИИ-агентов

в обороте цифровых прав, а также найти баланс между автоматизированным контролем и конституционными гарантиями частной жизни.

Дальнейшая разработка этой доктрины, а также своевременное законодательное реагирование на вызовы, порождаемые развитием искусственного интеллекта и иных цифровых технологий, позволят обеспечить баланс между технологическим прогрессом, фискальными интересами государства и фундаментальными конституционными гарантиями прав и свобод человека и гражданина.

Конституционные лакуны о цифровых правах, будучи не дефектом, а объективной реальностью для Основного закона, принятого в доцифровую эпоху, требуют наполнения — на уровне как доктринального осмысления, так и конкретных правовых позиций Конституционного Суда РФ и в перспективе — законодательных решений, направленных на конституционализацию цифровых прав в широком смысле, где права человека в цифровой среде рассматриваются не как производные от закона, а как вытекающие непосредственно из Конституции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алферова Е. В. «Цифровые» новеллы Конституции Российской Федерации: взгляд ученых-юристов. (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право. — 2023. — № 4. — С. 92–108.
2. Лаптева А. М. Цифровые права как объекты инвестиционной деятельности // Российский юридический журнал. — 2024. — № 1. — С. 122–132.
3. Невинский В. В. Цифровые права человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 10.
4. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5–16.
5. Четвериков А. О. Право на цифровую неприкосновенность — новое основное право человека? Pro et contra // Юридические исследования. — 2024. — № 5. — С. 8–31.
6. Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В. В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. — 2020. — № 4. — С. 7–24.

Материал поступил в редакцию 19 мая 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alferova E. V. «Tsifrovye» novelty Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: vzglyad uchenykh-yuristov. (Obzornaya statya) // Sotsialnye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4, Gosudarstvo i pravo. — 2023. — № 4. — S. 92–108.
2. Lapteva A. M. Tsifrovye prava kak obekty investitsionnoy deyatel'nosti // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2024. — № 1. — S. 122–132.
3. Nevinskiy V. V. Tsifrovye prava cheloveka: sushchnost, sistema, znachenie // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2019. — № 10.
4. Khabrieva T. Ya. Pravo pered vyzovami tsifrovoy realnosti // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 9. — S. 5–16.
5. Chetverikov A. O. Pravo na tsifrovuyu neprikosnovennost — novoe osnovnoe pravo cheloveka? Pro et contra // Yuridicheskie issledovaniya. — 2024. — № 5. — S. 8–31.
6. Ebzeev B. S. Aktualizatsiya Konstitutsii Rossii: sobiratel'nyy obraz popravok Prezidenta RF V. V. Putina i novye smysly Osnovnogo Zakona // Gosudarstvo i pravo. — 2020. — № 4. — S. 7–24.

Биоконституционализм как проявление адаптивного конституционализма: трансформация конституционных ценностей в условиях биотехнологических вызовов

Аннотация. В условиях стремительного развития биотехнологий, способных радикально изменять биологическую и когнитивную основу человеческого существования, возникает острая необходимость в формировании новой конституционно-правовой парадигмы, способной защитить антропологическое ядро правопорядка. Статья обосновывает концепцию биоконституционализма как специализированной формы адаптивного конституционализма, ориентированной на сохранение биологической целостности, когнитивной автономии и достоинства личности в эпоху, когда сама природа человека становится объектом технического конструирования. Показано, что традиционные конституционные ценности требуют онтологического переосмысления и расширения их содержания в ответ на вызовы генного редактирования, нейротехнологий, репродуктивных инноваций и коммерциализации генетических данных. Особое внимание уделяется герминальному редактированию генома, последствия которого носят необратимый и наследуемый характер, затрагивая права будущих поколений. В этом контексте предлагается трактовать геном человека как носитель его конституционной сущности, а любое несанкционированное вмешательство в него — как посягательство на человеческое достоинство. Автором вводится понятие когнитивной неприкосновенности — права на защиту мыслительных процессов от внешнего считывания, записи или модификации с помощью нейроинтерфейсов, что становится необходимым условием реализации свободы совести, слова и волеизъявления. Подчеркнуто, что биоконституционализм не выступает в роли запретительного механизма, ограничивающего научный прогресс, а устанавливает конституционные пределы биотехнологических вмешательств исходя из принципов межпоколенческой справедливости, недопустимости дегуманизации и приоритета биоэтических норм.

Ключевые слова: биоконституционализм; адаптивный конституционализм; конституционные ценности; генетическое редактирование; герминальное редактирование; генетическая неприкосновенность; когнитивная неприкосновенность; человеческое достоинство; биоэтика; биобезопасность

Для цитирования: Поярков С. Ю. Биоконституционализм как проявление адаптивного конституционализма: трансформация конституционных ценностей в условиях биотехнологических вызовов // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 28–41. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.028-041

© Поярков С. Ю., 2026

* Поярков Сергей Юрьевич, кандидат педагогических наук, ученый секретарь Федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений» (ФГУП «ВНИИФТРИ») раб. пос. Менделеево, промзона «ВНИИФТРИ», г. Солнечногорск, Московская обл., Российская Федерация, 141570 psu70@bk.ru

Bioconstitutionalism as a Manifestation of Adaptive Constitutionalism: The Transformation of Constitutional Values under conditions of Biotechnological Challenges

Sergei Yu. Poyarkov, Cand. Sci. (Pedagogy), Academic Secretary, Federal State Unitary Enterprise «All-Russian Research Institute for Physical-Technical and Radio Engineering Measurements» (VNIIFTRI), Solnechnogorsk, Moscow Region, Russian Federation
psu70@bk.ru

Abstract. In the context of the rapid development of biotechnologies capable of radically transforming the biological and cognitive foundations of human existence, there is an urgent need to develop a new constitutional law paradigm capable of safeguarding the anthropological core of the legal order. The study substantiates the concept of bioconstitutionalism as a specialized form of adaptive constitutionalism aimed at preserving biological integrity, cognitive autonomy, and human dignity in an era when human nature itself has become an object of technological design. The paper demonstrates that traditional constitutional values require ontological reconsideration and an expansion of their substantive scope in response to the challenges posed by gene editing, neurotechnologies, reproductive innovations, and the commercialization of genetic data. Particular attention is paid to germline genome editing, the consequences of which are irreversible and heritable and affect the rights of future generations. In this context, the human genome is conceptualized as a bearer of a person's constitutional identity, while any unauthorized intervention is regarded as an infringement of human dignity. The author introduces the concept of cognitive integrity, defined as the right to protect one's mental processes from external reading, recording, or modification through neural interfaces. Such protection is becoming a necessary condition for the exercise of freedom of conscience, freedom of expression, and freedom of will. The article emphasizes that bioconstitutionalism is not a prohibitive mechanism intended to restrict scientific progress; rather, it establishes constitutional limits on biotechnological interventions on the basis of the principles of intergenerational justice, the prohibition of dehumanization, and the primacy of bioethical norms.

Keywords: bioconstitutionalism; adaptive constitutionalism; constitutional values; genetic editing; germinal editing; genetic integrity; cognitive integrity; human dignity; bioethics; biosecurity

Cite as: Poyarkov SYu. Bioconstitutionalism as a Manifestation of Adaptive Constitutionalism: The Transformation of Constitutional Values under conditions of Biotechnological Challenges. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):28-41. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.028-041

Введение

Современное развитие биотехнологий, характеризующееся беспрецедентной скоростью и глубиной вмешательства в биологическую основу человеческого существования, формирует новый класс правовых вызовов, которые не могут быть адекватно осмыслены в рамках традиционных конституционно-правовых доктрин. Технологии геномного редактирования, такие как CRISPR-Cas9, позволяют не просто корректировать генетические дефекты, но и потенциально конструировать наследуемые признаки, что ста-

вит под сомнение саму идею естественной, не подлежащей техническому конструированию, человеческой природы. Этот процесс выходит далеко за пределы медицинской этики и становится вопросом конституционного порядка, поскольку затрагивает ядро антропологического фундамента права. В России эта проблематика приобретает особую остроту в свете публичных заявлений отдельных ученых о намерении проводить герминальное редактирование эмбрионов, например для коррекции генетической глухоты¹, что демонстрирует разрыв между быстрым технологическим прогрессом и отсут-

---

¹ Cohen J. Embattled Russian scientist sharpens plans to create gene-edited babies // Science. 2023. URL: <https://www.science.org/content/article/embattled-russian-scientist-sharpens-plans-create-gene-edited-babies> (дата обращения: 05.04.2025).

ствием четкой нормативной и конституционной рамки.

В этих условиях конституционное право, как система, призванная защищать неотчуждаемые права и свободы человека, сталкивается с необходимостью радикального переосмысления своих ключевых категорий. Понятие человеческого достоинства, закрепленное в ст. 21 Конституции РФ² как абсолютная ценность, требует конкретизации в контексте генетических вмешательств: может ли достоинство человека быть умалено не только посредством унижения или насилия, но и через несанкционированное изменение его генома, особенно в герминальной линии, когда последствия затрагивают не только индивида, но и его потомков? Аналогичным образом право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ) перестает быть однозначной категорией, когда речь заходит о статусе эмбриона, созданного *in vitro*, или о возможности искусственного продления жизни с помощью биотехнологических имплантов.

Эти трансформации обуславливают необходимость формирования нового теоретического подхода, способного обеспечить устойчивость конституционного порядка в условиях биотехнологической неопределенности. Такой подход, обозначаемый как биоконституционализм, пока не получил систематического теоретического обоснования ни в российской, ни в мировой юридической науке. Хотя отдельные элементы этой проблематики затрагиваются в работах И. А. Кравца, который вводит понятия «бионейроконституционализма» и «конституционной биоюриспруденции»³, его исследования носят преимущественно программный характер

и не предлагают исчерпывающей модели институциональной и доктринальной адаптации. В зарубежной литературе концепция «биоконституционализма» (bioconstitutionalism) также находится в стадии становления, часто сводясь к анализу отдельных правовых режимов регулирования биотехнологий без увязки с фундаментальными принципами конституционализма⁴.

В этой связи научная новизна настоящего исследования заключается в предложении оригинальной концептуализации биоконституционализма не как внешнего регулятора биотехнологий, а как внутреннего, имманентного свойства адаптивного конституционализма. Адаптивный конституционализм, как отмечает ряд исследователей, представляет собой парадигму, способную обеспечивать гибкость конституционного порядка без ущерба для его основополагающих принципов⁵. Биоконституционализм — его специфическое проявление, ориентированное на антропологические вызовы. Он предполагает не статичное применение конституционных норм, а их динамическую эволюцию через механизмы интерпретации, судебного прецедента и диалога между ветвями власти, с целью защиты конституционной сущности человека в условиях, когда эта сущность становится объектом технического конструирования.

Целью статьи является выявление сущности биоконституционализма как проявления адаптивного конституционализма и определение путей трансформации конституционных ценностей под влиянием биотехнологий. Для достижения этой цели необходимо решить комплекс взаимосвязанных задач. Первая задача — определить теоретические основы адаптивного консти-

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных в 2020 г.) // СЗ РФ. 2022. № 40. Ст. 6013. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 05.04.2025).

³ Кравец И. А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основания, диалог этико-правовых требований и перспективы взаимодействия (ч. II) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 5–31; Он же. Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (ч. 1) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 2 (147). С. 16–42.

⁴ Jasanoff S. (ed.). Reframing Rights: Bioconstitutionalism in the Genetic Age. Cambridge: MIT Press, 2011. 320 p.

⁵ Пояров С. Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политико-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 67–85.

туционализма, включая его методологические установки, пределы гибкости и институциональные механизмы реализации. Вторая задача — проанализировать специфику биотехнологических вызовов для конституционного порядка, выделив их правовую природу и степень угрозы основным конституционным ценностям. Третья задача — выявить конкретные механизмы трансформации ключевых конституционных ценностей, таких как человеческое достоинство, право на жизнь, личная неприкосновенность и свобода идентичности. Наконец, четвертая задача — предложить концептуальную модель биоконституционализма и обозначить ее практическое значение для российской правовой системы.

Решение этих задач невозможно без обращения к эмпирической основе, включающей как нормативные акты, так и судебную практику. Важнейшую роль играет позиция Конституционного Суда РФ, который в своих недавних решениях демонстрирует готовность адаптировать конституционные нормы к новым реалиям. Так, в постановлении от 11.02.2025 Суд признал право детей, зачатых после смерти родителя с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, на страховую пенсию по потере кормильца, тем самым подтвердив, что биомедицинские технологии являются легитимным способом реализации конституционного права на семью и продолжение рода⁶. Это решение является ярким примером адаптивного подхода, при котором конституционные гарантии распространяются на новые, ранее не существовавшие социальные факты. Однако в других сферах, например в области генетического редактирования, правовая неопределенность сохраняется. Россия подписала, но так и не ратифицировала Овьедскую конвенцию о правах человека и биомедицине (ETS № 164), которая устанавливает

четкий запрет на вмешательства в геном человека, если они не направлены на терапевтические цели и могут сделать изменения наследуемыми (ст. 13)⁷. Отсутствие ратификации этого ключевого международного акта создает правовой вакуум, который не позволяет эффективно регулировать наиболее рискованные направления биотехнологий. В этих условиях роль Конституционного Суда РФ как «арбитра» конституционных ценностей становится особенно важной. Его правовая позиция, основанная на том, что человеческое достоинство является «ядром» всей конституционной системы, может и должна быть транслирована на сферу биотехнологий для выработки конституционных пределов научного эксперимента. Таким образом, исследование биоконституционализма представляет собой не абстрактное теоретическое упражнение, а насущную потребность в создании правового инструментария, способного защитить человека как носителя неотчуждаемых прав в эпоху, когда его биологическая основа становится полем для технологических инноваций.

Адаптивный конституционализм как теоретическая основа эволюции конституционного порядка

Адаптивный конституционализм представляет собой теоретико-правовую парадигму, в рамках которой конституция понимается не как статичный, замкнутый в себе нормативный акт, а как динамическая система, способная к внутренней эволюции под воздействием социальных, технологических и экзистенциальных трансформаций. Эта парадигма знаменует собой переход от классической модели «жесткой» конституции — ориентированной преимущественно на формальную стабильность и иерархию норм — к «гибкой» конституционной модели, в которой ключевую

---

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // СЗ РФ. 2025. № 8. Ст. 1021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498341/ (дата обращения: 05.04.2025).

⁷ Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 г.) // URL: <https://rm.coe.int/168007d004> (дата обращения: 05.04.2025).

роль играют не только текстуальные положения, но и механизмы их интерпретации, институционального взаимодействия и правоприменительной практики. При этом адаптивный конституционализм предполагает способность конституционного порядка к самообновлению без утраты своей идентичности, что особенно важно в условиях радикальных вызовов, угрожающих самой антропологической основе правопорядка. В этом контексте конституция выступает как «живая конституция»⁸, чья нормативная сила проявляется не только в буквальном смысле ее положений, но и в их способности трансформироваться через динамическое толкование, адаптируя универсальные ценности к конкретным историческим и технологическим обстоятельствам.

Основным институтом, обеспечивающим такую адаптацию, выступают конституционные (верховные) суды, чья роль выходит далеко за пределы формального контроля за соответствием нормативных актов конституции. В правоприменительной практике этих органов формируются новые конституционные смыслы, которые постепенно становятся неотъемлемой частью правовой системы. Например, Европейский Суд по правам человека в деле *Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom*⁹ (2018) адаптировал понятие права на уважение частной жизни (ст. 8 ЕКПЧ) к реалиям массовой цифровой слежки, установив новые стандарты пропорциональности и судебного контроля. Эти примеры демонстрируют, что адаптация конституционного порядка происходит не столько через формальные изменения текста, сколько через эволюцию его интерпретации, что позволяет сохранять стабильность основного закона при одновременной его актуализации.

При этом эволюция конституционных ценностей в условиях глобальных вызовов — будь то цифровизация, экологический кризис или пандемии — подтверждает жизнеспособность адаптивной модели. Так, в условиях пандемии COVID-19 многие государства были вынуждены вводить ограничения на передвижение, собрания и другие конституционные права. Однако именно благодаря адаптивному подходу конституционные суды смогли не просто санкционировать такие ограничения, но и установить их пределы, исходя из принципов соразмерности, временного характера и уважения к человеческому достоинству. В России Конституционный Суд в постановлении Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П¹⁰ фактически подчеркнул, что даже в условиях чрезвычайной ситуации ограничения прав и свобод не могут затрагивать их сущность, тем самым сохранив ядро конституционных гарантий.

В сфере экологии адаптация проявляется в формировании «экологического измерения» права на жизнь и здоровье, в рамках которого государство обязано не только реагировать на экологические угрозы, но и предотвращать их, что выводит экологическую безопасность из сферы дискреционной политики в плоскость конституционного обязательства. Эти процессы реализуются через комплексные механизмы: динамическое толкование, целенаправленное использование конституционных поправок (как в случае с включением в Конституцию РФ в 2020 г. норм об экологическом благополучии — ст. 58 и 72), а также через так называемые конституционные диалоги — взаимодействие между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, направленное на выработку согласованных подходов к новым вызовам.

⁸ *Strauss D. A. The Living Constitution* // The University of Chicago Law School. 2010. URL: <https://www.law.uchicago.edu/news/living-constitution> (дата обращения: 05.04.2025).

⁹ *Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom*: постановление Европейского Суда по правам человека от 25.05.2018 (жалоба № 58170/13) // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%22itemid%22:%22001-210077%22>] (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности...” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372430/ (дата обращения: 05.04.2025).

Однако биотехнологические вызовы занимают особое место в этом ряду, поскольку они затрагивают не внешние условия человеческого существования, а его внутреннюю, биологическую основу. Если цифровизация изменяет способы коммуникации, а экологический кризис — условия обитания, то биотехнологии ставят под вопрос саму природу человека как носителя прав. Они формируют новую «границу человеческого», за которой начинается область потенциально конструируемого, модифицируемого и даже «дизайнерского» существа. Именно поэтому стандартные механизмы адаптации оказываются недостаточными. Простое расширение толкования существующих прав (например, права на неприкосновенность личности) не позволяет в полной мере охватить специфику рисков, связанных с герминальным редактированием, нейроинтерфейсами или коммерциализацией генетических данных. В отличие от цифровых или экологических угроз, биотехнологические вмешательства могут быть необратимыми и наследуемыми, затрагивая не только текущие, но и будущие поколения, чьи интересы не представлены в политическом процессе. Эта особенность требует формирования не просто адаптации, а специализированной адаптационной модели, ориентированной на антропологическую устойчивость конституционного порядка.

Такая модель и может быть обозначена как биоконституционализм. В отличие от общего адаптивного конституционализма, биоконституционализм фокусируется на защите «конституционной сущности человека» — совокупности неотчуждаемых характеристик, без которых человек перестает быть субъектом права. Эта сущность включает в себя не только правоспособность и дееспособность, но и «биологическую целостность» и достоинство личности¹¹, которая не может быть предметом технического конструирования без угрозы для всего конституционного строя. Биоконституционализм, таким образом, не отвергает адаптивный подход, но

специфицирует его, вводя дополнительные критерии легитимности биотехнологических вмешательств: необходимость сохранения человеческого достоинства как предела научной свободы, принцип недопустимости наследуемых изменений генома без международного консенсуса, а также приоритет прав будущих поколений. В этой связи биоконституционализм выступает не как альтернатива адаптивному конституционализму, а как его необходимое развитие в условиях антропологического кризиса, вызванного биотехнологическим прогрессом. Он обеспечивает ту самую «гибкость с пределами», которая позволяет конституционному порядку оставаться открытым для инноваций, но при этом защищенным от дегуманизации.

Биотехнологические вызовы как фактор трансформации конституционного порядка

Биотехнологические вызовы, воздействуя на саму биологическую основу человеческого существования, формируют новый класс правовых рисков, требующих систематической классификации для выработки адекватных конституционно-правовых ответов. Наиболее острым из них является генетическое редактирование, особенно в его герминальной форме, когда изменения вносятся в ДНК эмбриона и становятся наследуемыми. В отличие от соматического редактирования, направленного на лечение конкретного пациента и не затрагивающего потомство, герминальное вмешательство трансформирует генофонд человечества, ставя под сомнение принцип автономии будущих поколений, которые не могут дать согласие на такие изменения. Эта проблема приобрела глобальную остроту после эксперимента китайского ученого Хэ Цзянькуя в 2018 г., в результате которого на свет появились первые в мире генетически модифицированные дети¹². В России подобные исследования формально ограничены

---

¹¹ Крылатова И. Ю. Природа права на биоэтическое достоинство личности и его синтез в конструкции прав человека // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 1. С. 113–119.

¹² #пронауку: в Китае родились дети с искусственно измененной ДНК // РБК Style. 2018. URL: <https://style.rbc.ru/life/5bfceee69a79474432e823da> (дата обращения: 05.04.2025).

Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹³, который в ст. 20 запрещает клонирование человека и использование эмбрионов в научных целях без соблюдения этических норм, однако прямого запрета на герминальное редактирование в законодательстве нет, что создает правовую неопределенность.

Другой группой вызовов выступают технологии искусственного продления жизни и крионика — практика замораживания тел или мозга с целью последующего воскрешения. Хотя крионика пока не имеет научного подтверждения своей эффективности, она уже порождает правовые коллизии, связанные со статусом замороженного индивида: является ли он умершим в юридическом смысле, сохраняются ли его имущественные права, может ли он быть наследником. Эти вопросы выходят за рамки гражданского права и затрагивают конституционное понимание права на жизнь и смерть. Нейротехнологии, включая имплантируемые нейроинтерфейсы, способные считывать, записывать и даже модулировать когнитивные процессы, ставят под угрозу целостность личности как конституционной категории. Кроме того, и право на когнитивную неприкосновенность становится необходимым дополнением к традиционному праву на неприкосновенность частной жизни, поскольку вмешательство в нейронные процессы может подорвать способность человека к свободному волеизъявлению — основу демократического конституционализма.

Репродуктивные технологии, включая преимплантационную генетическую диагностику (ПГД) и суррогатное материнство, также трансформируют конституционные представления о семье, родительстве и правах ребенка. Возможность отбора эмбрионов по генетическим признакам ведет к формированию феномена «дизайнерских детей», что ставит вопрос о границе между терапией и улучшением. Если отбор эмбриона для предотвращения тяжелого генетического заболевания может быть оправдан с точки зре-

ния права на здоровье, то выбор пола, цвета глаз или предрасположенности к определенным талантам выходит за рамки медицинской необходимости и затрагивает принцип равенства всех людей независимо от их биологических характеристик. Наконец, биобанки — массивные хранилища генетической информации, часто коммерческих организаций, таких как 23andMe или AncestryDNA, — создают риски массовой коммерциализации генома. Генетические данные, обладая высокой степенью идентификации и предсказуемости, становятся объектом рыночного оборота, что угрожает праву на генетическую конфиденциальность и свободу от генетической дискриминации. В России, несмотря на включение в Федеральный закон «О персональных данных»¹⁴ (ст. 11) особого режима для биометрических данных, генетическая информация не выделена в отдельную категорию, что снижает уровень ее защиты.

Все эти вызовы порождают глубокие правовые и этические дилеммы, лежащие в основе конфликта между свободой научного исследования и защитой человеческого достоинства. Статья 44 Конституции РФ гарантирует свободу научного творчества, но эта свобода не абсолютна и ограничивается правами и свободами других лиц, а также основами конституционного строя. Научная свобода не может оправдывать вмешательство в биологическую целостность человека, если такое вмешательство угрожает его достоинству как носителя неотчуждаемых прав. Особенно остро эта дилемма проявляется в контексте возможного появления «постчеловеческих» существ — генетически или когнитивно модифицированных индивидов, чей статус в правовой системе остается неопределенным. Возникает вопрос: обладают ли такие существа правосубъектностью? Если да, то в каком объеме? Ответ на этот вопрос требует переосмысления самого понятия правосубъектности, традиционно привязанного к естественной человеческой природе. Кроме того, биотехнологии несут в себе значительные риски усиления социально-

¹³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

го неравенства и формирования «биоэлиты» — слоя общества, имеющего доступ к технологиям генетического улучшения, продления жизни и когнитивного усиления. Это противоречит конституционному принципу равенства (ст. 19 Конституции РФ) и угрожает социальной сплоченности. Как отмечает американский философ М. Сэндел, биотехнологическое неравенство может стать самым глубоким и необратимым из всех видов неравенства, поскольку оно будет закреплено в самой биологии человека¹⁵.

Международный опыт правового регулирования демонстрирует отсутствие универсального подхода и глубокую фрагментацию нормативных моделей. Европейский Суд по правам человека, несмотря на отсутствие прямых норм о биотехнологиях в Европейской конвенции, выработал значительную практику через толкование ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни) и 3 (запрет пыток и бесчеловечного обращения). В деле *Evans v. the United Kingdom*¹⁶ (2007) Суд признал, что государство вправе регулировать статус эмбрионов, созданных *in vitro*, но при этом обязано обеспечивать баланс между правами партнеров. В то же время национальные конституции предлагают разные модели ограничений. Основной закон Германии¹⁷ (ст. 1 и 2) содержит прямой запрет на вмешательства, угрожающие человеческому достоинству, что было интерпретировано Федеральным конституционным судом как запрет на клонирование и герминальное редактирование. Во Франции биоэтические законы, основанные на конституционном принципе «неприкосновенности человеческого тела», также строго ограничивают репродуктивные и генетические

технологии. В Италии до 2009 г. действовал один из самых жестких законов в Европе¹⁸, запрещавший ПГД и донорство гамет, что было признано ЕСПЧ нарушением права на частную жизнь. Эта фрагментация свидетельствует о том, что биотехнологические вызовы не могут быть решены универсальными нормами, а требуют гибкого, но принципиального подхода, основанного на защите антропологического ядра конституционного порядка.

Трансформация ключевых конституционных ценностей под влиянием биотехнологий

Трансформация ключевых конституционных ценностей под влиянием биотехнологий представляет собой не просто расширение их содержания, а фундаментальную реконфигурацию их онтологических основ. Наиболее глубокие изменения претерпевает категория человеческого достоинства, закрепленная в ст. 21 Конституции РФ как абсолютная и не подлежащая умалению ценность. Традиционно достоинство понималось как «неприкосновенность личности» в ее социальном и моральном измерении — как защита от унижения, оскорбления, насилия. Однако в условиях, когда геном человека становится объектом технического вмешательства, эта категория требует онтологического уточнения: достоинство начинает включать в себя «неприкосновенность генома» как биологической основы индивидуальности. Эта трансформация находит отражение в международных документах: Овьедская конвенция (ст. 13) прямо запрещает вмешательства в геном человека, ко-

---

¹⁵ Sandel M. J. *The Case Against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering*. Cambridge : Harvard University Press, 2007. 176 p.

¹⁶ *Evans v. the United Kingdom*: постановление Европейского Суда по правам человека от 07.03.2007 (жалоба № 6339/05) // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-80046%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-80046%22]}) (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁷ Основной Закон Федеративной Республики Германия (*Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland*) от 23.05.1949 (с последующими изменениями) // URL: <https://handbookgermany.de/ru/basic-law> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁸ Legge 19 febbraio 2004, n. 40. Norme in materia di procreazione medicalmente assistita // *Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana*. 2004. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2004-02-19;40!vig> (дата обращения: 05.04.2025).

торые могут сделать изменения наследуемыми, мотивируя это необходимостью защиты человеческого достоинства и идентичности. В этой связи полагаем, что геном человека является носителем его конституционной сущности, и любое несанкционированное вмешательство в него есть посягательство на достоинство как на ядро правового статуса личности. Таким образом, человеческое достоинство перестает быть исключительно социальной категорией и приобретает биологическое измерение, выступая в качестве предела биотехнологического вмешательства — не потому, что наука не способна осуществить то или иное изменение, а потому, что такое изменение подрывает антропологическую основу конституционного порядка.

Право на жизнь, закрепленное в ст. 20 Конституции РФ, также подвергается радикальной переинтерпретации. Его биотехнологическая релевантность проявляется в двух полюсах: начале и конце жизни. Вопрос о начале жизни становится особенно острым в контексте вспомогательных репродуктивных технологий, когда эмбрион, созданный *in vitro*, существует вне тела женщины и может быть заморожен, использован для исследований или уничтожен. Эта позиция оставляет пространство для дальнейшего конституционного развития, особенно в свете возможностей клонирования и герминального редактирования, которые ставят под сомнение саму идею естественного зачатия как единственного источника жизни.

На другом полюсе — вопросы эвтаназии и искусственного продления жизни. Хотя в России активная эвтаназия запрещена (ст. 45 закона № 323-ФЗ), развитие паллиативной медицины и нейротехнологий, позволяющих поддерживать жизненные функции при полной утрате сознания, требует уточнения самого понятия «жизнь»: является ли она исключительно биологической функцией или включает в себя когнитивные и социальные компоненты? В этом контексте речь может идти о формировании новой конституционной категории — право на «генетическую неприкосновенность», которую можно определить как право индивида на защиту своей генетической информации от несанкционированного сбора, использования,

раскрытия и модификации. Это право вытекает из совокупности ст. 23 и 24 Конституции РФ и призвано обеспечить контроль человека над своей биологической идентичностью в условиях, когда генетические данные становятся объектом коммерческого и государственного оборота.

Личность и идентичность в эпоху биотехнологий также подвергаются глубокой трансформации. Традиционное понимание личности как носителя прав и свобод, основанное на психической и физической целостности, сталкивается с вызовами, порождаемыми возможностью генетического и когнитивного вмешательства. Право на генетическую идентичность — право знать (или не знать) о своей генетической предрасположенности, право на генетическую уникальность и недопущение ее искусственного конструирования — становится необходимым элементом конституционного статуса личности. Это право не закреплено в Овьедской конвенции. Но в практике ЕСПЧ Суд многократно подтверждал, что принудительное генетическое тестирование без согласия может нарушать ст. 8 ЕКПЧ (право на уважение частной жизни), если отсутствуют надлежащие гарантии.

Свобода от генетической дискриминации вытекает из принципа равенства (ст. 19 Конституции РФ) и предполагает запрет на ограничение прав на основании генетических характеристик — например, при трудоустройстве, страховании или доступе к образованию. Особенно остро эта проблема стоит в контексте нейротехнологий: имплантируемые нейроинтерфейсы, способные считывать и модулировать мыслительные процессы, угрожают когнитивной автономии — способности человека к свободному мышлению и принятию решений без внешнего вмешательства. При этом когнитивная автономия является предпосылкой всех других прав, поскольку без нее невозможна реализация свободы слова, совести или политических прав. В этой связи право на «когнитивную неприкосновенность» должно быть признано как неотъемлемый элемент права на неприкосновенность частной жизни, что требует законодательного закрепления и судебной защиты.

Наконец, биотехнологии ставят перед конституционным правом проблему прав будущих поколений — категории, прямо не упомянутой в тексте Конституции РФ, но выводимой из ее духа и структуры. Принцип межпоколенческой справедливости, фактически закрепленный в ст. 58 («каждый обязан сохранять природу и окружающую среду»), может быть расширен и на биологическую сферу: обязанность сохранять генофонд человечества в его естественном состоянии как общее наследие. Герминальное редактирование, вносящее наследуемые изменения в геном, нарушает этот принцип, поскольку будущие поколения не могут дать согласие на такие вмешательства и несут все риски, связанные с их последствиями.

Эта позиция находит поддержку в доктрине. Э. Вейс¹⁹, основоположник концепции межпоколенческой справедливости в международном праве, формулирует *intergenerational equity* как принцип, согласно которому каждое поколение является попечителем природного и культурного наследия для будущих поколений. И его содержание состоит в том, что конституционный порядок должен защищать не только существующих, но и потенциальных носителей прав, чьи интересы не могут быть представлены в текущем политическом процессе. Ограничения на герминальное редактирование, таким образом, не являются проявлением антинаучной позиции, а вытекают из конституционного обязательства перед будущими поколениями — обязательства сохранить их право на естественную, не сконструированную биологическую основу. В совокупности эти трансформации демонстрируют, что биотехнологии не просто дополняют существующие конституционные категории, а требуют их глубокой реконструкции, направленной на защиту антропологического ядра правопорядка в условиях, когда сама природа человека становится объектом технического конструирования.

Биоконституционализм: теоретическая модель и перспективы институционализации

Биоконституционализм как концептуальная модель представляет собой специализированную форму адаптивного конституционализма, ориентированную не на общую гибкость правопорядка, а на защиту антропологической целостности человека в условиях биотехнологических трансформаций. В отличие от традиционных подходов, где биоэтика и право существуют как параллельные дисциплины, биоконституционализм предполагает их глубокий синтез: конституционные нормы становятся носителями биоэтических принципов, а биоэтика — инструментом конституционного толкования. Эта модель не сводится к этическому регулированию науки, а формирует правовую парадигму, в которой биологическая основа человека признается конституционно защищенной сферой, недоступной для неограниченного технического вмешательства. При этом биоконституционализм не выступает запретом на инновации, а устанавливает конституционные границы, за которыми начинается дегуманизация. Его ключевые признаки включают: приоритет защиты человеческого достоинства как предела научной свободы; признание генома и когнитивных функций как составляющих конституционной сущности личности; обязательный учет интересов будущих поколений; а также принцип недопустимости наследуемых изменений в геноме без широкого общественного и международного консенсуса. В этой модели биоэтика перестает быть внешней по отношению к праву и становится его внутренним измерением, что позволяет избежать как технологического детерминизма, так и морализаторского запретительства.

Институциональная реализация биоконституционализма требует создания многоуровневой системы, в которой центральную роль играют конституционные (верховные) суды. Именно судебная власть, обладая монополией на окончательное толкование конституции, способна

---

¹⁹ Weiss E. B. In Fairness to Future Generations: International Law, Common Patrimony, and Intergenerational Equity. Tokyo; New York : United Nations University Press, 1989. 385 p.

вырабатывать «биоконституционные» стандарты, адаптируя общие нормы к конкретным биотехнологическим вызовам. Примером может служить позиция Конституционного Суда РФ в постановлении от 11.02.2025, где Суд, признавая право детей, зачатых после смерти родителя с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, на пенсию по потере кормильца, фактически легитимизировал новые формы родства, выведенные из конституционного права на семью (ст. 38). Такой подход демонстрирует, как судебная практика может опережать законодательство, формируя правовые рамки для биотехнологий.

Однако одного судебного толкования недостаточно. Необходимо создание специализированных этических и правовых комитетов при законодательных органах — аналогов Национального консультативного комитета по этике во Франции или Немецкого этического совета, — которые бы осуществляли предварительную оценку биотехнологических инициатив с точки зрения их соответствия конституционным ценностям. Эти комитеты должны включать не только юристов и ученых, но и представителей гражданского общества, что обеспечит демократическую легитимность принимаемых решений. Ключевым механизмом институционализации биоконституционализма является интеграция биоэтических принципов — таких как автономия, недопущение вреда, справедливость и уважение к человеческому достоинству — в методологию конституционного толкования. Это означает, что при интерпретации норм о праве на жизнь, неприкосновенности личности или свободе науки суды должны учитывать не только формально-юридические, но и антропологические последствия своих решений.

Практическая значимость биоконституционализма для российской конституционной системы проявляется в необходимости системного переосмысления ряда статей Конституции РФ. Статья 21, провозглашающая неприкосновенность достоинства, должна быть интерпретирована как запрет на любые вмешательства, подрывающие биологическую целостность человека, включая герминальное редактирование. Статья 22, гарантирующая право на свободу и

личную неприкосновенность, требует расширения содержания до права на «когнитивную неприкосновенность» в условиях развития нейротехнологий. Статья 23, защищающая частную жизнь, должна включать в себя право на генетическую конфиденциальность и свободу от генетической дискриминации. Наконец, статья 38, закрепляющая право на семью и материнство, нуждается в адаптации к новым репродуктивным реалиям, включая регулирование суррогатного материнства и статуса эмбрионов. Для обеспечения системного подхода к этим вызовам необходима разработка федерального закона «О биобезопасности и биоэтике», который бы установил единые принципы регулирования биотехнологий, определил запреты (в частности, на герминальное редактирование и клонирование человека), а также создал институты мониторинга и контроля. Такой закон мог бы стать российским аналогом биоэтических кодексов, действующих во Франции и Испании. В перспективе возможно включение биоконституциональных норм непосредственно в текст Конституции РФ — например, в виде положения о «неприкосновенности генома человека» или «праве будущих поколений на естественную биологическую основу». Это обеспечило бы высший уровень защиты от потенциальных законодательных инициатив, направленных на легализацию рискованных биотехнологий.

На глобальном уровне биоконституционализм обладает значительным потенциалом формирования международных стандартов, способных преодолеть существующую фрагментацию национальных моделей. Несмотря на отсутствие универсального договора по биотехнологиям, Овьедская конвенция о правах человека и биомедицине (1997) уже заложила основы такого регулирования, установив запрет на наследуемые генетические вмешательства и признав геном человека «наследием человечества». Расширение круга государств — участников этой конвенции, включая Россию, могло бы стать первым шагом к созданию глобального биоконституционного режима. Более того, в условиях антропоценовой эпохи, когда человеческая деятельность становится геологической силой, формируется потребность в «конституции челове-

ства» — системе норм, защищающих не только права отдельных индивидов, но и антропологическую и экологическую устойчивость вида *Homo sapiens*. Биоконституционализм, таким образом, выступает не как узкоспециализированная доктрина, а как необходимый элемент глобального конституционного порядка, призванного обеспечить устойчивость человеческой цивилизации в эпоху, когда сама природа человека становится объектом технологического конструирования.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что биоконституционализм представляет собой не спорадическую реакцию на отдельные биотехнологические инновации, а необходимую и закономерную форму эволюции конституционного порядка в условиях глубокой трансформации антропологических основ правопорядка. Его появление обусловлено фундаментальным сдвигом: если традиционный конституционализм защищал человека в его социальном и политическом измерении, то биоконституционализм ориентирован на защиту человека в его биологической и когнитивной целостности. В условиях, когда технологии генного редактирования, нейроинтерфейсы и репродуктивные инновации ставят под вопрос саму природу человеческого существования, конституционное право не может ограничиваться пассивной защитой уже существующих прав. Оно должно активно формировать правовые рамки, способные предотвратить дегуманизацию и сохранить антропоцентрическую основу конституционализма. Именно эту функцию и выполняет биоконституционализм: он не отвергает научный прогресс, но устанавливает его пределы, исходя из принципа недопустимости технического конструирования человеческой природы как таковой. В этом смысле биоконституционализм выступает как антитезис трансгуманистической утопии, в которой человек рассматривается как объект для улучшения и оптимизации, а не как носитель неотчуждаемого достоинства.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в систематизации и концептуализации биоконституционализма как самостоятельного подвида адаптивного конституционализма. До настоящего времени в российской и мировой юридической науке отсутствовала целостная теория, способная объединить разрозненные подходы к регулированию биотехнологий в единую конституционно-правовую парадигму. Предложенная модель устраняет этот пробел, разрабатывая такую категорию, как биоконституционализм и определяя ее ключевые признаки: ориентацию на защиту антропологической целостности, синтез конституционного права и биоэтики, а также приоритет интересов будущих поколений. Именно в рамках биоконституционализма этика становится внутренним измерением права, а судебное толкование — инструментом реализации биоэтических принципов.

Практическая значимость исследования проявляется в предложении конкретных инструментов для правового регулирования биотехнологий. К ним относятся: разработка федерального закона «О биобезопасности и биоэтике», создание специализированных эτικο-правовых комитетов при законодательных органах, а также интеграция биоконституциональных стандартов в практику Конституционного Суда РФ. Эти меры позволят не только устранить существующие правовые пробелы, но и сформировать устойчивую конституционную модель будущего, способную противостоять вызовам биотехнологической революции без ущерба для демократических ценностей и прав человека.

Направления дальнейших исследований в данной области чрезвычайно многообразны и требуют междисциплинарного подхода. Во-первых, необходимо провести детальную разработку биоконституционных стандартов для конкретных технологий. Например, применительно к CRISPR-Cas9 требуется четкое разграничение между соматическим и герминальным редактированием с точки зрения конституционных последствий; в сфере искусственного интеллекта в медицине — определение пределов автономии алгоритмов при принятии диагностических и терапевтических решений; в контексте нейро-

интерфейсов — формализация права на «когнитивную неприкосновенность» как элемента конституционного статуса личности. Во-вторых, перспективным направлением является сравнительно-правовой анализ национальных моделей биоконституционализма. Сравнение подходов Германии, Франции, США и Китая позволит выявить универсальные принципы и специфические особенности, что особенно важно для выработки российской позиции в международных дискуссиях по биобезопасности. В-третьих, необходимо исследовать взаимодействие биоконституционализма с другими формами адаптивного конституционализма — в частности, с экоконституционализмом и цифровым конституционализмом. Эти три направле-

ния — био-, эко- и цифровое — формируют триединую угрозу антропологической устойчивости: биотехнологии изменяют внутреннюю природу человека, цифровые технологии — его когнитивные и социальные связи, а экологический кризис — внешние условия существования. Их синтез в рамках единой теории адаптивного конституционализма позволит создать целостную модель защиты человека в антропоценовую эпоху. Таким образом, биоконституционализм не является завершенной доктриной, а представляет собой открытую исследовательскую программу, направленную на обеспечение устойчивости конституционного порядка в условиях радикальных трансформаций человеческой природы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кравец И. А.* Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основания, диалог этико-правовых требований и перспективы взаимодействия (ч. II) // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 6. — С. 5–31.
2. *Кравец И. А.* Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (ч. 1) // Сравнительное конституционное обозрение. — 2022. — № 2 (147). — С. 16–42.
3. *Крылатова И. Ю.* Природа права на биоэтическое достоинство личности и его синтез в конструкции прав человека // Вестник Гуманитарного университета. — 2024. — Т. 12. — № 1. — С. 113–119.
4. *Поярков С. Ю.* Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политико-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. — 2025. — № 3. — С. 67–85.
5. *Cohen J.* Embattled Russian scientist sharpens plans to create gene-edited babies // Science. — 2023. — URL: <https://www.science.org/content/article/embattled-russian-scientist-sharpens-plans-create-gene-edited-babies> (дата обращения: 05.04.2025).
6. *Jasanoff S.* (ed.). Reframing Rights: Bioconstitutionalism in the Genetic Age. — Cambridge : MIT Press, 2011. — 320 p.
7. *Sandel M. J.* The Case Against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering. — Cambridge : Harvard University Press, 2007. — 176 p.
8. *Strauss D. A.* The Living Constitution // The University of Chicago Law School. — 2010. — URL: <https://www.law.uchicago.edu/news/living-constitution> (дата обращения: 05.04.2025).
9. *Weiss E. B.* In Fairness to Future Generations: International Law, Common Patrimony, and Intergenerational Equity. — Tokyo; New York : United Nations University Press, 1989. — 385 p.

Материал поступил в редакцию 6 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kravets I. A. Bioneyrokonstitutsionalizm i dostoinstvo: teoreticheskie osnovaniya, dialog etiko-pravovykh trebovaniy i perspektivy vzaimodeystviya (ch. II) // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2022. — T. 26. — № 6. — S. 5–31.
2. Kravets I. A. Konstitutsionnaya bioyurisprudentsiya i dostizhenie bioeticheskogo blagopoluchiya (ch. 1) // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. — 2022. — № 2 (147). — S. 16–42.
3. Krylatova I. Yu. Priroda prava na bioeticheskoe dostoinstvo lichnosti i ego sintez v konstruktsii prav cheloveka // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. — 2024. — T. 12. — № 1. — S. 113–119.
4. Poyarkov S. Yu. Adaptivnyy konstitutsionalizm: kontseptualnye osnovaniya i institutsionalnye mekhanizmy v usloviyakh politiko-pravovoy turbulentnosti // Administrativnoe i munitsipalnoe pravo. — 2025. — № 3. — S. 67–85.
5. Cohen J. Embattled Russian scientist sharpens plans to create gene-edited babies // Science. — 2023. — URL: <https://www.science.org/content/article/embattled-russian-scientist-sharpens-plans-create-gene-edited-babies> (data obrashcheniya: 05.04.2025).
6. Jasanoff S. (ed.). Reframing Rights: Bioconstitutionalism in the Genetic Age. — Cambridge: MIT Press, 2011. — 320 p.
7. Sandel M. J. The Case Against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering. — Cambridge: Harvard University Press, 2007. — 176 p.
8. Strauss D. A. The Living Constitution // The University of Chicago Law School. — 2010. — URL: <https://www.law.uchicago.edu/news/living-constitution> (data obrashcheniya: 05.04.2025).
9. Weiss E. B. In Fairness to Future Generations: International Law, Common Patrimony, and Intergenerational Equity. — Tokyo; New York: United Nations University Press, 1989. — 385 p.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.042-049

К. А. Пономарева,*
А. С. Матненко**

Результативность национальных проектов: от плановых показателей к ценностному эффекту

Аннотация. В статье предлагается концептуальная модель трехуровневой результативности реализации документов стратегического планирования и обосновывается идея включения инструментов оценки ценностного эффекта в систему контроля исполнения национальных проектов и государственных программ, в том числе для полноценной реализации принципа эффективности и результативности использования бюджетных средств. Проведен анализ трех уровней результативности национальных проектов как ключевого инструмента достижения национальных целей развития Российской Федерации. Раскрывается проблема неопределенности понятия «результат» в бюджетном праве и отмечается, что действующая правовая конструкция ориентирована на экономность расходования бюджетных средств и операционную результативность, но не предоставляет инструментов для учета качественных изменений в управлении. Аргументируется необходимость выделения, наряду с краткосрочными и долгосрочными результатами реализации документов стратегического планирования, третьего — ценностного уровня, связанного с изменением общественных ценностей, доверия и социального капитала. Ценностный эффект формируется дольше и подлежит скорее субъективной оценке, вместе с тем он вытекает из конституционно-правовых норм и национальных целей развития Российской Федерации.

Ключевые слова: финансовое право; бюджетное право; стратегическое планирование; национальные цели развития; национальные проекты; государственные программы; государственное управление; производительность труда; бюджетные расходы; результативность

Для цитирования: Пономарева К. А., Матненко А. С. Результативность национальных проектов: от плановых показателей к ценностному эффекту // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 42–49. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.042-049

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

© Пономарева К. А., Матненко А. С., 2026

* Пономарева Карина Александровна, доктор юридических наук, доцент, директор, ведущий научный сотрудник Центра прогнозирования и проектного управления региональными системами Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, д. 82, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119602
ponomareva-ka@ranepa.ru

** Матненко Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
просп. Мира, д. 55а, г. Омск, Российская Федерация, 644077
matnenkoas@omsu.ru

The Effectiveness of National Projects: From Planned Indicators to Value-Based Impact

Karina A. Ponomareva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Director, Leading Researcher, Centre for Forecasting and Project Management of Regional Systems, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
ponomareva-ka@ranepa.ru

Alexander S. Matnenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation
matnenkoas@omsu.ru

Abstract. The study proposes a conceptual model of the three-tier effectiveness of implementing strategic planning documents and substantiates the inclusion of value-impact assessment instruments in the system applied for monitoring the implementation of national projects and state programs. Such instruments are also necessary for the full realization of the principle of efficiency and effectiveness in the use of budgetary funds. The paper analyses three levels of effectiveness in national projects, regarded as a key instrument for achieving the national development goals of the Russian Federation. It addresses the uncertainty surrounding the concept of «result» in budget law and observes that the existing legal framework is oriented towards the economy of budgetary expenditure and operational effectiveness, while offering no means of accounting for qualitative changes in public administration. The paper argues that, alongside the short-term and long-term results of implementing strategic planning documents, we should recognize a third, value-based level associated with changes in public values, trust, and social capital. Value-based impact develops over a longer period and is more appropriately subject to subjective assessment. Nevertheless, it follows from constitutional and legal norms and from the national development goals of the Russian Federation.

Keywords: financial law; budgetary law; strategic planning; national development goals; national projects; government programs; public administration; labor productivity; budget expenditures; effectiveness

Cite as: Ponomareva KA, Matnenko AS. The Effectiveness of National Projects: From Planned Indicators to Value-Based Impact. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(9):42-49. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.042-049

Acknowledgements. The paper was prepared as part of the state assignment of the RANEPa.

Введение

Национальные проекты, на протяжении более 20 лет служащие механизмом достижения приоритетных целей развития Российской Федерации, вывели на принципиально новый уровень значение глубокого и комплексного научного осмысления такого ключевого принципа организации и функционирования бюджетной системы, как принцип эффективности использования бюджетных средств. От их механического «освоения» в рамках узковедомственных планов до построе-

ния сложного бюджетно-правового механизма решения общенациональных задач, обеспечивающих самостоятельность, конкурентоспособность и глобальное лидерство России, — такой переход стал возможен именно благодаря уникальному формату национальных проектов, и, конечно, он требует многоуровневого восприятия результата как материального и нематериального воплощения бюджетного финансирования, выявления объективных закономерностей и взаимосвязей управления публичными финансами с изменениями, происходящими в обществе.

Понятие результата в бюджетном праве

В статье 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации принцип эффективности использования бюджетных средств, как известно, сформулирован через два нормативных критерия: *экономность* — достижение заданных результатов с использованием наименьшего объема средств — и *результативность* — достижение наилучшего результата при заданном объеме финансирования. Оба критерия апеллируют к категории «результат», однако ни данная норма, ни смежные положения бюджетного законодательства не раскрывают, что именно следует понимать под результатом применительно к национальным проектам и государственным программам.

Эта неопределенность является проявлением структурного противоречия между закрепленным в законе принципом результативности и реалиями государственного управления. По сути, эффективным использованием бюджетных средств можно назвать составление и исполнение бюджетов с увязкой с выделенными ресурсами и поставленными задачами. И если вопрос с выделенными бюджетными ресурсами является достаточно понятным, то в случае с поставленными задачами возникают трудности.

Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в п. 23 постановления от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» предложил «операциональную» трактовку принципа эффективности использования бюджетных средств: конкретная расходная операция может быть признана неэффективным расходованием бюджетных средств только в случае, если уполномоченный орган докажет, что поставленные перед участником бюджетного процесса задачи могли быть выполнены с использованием меньшего объема средств или

что, используя определенный бюджетом объем средств, участник бюджетного процесса мог бы достигнуть лучшего результата¹.

Интересно, что Пленум ВАС РФ операционализирует принцип эффективности применительно к *конкретной* расходной операции. В этой связи стоит отметить, что «система управления бюджетными средствами не предполагает административного доведения распорядителями бюджетных средств бюджетополучателям конкретных результатов их деятельности. В связи с этим оценить, достигнут ли результат деятельности конкретного учреждения, возможно только при комплексном рассмотрении, учитывая уставные цели и задачи, которые, в свою очередь, количественно не определены»².

Если же говорить о принципе результативности в контексте бюджетно-программного финансирования, то здесь результат должен оцениваться применительно к совокупности мероприятий, формирующих конечный эффект для общества и государства. Этот разрыв обнажает концептуальную проблему: бюджетное законодательство говорит о «результате» как монолитной категории, тогда как управленческая теория и практика государственных расходов исходят из того, что результаты программной деятельности гетерогенны и иерархически упорядочены.

Концепция управления по результатам в документах международных организаций

Системное решение данной проблемы предлагает концепция управления по результатам (*results-based management*), получившая широкое распространение в практике международных организаций и национальных системах государственного управления³. В ее основе лежит разграничение уровней результата в рамках

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации», п. 23 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8.

² Пономарева К. А. Неэффективное использование бюджетных средств по законодательству России и Германии // Юрист. 2013. № 13. С. 44.

³ См.: Талапина Э. В. Государственное управление в условиях цифровизации: шанс на повышение качества // Журнал российского права. 2025. № 9. С. 103–115; Мэннинг Н., Парисон Н. Реформа государ-

цепочки результатов (results chain), в которой вложенные ресурсы (inputs) порождают посредством деятельности непосредственный продукт (output), тот при соответствующих внешних условиях влечет изменения в положении целевых групп (outcome), а совокупность изменений формирует долгосрочный социальный эффект (impact)⁴. Управление, ориентированное на конкретные результаты, позволяет сосредоточить внимание на желаемых изменениях и, следовательно, на причинно-следственной связи в цепочке результатов и на результатах на выходе как ключевом факторе управления для достижения результатов.

Эта концепция закреплена в документах международных организаций. Согласно Руководству ИНТОСАИ GUID 9020 «Оценка государственных политик» (далее — Руководство ИНТОСАИ), аудит эффективности охватывает экономность, эффективность и действенность вплоть до уровня непосредственных результатов (output), тогда как оценка государственной политики требует исследования краткосрочных прямых эффектов (outcome) и долгосрочного воздействия на общество и экономику (impacts)⁵. Тем самым Руководство ИНТОСАИ разграничивает два типа контрольно-аналитической деятельности по критерию предмета исследования: первый ограничен уровнем произведенного продукта, второй — выходит на уровень фактически наступивших общественных изменений.

Необходимо провести различие между конечными результатами и итоговыми эффектами:

— эффекты, которые проявляются немедленно или в краткосрочной перспективе, напрямую,

и влияют в особенности на целевых получателей, описываются как конечные результаты;

— эффекты, которые являются отложенными или проявляются в средне- или долгосрочной перспективе и в большинстве случаев влияют на других лиц больше, чем на целевых адресатов, описываются как итоговые эффекты.

В Руководстве ИНТОСАИ outcome описывается как эффекты «немедленные или краткосрочные, прямые, затрагивающие в первую очередь адресатов политики», тогда как impact — как «отсроченные, средне- или долгосрочные эффекты, нередко выходящие за пределы целевой группы». Именно в такой парадигме движение от непосредственного продукта к долгосрочному социальному эффекту представляет собой не просто линейный рост показателей, а качественный переход от учета того, что государство произвело, к учету того, что изменилось в жизни людей и в обществе в целом.

Концепция возможности измерения эффектов является центральной в подходе оценки государственных политик. С одной стороны, оценка полезности требует измерения эффектов, которые можно измерять как в количественном, так и в качественном выражении (это подразумевает, что может быть проведено исследование их ценности на основе валидных данных). С другой стороны, такая оценка часто затруднительна с технической точки зрения, поскольку далеко не все социальные эффекты могут быть измерены количественно.

Счетная палата Российской Федерации использует Руководство ИНТОСАИ в своей деятельности⁶. Анализ документов Счетной палаты

ственного управления: международный опыт / пер. с англ. М., 2003 ; Gwata R. (2018). Results Based Management (RBM) as a Tool for Good Governance // World Journal of Social Science Research. 6. 1. 10.22158/wjssr.v6n1p1; ILO results-based evaluation strategy 2023–2025 // URL: <https://www.ilo.org/media/361846/download>.

⁴ Joint Inspection Unit of the United Nations System. Results-based management in the United Nations System. JIU/NOTE/2017/1. Geneva, 2017. P. 4–5.

⁵ INTOSAI. GUID 9020 — Evaluation of Public Policies. INTOSAI, 2019. P. 9–10 // Официальный сайт INTOSAI. URL: <https://www.issai.org> (дата обращения: 01.03.2026).

Русскоязычная версия размещена на сайте Счетной палаты РФ: URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/intosai-standarts/GUID_9020.pdf.

⁶ Методические рекомендации по оценке рисков при проведении аудита эффективности (утв. Коллегией Счетной палаты РФ, протокол от 19.07.2022 № 49К (1574)).

свидетельствует, что на практике мероприятия аудита концентрируются на уровне кассового исполнения и выполнения отдельных мероприятий национальных проектов и государственных программ.

Иерархия результатов в системе документов стратегического планирования

Переход к трехуровневой логике результата применительно к российской системе требует ее соотнесения с нормативной структурой документов стратегического планирования, которая определяется Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁷. Статья 11 названного закона закрепляет иерархию документов стратегического планирования, к числу которых относятся в первую очередь национальные проекты и государственные программы как инструменты планирования и прогнозирования.

Национальные проекты, формально не являясь нормативными правовыми актами, де-факто выполняют функцию верхнего уровня планирования и концентрируют наиболее значимые ориентиры государственного развития. Исходя из этого, результаты реализации подобных актов не могут оцениваться лишь на уровне произведенных продуктов: они должны оцениваться на уровне, соразмерном их функции, формируя ценностные ориентиры стратегий государственного развития.

Соотнесение системы стратегических документов с уровнями цепочки результатов позволяет выстроить следующую схему:

1) мероприятия государственных и муниципальных программ (ст. 179 БК РФ, пп. «б» п. 4 ст. 11 Закона № 172-ФЗ) — результат первого уровня;

2) национальные проекты (пп. «а.1» п. 4 ст. 11 Закона № 172-ФЗ) — результат второго уровня;

3) национальные цели развития, ценностные ориентиры (ст. 75.1 Конституции РФ, Указ № 309) — ценностный эффект.

С принятием Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 года»⁸ нормативная конструкция трехуровневого результата приобрела дополнительное измерение. Указ № 309 определяет семь национальных целей развития, каждая из которых задает целевые показатели, выраженные одновременно в двух форматах: количественном (ожидаемая продолжительность жизни, уровень бедности, доля МСП в ВВП и т.д.) и качественном, ценностном (воспитание патриотичной и социально ответственной личности, продвижение и защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей и др.). Последние не поддаются количественному измерению и требуют принципиально иного инструментария оценки достижения целей, нежели показатели результатов первого и второго уровней.

Правовая природа ценностного эффекта в государственном управлении

Выделение третьего уровня результата — ценностного — требует выявления его правовой природы. Отправной точкой здесь служит телеологическое толкование ст. 34 БК РФ в системной связи с нормами Конституции РФ. Статья 75.1 Конституции РФ закрепляет, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

⁷ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3378.

⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

Статья 114 Конституции устанавливает полномочия Правительства РФ, среди которых множество задач, решение которых по своей природе относится к результатам ценностного, а не производственного характера: в первую очередь это проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей.

Таким образом, принцип эффективности использования бюджетных средств, закрепленный в ст. 34 БК РФ и интерпретируемый в контексте конституционных норм, не может быть сведен к измерению лишь «непосредственного продукта» бюджетной деятельности. На третьем, ценностном уровне предполагается достижение изменений в состоянии общества, включая изменения в характере взаимного доверия, социальной сплоченности и разделяемых ценностей.

Это разграничение имеет практические последствия. Если государственная программа демонстрирует 100-процентное кассовое исполнение и достигает всех количественных показателей, но не порождает изменений в доверии граждан к соответствующей сфере государственного управления, она является результативной лишь в узком смысле. Признание ценностного эффекта самостоятельным уровнем результата означает, что оценка результативности национальных проектов не может считаться полной без включения в эту оценку инструментов измерения такого эффекта.

Ценностный эффект документов стратегического планирования, по нашему мнению, обладает рядом специфических признаков, отличающих его от результатов первых двух уровней:

1) обусловленность конституционными нормами и принципами: которые, устанавливая вектор взаимного доверия государства и общества, тем самым определяют ценностный результат

как цель государственного управления в целом и бюджетной политики в частности⁹;

2) отложенность во времени: результат второго уровня (outcome), как правило, фиксируется по истечении программного периода или вскоре после его истечения. Ценностный эффект формируется в более длительной перспективе и не совпадает с горизонтом планирования по конкретному нацпроекту; он требует мониторинга, выходящего за пределы одного бюджетного цикла. Именно поэтому в Руководстве ИНТОСАИ особо оговаривается, что оценка долгосрочных эффектов требует значительного временного разрыва между запуском политики и датой ее оценки;

3) опосредованность субъективного восприятия: ценностный эффект не может быть достоверно измерен исключительно объективными показателями (число построенных объектов, прирост ВВП); он предполагает учет субъективных оценок (удовлетворенности, доверия и т.п.) со стороны граждан как адресатов государственной политики. Данное обстоятельство ставит вопрос о методах его измерения как юридически значимого показателя результативности;

4) невозможность однозначного сведения к отдельным целевым показателям конкретного нацпроекта. Ценностный эффект является результатом реализации совокупности проектов и программ, реализуемых в смежных сферах. Это подтверждается положениями Указа № 309: например, национальная цель «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности» охватывает показатели, формируемые нацпроектами «Молодежь и дети», «Кадры», «Семья» и др.

Кроме того, в рассматриваемой нами сфере можно наблюдать проявление принципа прямых и обратных связей в управлении публичными финансами, глубоко проанализированного в науке финансового права¹⁰. Рассмотрим его на

⁹ Кабышев С. В. Об идентичности национальной системы образования в ценностных координатах российской государственности // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 2. С. 13.

¹⁰ Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М. : Профобразование, 2003. 158 с. ; Артемов Н. М., Пономарева К. А. Элементы прогрессивного налогообложения доходов физических лиц в контексте принципа прямых и обратных связей // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 68–79.

примере производительности труда. С одной стороны, существуют национальные цели развития, которые влияют на производительность труда, с другой стороны, есть национальные цели развития, на которые влияет производительность труда. При этом достижение показателя, связанного с вовлечением предприятий в реализацию проектов, направленных на повышение производительности труда, влияет на достижение показателей по другим национальным целям развития.

Так, согласно Указу № 309 повышение производительности труда определено как фактор, способствующий достижению показателя «снижение уровня бедности ниже 7 процентов к 2030 году и ниже 5 процентов к 2036 году, в том числе уровня бедности многодетных семей до 12 процентов к 2030 году и до 8 процентов к 2036 году» в рамках национальной цели развития «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи».

Продолжая тему производительности труда, отметим, что одним из наиболее значимых факторов ее роста экономическая теория рассматривает человеческий капитал: образование, профессиональная подготовка, накопление знаний и развитие навыков работников оказывают непосредственное влияние на эффективность производства¹¹.

В документах ОЭСР также указывается, что повышение уровня образования и квалификации работников способствует не только увеличению индивидуальной производительности труда, но и ускоряет распространение инноваций, повышает способность предприятий к освоению новых технологий и обеспечивает более эффективное использование капитала¹². Всемирный банк рассматривает инвестиции в человеческий капитал как один из важнейших факторов долгосрочного экономического роста

и сокращения различий в уровне производительности между странами¹³.

Для целей настоящего исследования значение человеческого капитала определяется тем, что значительная часть государственных мероприятий непосредственно направлена на развитие системы образования, профессиональной подготовки, повышения квалификации кадров и формирования современных компетенций. Следовательно, влияние подобных мероприятий на производительность труда реализуется через изменение качества человеческого капитала.

Изложенное подтверждает, что оценка ценностного эффекта требует создания и применения инструментов, выходящих за рамки мониторинга отдельного национального проекта.

Заключение

Предложенная концепция трех уровней результатов: кратковременных, долгосрочных и результатов ценностного эффекта — предполагает, что принцип результативности должен пониматься как требующий не только получения «измеримых продуктов» государственного управления, но и изменений в ценностной и институциональной среде.

Действующая система показателей национальных проектов и государственных программ ориентирована на достижение конкретных краткосрочных и долгосрочных результатов, хотя в основе планирования этих результатов, безусловно, лежит достижение целей на уровне ценностного эффекта. Хотя оценка ценностного эффекта и не закреплена в действующем законодательстве, ее проведение вытекает из конституционно-правовых норм и документов стратегического планирования, следовательно, по нашему мнению, может выступать предметом контроля за исполнением Указа № 309.

¹¹ Schultz T. W. Investment in Human Capital. American Economic Review. 1961. Vol. 51(1). P. 1–17 ; Becker G. S. Human Capital. New York : Columbia University Press, 1964 ; Lucas R. E. On the Mechanics of Economic Development. Journal of Monetary Economics. Vol. 22. Iss. 1. 1988. P. 3–42.

¹² OECD. Measuring Productivity: OECD Manual. Paris : OECD Publishing, 2001.

¹³ World Bank. Productivity Revisited: Shifting Paradigms in Analysis and Policy. Washington, DC, 2018.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артемов Н. М., Пономарева К. А.* Элементы прогрессивного налогообложения доходов физических лиц в контексте принципа прямых и обратных связей // *Правоприменение*. — 2021. — Т. 5. — № 1. — С. 68–79.
2. *Горбунова О. Н.* Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России — М. : Профобразование, 2003. — 158 с.
3. *Пономарева К. А.* Неэффективное использование бюджетных средств по законодательству России и Германии // *Юрист*. — 2013. — № 13. — С. 43–46.
4. *Талапина Э. В.* Государственное управление в условиях цифровизации: шанс на повышение качества // *Журнал российского права*. — 2025. — № 9. — С. 103–115.
5. *Becker G. S.* Human Capital. — New York : Columbia University Press, 1964.
6. *Gwata R.* Results Based Management (RBM) as a Tool for Good Governance // *World Journal of Social Science Research*. — 2018. — 6. 1. 10.22158/wjssr.v6n1p1.
7. *Lucas R. E.* On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. — 1988. — Vol. 22. — Iss. 1. — P. 3–42.
8. *Schultz T. W.* Investment in Human Capital // *American Economic Review*. — 1961. — Vol. 51(1). — P. 1–17.

Материал поступил в редакцию 1 марта 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artemov N. M., Ponomareva K. A. Elementy progressivnogo nalogooblozheniya dokhodov fizicheskikh lits v kontekste printsipa pryamykh i obratnykh svyazey // *Pravoprimenenie*. — 2021. — T. 5. — № 1. — S. 68–79.
2. Gorbunova O. N. Finansovoe pravo i finansovyy monitoring v sovremennoy Rossii — M.: Profobrazovanie, 2003. — 158 s.
3. Ponomareva K. A. Neeffektivnoe ispolzovanie byudzhethnykh sredstv po zakonodatelstvu Rossii i Germanii // *Yurist*. — 2013. — № 13. — S. 43–46.
4. Talapina E. V. Gosudarstvennoe upravlenie v usloviyakh tsifrovizatsii: shans na povyshenie kachestva // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2025. — № 9. — S. 103–115.
5. Becker G. S. Human Capital. — New York: Columbia University Press, 1964.
6. Gwata R. Results Based Management (RBM) as a Tool for Good Governance // *World Journal of Social Science Research*. — 2018. — 6. 1. 10.22158/wjssr.v6n1p1.
7. Lucas R. E. On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. — 1988. — Vol. 22. — Iss. 1. — P. 3–42.
8. Schultz T. W. Investment in Human Capital // *American Economic Review*. — 1961. — Vol. 51(1). — P. 1–17.

Порядок взимания НДС по электронным услугам с посредников в России и за рубежом

Аннотация. Благодаря изменению модели трансграничной электронной торговли важное значение для администрирования НДС приобрели такие посредники, как платформы (в частности, маркетплейсы). В работе приводится определение платформы для целей налогообложения НДС электронных услуг, а также проанализированы обязанности в области налогообложения, которые могут быть на нее возложены. По итогам исследования сделан вывод о возможности корректной уплаты НДС посредниками в качестве налоговых агентов в том случае, если они участвуют в реализации электронной услуги, а не просто собирают платежи для поставщика. Вместе с тем на случай неисполнения иностранными поставщиками обязанностей по НДС в отношении электронных услуг B2C (Business-to-Consumer) в статье предлагается возложить обязанности налоговых агентов на российских и иностранных финансовых посредников (в частности, банки), осуществляющих перечисление платежей от российских покупателей иностранным поставщикам.

Ключевые слова: НДС; налог; налогообложение; электронные услуги; цифровые услуги; услуги в электронной форме; электронная торговля; зарубежные страны; иностранный; платформа; маркетплейс; посредник; финансовый посредник; банк; налоговый агент

Для цитирования: Аносов В. А. Порядок взимания НДС по электронным услугам с посредников в России и за рубежом // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 50–60. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.050-060

VAT Collection from Intermediaries in Russia and Abroad in respect of Electronic Services

Vladimir A. Anosov, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
s0159433@msal.edu.ru

Abstract. The paper examines the procedures for collecting value-added tax (VAT) imposed for electronic services from intermediaries in Russia and foreign jurisdictions. Platforms, particularly online marketplaces, have acquired particular importance for VAT administration because of changes in the model of cross-border e-commerce. The study defines the concept of a platform for the purposes of VAT on electronic services and analyses the tax obligations that may be imposed on such entities. The author concludes that intermediaries may properly account for and remit VAT as tax agents where they participate in the supply of an electronic service, rather than merely collect payments on behalf of the supplier. At the same time, when foreign suppliers fail to fulfil their VAT

© Аносов В. А., 2026

* Аносов Владимир Александрович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
s0159433@msal.edu.ru

obligations in respect of business-to-consumer (B2C) electronic services, the author proposes imposing tax-agent obligations on Russian and foreign financial intermediaries, particularly banks, that transfer payments from Russian consumers to foreign suppliers.

Keywords: value added tax (VAT); tax; taxation; electronic services; digital services; electronically supplied services; e-commerce; foreign jurisdictions; foreign; platform; online marketplace; intermediary; financial intermediary; bank; tax agent

Cite as: Anosov VA. VAT Collection from Intermediaries in Russia and Abroad in respect of Electronic Services. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):50-60. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.050-060

Порядок взимания НДС, применяемый в отдельных странах, в ряде случаев предусматривает возложение налоговых обязанностей на лиц, оказывающих посреднические услуги. Так, в настоящее время российские и иностранные посредники (поверенные, комиссионеры, агенты и т.п.) на стороне поставщиков, участвующие в расчетах с покупателями электронных услуг, признаются налоговыми агентами и должны удерживать НДС (п. 3 и 10 ст. 174.2 НК РФ). В качестве примера таких лиц можно привести магазины приложений Google Play и App Store. Из числа налоговых агентов исключены субъекты национальной платежной системы и операторы связи, указанные в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»¹ (абз. 3 п. 10 ст. 174.2 НК РФ).

НК РФ возлагает обязанности налогового агента на лиц, участвующих в расчетах на основании посреднического договора. Следовательно, закон может быть истолкован таким образом, что посредник должен удерживать НДС даже в том случае, когда электронная услуга оказывается самим поставщиком без какого-либо участия первого, который осуществляет только сбор денежных средств. Однако посредник имеет возможность корректно исчислить НДС, если он осведомлен об условиях основного договора, что возможно в случае его участия в реализации самой услуги, а не просто в расчетах. Представляется, что логика исключения субъектов национальной платеж-

ной системы из числа налоговых агентов состоит в том, что они не располагают информацией о сделке, достаточной для определения подлежащего уплате НДС. Практика применения пункта 5 ст. 161 НК РФ, корреспондирующего п. 10 ст. 174.2 НК РФ и устанавливающего порядок исчисления и уплаты НДС налоговыми агентами в рассматриваемой ситуации, подтверждает, что, помимо простого участия в расчетах, налоговый агент — посредник должен выполнять функции по реализации товаров (работ, услуг)². Минфин России также отмечал, что налоговыми агентами в такой ситуации являются российские покупатели электронных услуг, а не российская компания, привлеченная иностранным поставщиком для сбора задолженности³. Это утверждение представляется справедливым и в том случае, если поставщик привлекает иностранного посредника (например, эквайера) исключительно к участию в расчетах.

В качестве посредников могут выступать так называемые цифровые платформы, которые сравнительно недавно получили широкое распространение в сфере электронной торговли. Их определение для целей обложения НДС электронных услуг отсутствует в законодательстве, однако в НК РФ имеется дефиниция электронной торговой площадки, посредством которой осуществляется реализация товаров (п. 1 ст. 147 НК РФ). Таковой признается информационная система в сети Интернет, на которой одновременно: 1) имеются сервисы, позволяющие поку-

¹ Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 23.05.2025, с изм. и доп. вступ. в силу с 01.10.2025) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

² Письмо Минфина России от 28.10.2024 № 03-07-08/104771; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.10.2015 № Ф09-7841/15 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Письмо Минфина России от 22.11.2022 № 03-07-08/114178 // СПС «КонсультантПлюс».

пателю заказать товар, а также 2) размещена информация об условиях оплаты и 3) доставки.

Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»⁴ определяет цифровую платформу как информационную систему, или сайт в сети Интернет, или программы для ЭВМ, которые обеспечивают технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц (включая обмен информацией, ее распространение, продажу товаров, выполнение работ, оказание услуг) (п. 2 ст. 2). Определение посреднической цифровой платформы подразумевает обеспечение взаимодействия самой платформы, поставщиков товаров (работ, услуг) и покупателей для заключения гражданско-правовых договоров (п. 9 ст. 2)⁵. Исходя из дефиниции сетевого эффекта в Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁶ цифровая платформа представляет собой программу (совокупность программ) для ЭВМ в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, обеспечивающую совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров (ст. 4). Как видим, речь идет лишь о реализации товаров.

Российские ученые А. В. Алтухов и С. Ю. Кашкин определяли цифровую платформу как информационный продукт (рынок), обеспечивающий встречу экономических агентов и связь и взаимодействие между ними, а также место, где они имеют возможность заключать сделки⁷. Н. А.-К. Палчаева выделяла два подхода к

определению платформы: узкий и широкий. В рамках первого подхода акцент делается на ее посреднической функции, обеспечивающей возможность пользователей совершать сделки: платформа рассматривается как услуга информационного общества, доступная через сеть Интернет или через аналогичные цифровые средства, позволяющая клиентам заключать контракты с поставщиками товаров, услуг или цифрового контента. В рамках второго подхода платформа предполагает осуществление широкого перечня видов деятельности: она может быть онлайн-посредником, поисковой системой, социальной сетью, веб-браузером, сервисом облачных вычислений и т.п.⁸

ОЭСР в качестве цифровых рассматривает платформы, которые обеспечивают прямое взаимодействие нескольких пользователей или групп пользователей (обычно поставщиков и покупателей) с использованием цифровых средств. При этом платформа характеризуется двумя признаками: 1) участники каждой группы пользуются ее услугами, 2) она обеспечивает непосредственное взаимодействие между этими группами, в частности продажу товаров или услуг. Подробный анализ определений цифровых платформ, технико-технологических и правовых аспектов их деятельности приведен в исследовании О. В. Жевняк. Следует заметить, что автор рассматривала платформы как совокупность программного обеспечения и компьютерного⁹ оборудования и отмечала такие их характерные признаки, как: обеспечение взаимодействия различных лиц, наличие удаленного доступа к платформе, использование

⁴ Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (вступает в силу с 01.10.2026) // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4643.

⁵ Дополнительные критерии отнесения цифровой платформы к посредническим цифровым платформам утверждены постановлением Правительства РФ от 28.01.2026 № 54 (СЗ РФ. 2026. № 5. Ст. 483).

⁶ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 24.06.2025) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

⁷ Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7.

⁸ Палчаева Н. А.-К. Понятие «цифровая платформа» в России и зарубежных странах // Предпринимательское право. 2025. № 1.

⁹ Термин «компьютер» в настоящей работе используется в качестве синонима цифровой электронной вычислительной машины.

информационно-телекоммуникационных сетей и автоматизированный режим работы¹⁰.

Как практический пример из зарубежного опыта можно рассмотреть определение электронной торговой платформы, применяемое в Египте. В качестве таковой признается визуальный цифровой интерфейс, в частности веб-сайт, интернет-портал, электронный магазин или любой иной интерфейс, который обеспечивает связь поставщиков товаров и услуг и их получателей с целью поставки товаров или оказания услуг¹¹.

Таким образом, с точки зрения налогообложения НДС электронных услуг посредническую платформу можно определить как совокупность компьютерных программ¹², которая обеспечивает возможность реализации электронных услуг в автоматизированном режиме удаленно через сеть электросвязи с использованием компьютерных информационных технологий.

Платформы приобрели важное значение в процессе взимания НДС благодаря изменению модели трансграничной электронной торговли. Если в не столь давнем прошлом поставщиками электронных услуг были в основном крупные компании, которые сами приобретали контент и затем перепродавали его пользователям в различных странах, то благодаря появлению платформ, работающих по агентской схеме, возможность трансграничного распространения контента получило огромное количество небольших компаний и предпринимателей¹³.

Осуществление налогового контроля в отношении такого числа иностранных налогоплательщиков представляет собой уже сложно выполнимую задачу. Однако она может быть существенно упрощена в результате возложения ряда налоговых обязанностей на платформы, которые имеют экономическое влияние на поставщиков и достаточные данные о сделках для исчисления НДС. По данным ОЭСР, платформы обеспечивают 67 % всей трансграничной торговли¹⁴. Согласно оценке Д. А. Митина, в силу высокой концентрации финансовых потоков, связанных с оплатой цифровых услуг на уровне крупнейших игроков — интернет-площадок, уровень соблюдения нового законодательства достаточно высокий, а объемы незадекларированного НДС незначительны¹⁵. Взимание НДС с платформ производит положительный эффект и на поставщиков, поскольку позволяет им снизить затраты, связанные с исполнением налоговых обязанностей, особенно в случае реализации услуг в нескольких странах.

ОЭСР отмечает, что на платформы могут возлагаться различные обязанности, связанные с НДС: 1) непосредственно уплата налога (Full VAT liability regime); 2) содействие взиманию НДС; 3) несение солидарной ответственности по уплате НДС совместно с поставщиком¹⁶. М. Алареди и Б. Мусдорф указывают на применение данных подходов на практике: на платформы законодательно возлагается обязанность по уплате НДС либо они участвуют в уплате НДС в

¹⁰ Жевняк О. В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 4 (66). С. 546–547, 553–554.

¹¹ Alaradi M., Moosdorff B. The Role of Digital Platforms in Collecting VAT in Selected Countries in the Middle East // International VAT Monitor. 2024. January/February. P. 10.

¹² О. В. Жевняк описывает следующую программную архитектуру платформы: ядро (программы, обеспечивающие основную функцию платформы), интерфейсы (программы, обеспечивающие взаимодействие других программ), дополнительные модули-приложения (Жевняк О. В. Указ. соч. С. 555).

¹³ Masuda T. Japan Introduced Full VAT Liability Regime to Digital Platforms // International VAT Monitor. 2024. May/June. P. 105.

¹⁴ Митин Д. А. Налоговое администрирование электронной коммерции в Российской Федерации с использованием банковских учреждений // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее : сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 72.

¹⁵ Налог на добавленную стоимость в секторе электронной коммерции : монография / М. Р. Пинская, Н. С. Милоголов, А. В. Тихонова, Д. А. Митин ; под ред. М. Р. Пинской. М. : Прометей, 2019. С. 135.

¹⁶ The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales. Paris : OECD Publishing, 2019. P. 22.

добровольном порядке¹⁷. В Коста-Рике платформы выступают в качестве налоговых агентов¹⁸.

В некоторых странах платформы признаются условными поставщиками с возложением на них обязанности по уплате НДС. На случай возможных злоупотреблений со стороны поставщика данная обязанность может сохраняться и за ним. Для исключения разрывов в цепочке взимания НДС зачастую используется презумпция, в соответствии с которой платформа сначала приобретает услугу у поставщика, а затем осуществляет ее реализацию потребителю в стране налогообложения¹⁹. Например, в ЕС посредники, участвующие в реализации услуг от своего имени, но за счет принципала, рассматриваются в качестве условных поставщиков, которые приобретают и затем осуществляют реализацию услуг (ст. 28 Директивы Совета ЕС 2006/112/ЕС от 28.11.2006 об общей системе налога на добавленную стоимость²⁰). При этом в отношении электронных услуг применяется специальная презумпция, согласно которой платформа действует от своего имени, но за счет поставщика. Она может быть опровергнута, если платформа явно обозначает поставщика услуги в рамках правоотношений с потребителем и статус поставщика закреплен в договоре между ним и платформой²¹.

Как отмечает ОЭСР, для признания платформы условным поставщиком у нее должны быть значимые функции в сделке (например, участие в

определении ее условий (цена, порядок оплаты и т.п.); авторизации и обработке платежей, в том числе в получении платежей от потребителей и их перечислении поставщику; доставке или исполнении заказа). При этом представляется очевидным, что если платформа не участвует в расчетах (то есть поставщик получает плату за услуги напрямую), то она не сможет осуществлять уплату НДС. И наоборот, лица, функции которых незначительно связаны с предметом исполнения (операторы платежей или доступа в сеть Интернет; платформы, на которых размещаются ссылки на другие ресурсы или реклама и т.п.), обычно не признаются условными поставщиками²².

В ЕС рассмотренная выше презумпция не может быть опровергнута, то есть посредник в любом случае будет считаться поставщиком при наличии у него существенного функционала в сделке: авторизация списания средств у клиента или оказания услуги либо определение условий реализации услуг (последний абз. п. 1 ст. 9а Исполнительного постановления). При этом презумпция не применяется в отношении посредников, которые лишь осуществляют платежи или оказывают услуги телефонной связи через сеть Интернет и не участвуют в оказании электронных услуг (п. 3 ст. 9а Исполнительного постановления). Аналогичный подход применяется в Бразилии и на Филиппинах²³. В ЮАР не признаются посредниками лица, исключитель-

¹⁷ Alaradi M., Moosdorff B. Op. cit. P. 7.

¹⁸ Trevisiol A. M. VAT on Cross-Border Digital Services in Latin America // International VAT Monitor. 2024. January/February. P. 23.

¹⁹ Пономарева К. А. Сравнительный анализ опыта введения налога на цифровые услуги в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 4. С. 342–343.

²⁰ Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax: with amendments as of 03.06.2022 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02006L0112-20240101> (дата обращения: 14.01.2024).

²¹ См.: Art. 9a Council Implementing Regulation (EU) No. 282/2011 of 15 March 2011 laying down implementing measures for Directive 2006/112/EC on the common system of value added tax (recast) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02011R0282-20220701> (дата обращения: 19.01.2024) (далее — Исполнительное постановление).

²² VAT digital toolkit for Latin America and the Caribbean. Paris : OECD/WBG/CIAT/IDB, 2021. P. 87–88 ; Mechanisms for the Effective Collection of VAT/GST Where the Supplier is not Located in the Jurisdiction of Taxation. Paris : OECD Publishing, 2017. P. 26.

²³ Bal A. VAT in global digital trade: What to expect in 2025? 29.10.2024 // URL: <https://www.forbes.com/sites/aleksandrabal/2024/10/29/vat-in-global-digital-trade-what-to-expect-in-2025/> (дата обращения: 29.06.2025).

но обеспечивающие перечисление платежей²⁴. Таким образом, рассмотренный международный опыт подтверждает ранее высказанный тезис о том, что посредник, только участвующий в расчетах и не имеющий отношения к реализации электронных услуг, не должен признаваться налоговым агентом (п. 3 и 10 ст. 174.2 НК РФ).

НДС может взиматься с платформы вне зависимости от того, находится ли она или поставщик на территории страны потребления услуги или за ее пределами²⁵, идет ли речь о B2C- или B2B-сделках (Саудовская Аравия)²⁶.

Необходимо заметить, что цифровые платформы могут уплачивать НДС не только по электронным, но и по иным услугам (например, юридическим, консультационным, предоставлению жилья в наем, пассажирским перевозкам)²⁷. В ЕС с 1 июля 2028 г. будут введены правила о признании условными поставщиками платформ, участвующих в оказании услуг по кратковременному предоставлению в пользование жилья (до 30 ночей) и осуществлению пассажирских перевозок по автомобильным дорогам²⁸. Некоторые страны таким образом взимают НДС в отношении импортируемых товаров. ОЭСР рекомендует возлагать на платформы обязанность по уплате НДС лишь в отношении малоценных товаров²⁹, однако ряд стран распространяют ее на все импортируемые товары вне зависимости

от стоимости (в том числе Россия по операциям в рамках ЕАЭС, Швейцария).

Согласно ОЭСР, платформы могут способствовать взиманию НДС иными способами, в том числе: оказывать содействие поставщикам в исполнении налоговых обязанностей в договорном порядке (от представления налоговых деклараций до уплаты НДС), предоставлять налоговым органам информацию по операциям поставщиков, информировать поставщиков о порядке налогообложения, заключать соглашения о сотрудничестве с налоговыми органами (вплоть до выявления и установления запрета на доступ к платформе лицам, не исполняющим свои налоговые обязанности)³⁰. В нашей стране во исполнение Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ разработан проект постановления Правительства России³¹, предусматривающий обязанность операторов посреднических цифровых платформ по передаче документов и сведений от налоговых органов поставщикам товаров и услуг, которые пользуются услугами платформы, и наоборот. Отмечалась также обязанность маркетплейса уведомлять налоговые органы о выявленных налоговых правонарушениях продавца товаров и размещать информацию об этом в его личном кабинете. Данные нормативные акты, по сути, оформляют результаты проводящегося в настоящее время эксперимента по

²⁴ Explanatory memorandum: regulations prescribing electronic services for the purpose of the definition of «electronic services» in section 1(1) of the Value-added tax act. 1991. P. 9 // URL: <https://www.sars.gov.za/legal-counsel/secondary-legislation/regulations/> (дата обращения: 23.03.2025).

²⁵ В ряде стран Азии, включая Японию, и в Австралии НДС взимается с платформ только в отношении иностранных поставщиков. В европейских же странах платформы уплачивают НДС даже в отношении операций местных поставщиков (*Masuda T.* Op. cit. P. 106).

²⁶ *Alaradi M., Moosdorff B.* Op. cit. P. 8.

²⁷ VAT digital toolkit for Latin America and the Caribbean. P. 89 ; The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales. P. 29–30.

²⁸ ViDA formally adopted. 11.03.2025 // URL: <https://www.pwc.nl/en/insights-and-publications/tax-news/vat/vidaformallyadopted.html> (дата обращения: 31.08.2025).

²⁹ Low-value goods — то есть товаров, стоимость которых ниже порога импорта, не облагаемого НДС. В случае превышения указанного порога применяются стандартные правила налогообложения в отношении импорта.

³⁰ The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales. P. 50–57.

³¹ Проект постановления Правительства РФ «Об утверждении правил и требований к осуществлению информационного взаимодействия операторов посреднической цифровой платформы с налоговыми органами» // URL: <https://regulation.gov.ru/projects/161867/> (дата обращения: 07.03.2026).

информационному взаимодействию налоговых органов с рядом крупных маркетплейсов с целью выявления у продавцов потенциальных налоговых рисков (дробление, неуплата НДС в рамках УСН, неотражение выручки при использовании агентских договоров, неправомерное использование режима для самозанятых и патентной системы и т.д.)³².

В зарубежных странах на платформы также может возлагаться солидарная ответственность по налоговым обязанностям поставщика в рамках одного из следующих вариантов. В первом случае, как отмечала К. А. Пономарева, ответственность наступает, если после получения от налоговых органов информации о нарушениях поставщика, платформа не обеспечивает выполнение им требований налогового законодательства или не запрещает доступ к своим услугам. Второй вариант предполагает возложение на платформы ретроспективной ответственности за уже совершенные поставщиками правонарушения. Автор указывает, что идея о солидарной ответственности платформ в случае непроявления ими должной осмотрительности практически реализована в ряде стран ЕС (Австрия, Германия, Великобритания до ее выхода из ЕС) на основании ст. 205 Директивы Совета ЕС 2006/112/ЕС³³.

Необходимо заметить, что обязанности, связанные с НДС, могут возлагаться как на все платформы, соответствующие нормативно закрепленным критериям, так и только на конкретные платформы, определенные налоговыми органами (как это имеет место, например, в Японии)³⁴.

Описанный выше подход, рекомендуемый ОЭСР, предполагает уплату НДС теми посредниками, которые участвуют в оказании услуг. Однако в ряде стран НДС взимается с так называемых финансовых посредников (*financial intermediaries*) — банков и других лиц, обеспечивающих расчеты между покупателями электронных услуг и поставщиками. При этом последние освобождаются от обязанности по постановке на налоговый учет в стране назначения. Данный правовой механизм широко распространен в странах Латинской Америки (Аргентина³⁵, Багамы, Колумбия, Коста-Рика, Эквадор и Мексика) и в некоторых других (Вьетнам, Таиланд, Нигерия)³⁶. Обычно он используется в случае массовых неплатежей со стороны иностранных поставщиков. На практике также применяются гибридные подходы. Например, в Эквадоре поставщик может встать на налоговый учет и удерживать НДС в качестве агента (налогоплательщиком по-прежнему остается потребитель) либо положиться на уплату НДС финансовым посредником. В Коста-Рике и Колумбии поставщик услуг обязан сделать выбор между уплатой НДС самостоятельно или финансовыми посредниками и уведомить о нем налоговые органы³⁷.

К числу финансовых посредников обычно относят банки и поставщиков платежных услуг. В Коста-Рике таковыми являются лица, выпустившие кредитные или дебетовые карты либо способствующие перечислению платежа на счет иностранного поставщика, включая операторов виртуальных карт, систем безопасных платежей (например, PayPal), цифровых валют. В Парагвае к посредникам также относят операторов

³² Хобракова Н. Маркетплейсы подружатся с ФНС. 19.02.2026 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8440809> (дата обращения: 07.03.2026).

³³ Пономарева К. А. Сравнительный анализ опыта введения налога на цифровые услуги в зарубежных странах. С. 343–344.

³⁴ Masuda T. Op. cit. P. 107.

³⁵ С 1 сентября 2024 г. прекращено взимание НДС с поставщиков платежных услуг в отношении платежей, осуществляемых посредством электронных систем.

³⁶ Мутин Д. А. Развитие налогового администрирования электронной коммерции в Российской Федерации : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10. М., 2021. С. 140.

³⁷ Trevisiol A. M. Op. cit. P. 20.

связи, если они участвуют в оказании цифровых услуг³⁸. В Колумбии НДС удерживается эмитентами кредитных карт или операторами по приему платежей³⁹, электронных кошельков, а также карт предоплаты⁴⁰.

В последнее время распространение получили сервисы P2P-переводов между физическими лицами (Peer-to-peer — переводы между равными по рангу лицами), которые могут осуществляться путем банковских переводов, электронных кошельков или платежных сервисов в мессенджерах. Сейчас ведутся дискуссии о распространении обязанности по удержанию НДС и на операторов соответствующих систем.

Финансовые посредники очевидно не обладают достаточной информацией по сделке, для того чтобы корректно исчислить НДС, в частности определить, подлежит ли она обложению НДС и какие должны применяться налоговые ставки. Данная проблема отчасти решается путем ведения открытых реестров поставщиков электронных услуг, при перечислении денежных средств которым банки и другие организации должны удерживать НДС.

Интересен опыт взимания НДС с финансовых организаций в Азербайджане, где банки удерживают налог при перечислении покупателями платежей за услуги продавцам, имеющим определенные МСС-коды (Merchant Category Code — код категории продавца). Они присваиваются

поставщикам банками-эквайерами. Исходя из наименований соответствующих кодов налогообложению подлежат не только собственно электронные, но и некоторые другие виды услуг (курьерские, телекоммуникационные, юридические, организация азартных игр и т.д.). При перечислении денежных средств на иностранные электронные кошельки также исчисляется НДС по пониженной ставке 10 % (общая ставка — 18 %)⁴¹. В настоящее время в Азербайджане осуществляется переход к взиманию НДС с иностранных поставщиков⁴².

Сходный способ взимания НДС — метод раздельной оплаты (Split-payment method) — используется в ряде стран ЕС (Италия, Польша, Румыния) и других регионов (Перу). Он заключается в том, что платеж за услугу разбивается на две части: стоимость услуги без НДС и сумму НДС, которая перечисляется либо непосредственно в бюджет, либо на специальный счет. В Великобритании с 2023 г. рассматривается вопрос о внедрении данного метода в отношении иностранных поставщиков товаров и услуг в сфере электронной торговли с целью минимизации случаев уклонения от налогообложения⁴³.

Практика возложения обязанности по уплате НДС на финансовых посредников во многом является сходной с предложениями специалиста в области налогообложения, профессора права М. Ламенш по взиманию НДС с участием бан-

³⁸ Annacondia F., Alarcón L. VAT on Digital Services and B2C Transactions: Experiences in the Latin American and Caribbean Region // International VAT Monitor. 2021. July/August. P. 196, 197.

³⁹ Indirect tax challenges of the digital economy in Latin America. P. 4 // URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/gx-indirect-tax-challenges-digital%20economy-latin-america.pdf> (дата обращения: 24.03.2025).

⁴⁰ Asquith R. Colombia VAT digital services; extension to digital platforms. 04.09.2024 // URL: <https://www.vatcalc.com/colombia/colombia-vat-on-non-resident-digital-services/> (дата обращения: 23.03.2023).

⁴¹ В Азербайджане определен первичный список облагаемых налогом онлайн-услуг. 07.02.2017 // URL: <https://1news.az/news/20170207094615030-V-Azerbaijdzhan-opredelen-pervichnyi-spisok-obлагаemykh-nalogom-onlain-uslug> (дата обращения: 24.03.2025).

⁴² Азербайджан вводит обязательную регистрацию для интернет-компаний. 30.08.2024 // URL: <https://internationalwealth.info/news-of-the-offshore/azerbajdzhan-vvodit-obязatelnuju-registraciju-dlja-internet-kompanij/> (дата обращения: 24.03.2025).

⁴³ Asquith R. HMRC launches e-commerce VAT split payments project to tackle seller fraud. 10.10.2023 // URL: <https://www.vatcalc.com/uk/uk-vat-split-payments-foreign-e-commerce-fraud-pilot/> (дата обращения: 24.03.2025).

ков и иных платежных организаций⁴⁴. В основе ее идеи лежит использование для целей НДС сведений, которыми располагают указанные субъекты. В силу обязательного выполнения процедур «Знай своего клиента» (Know Your Customer) они могут идентифицировать покупателя, его статус (плательщик НДС или нет), а также место проживания (государственной регистрации). В настоящее время в рамках автоматического обмена финансовой информацией (гл. 20.1 НК РФ) банки и иные организации финансового рынка проверяют своих клиентов, в том числе устанавливают их налоговое резидентство и место жительства. Сходные сведения собираются в рамках реализации требований закона США FATCA. Данная информация может использоваться для целей НДС по электронным услугам.

Нужно заметить, что хотя вариант взимания НДС с финансовых посредников и не рекомендуется ОЭСР в качестве основного, однако он вполне может использоваться в качестве резервного средства на случай ненадлежащего исполнения иностранными поставщиками своих налоговых обязанностей в стране потребления электронных услуг.

С учетом сказанного на случай неисполнения иностранными поставщиками обязанностей по НДС в отношении электронных услуг B2C представляется возможным возложение обязанности по исчислению, удержанию и уплате НДС на финансовых посредников (в частности, банки) в качестве налоговых агентов при перечисле-

нии ими платежей от российских покупателей. Перечень поставщиков, нарушающих налоговое законодательство России, может вестись ФНС России.

Неэффективность взимания НДС по некоторым операциям (оплата услуг иностранными банковскими картами и т.п.) может быть частично устранена в результате постановки на налоговый учет в России иностранных финансовых посредников (банки, операторы электронных денежных средств, операторы конвертируемых централизованных виртуальных валют и т.д.), оказывающих платежные услуги покупателям электронных услуг на территории России. Исходя из принципа экономичности (эффективности) налогообложения данные субъекты должны ставиться на налоговый учет в том случае, если сумма осуществляемых ими операций по счетам российских клиентов с поставщиками из названного выше перечня превышает установленный суммовой критерий. После постановки на налоговый учет иностранные финансовые посредники в качестве налоговых агентов должны будут удерживать НДС при перечислении денежных средств иностранным поставщикам электронных услуг.

Предлагаемый подход обеспечит уплату НДС по сделкам иностранных поставщиков электронных услуг, которые не исполняют требования российского налогового законодательства, а также в случаях приобретения данных услуг лицами, находящимися в РФ, но оплачивающими их иностранными платежными средствами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 7. — С. 86–94.
2. Жевняк О. В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2024. — Вып. 4 (66). — С. 541–561.
3. Митин Д. А. Налоговое администрирование электронной коммерции в Российской Федерации с использованием банковских учреждений // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее : сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции. — Пенза, 2020. — С. 70–72.

⁴⁴ Lamensch M. European Value Added Tax in the Digital Era: A Critical Analysis and Proposals for Reform : Thesis submitted to the Vrije Universiteit Brussel in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Laws. IBFD, 2025. P. 283–302 // URL: <https://www.ibfd.org/shop/journal/marie-lamensch-european-value-added-tax-digital-era-critical-analysis-and-proposals> (дата обращения: 23.03.2025).

4. Митин Д. А. Развитие налогового администрирования электронной коммерции в Российской Федерации : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10. — М., 2021. — 220 с.
5. Налог на добавленную стоимость в секторе электронной коммерции : монография / М. Р. Пинская, Н. С. Милоголов, А. В. Тихонова, Д. А. Митин ; под ред. М. Р. Пинской. — М. : Прометей, 2019. — 280 с.
6. Палчаева Н. А.-К. Понятие «цифровая платформа» в России и зарубежных странах // Предпринимательское право. — 2025. — № 1. — С. 22–28.
7. Пономарева К. А. Сравнительный анализ опыта введения налога на цифровые услуги в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 16. — № 4. — С. 334–356.
8. Хобракова Н. Маркетплейсы подружатся с ФНС. 19.02.2026 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8440809> (дата обращения: 07.03.2026).
9. Alaradi M., Moosdorff B. The Role of Digital Platforms in Collecting VAT in Selected Countries in the Middle East // International VAT Monitor. — 2024. — January/February. — P. 6–10.
10. Annacondia F., Alarcón L. VAT on Digital Services and B2C Transactions: Experiences in the Latin American and Caribbean Region // International VAT Monitor. — 2021. — July/August. — P. 185–203.
11. Asquith R. Colombia VAT digital services; extension to digital platforms. 04.09.2024 // URL: <https://www.vatcalc.com/colombia/colombia-vat-on-non-resident-digital-services/> (дата обращения: 23.03.2023).
12. Asquith R. HMRC launches e-commerce VAT split payments project to tackle seller fraud. 10.10.2023 // URL: <https://www.vatcalc.com/uk/uk-vat-split-payments-foreign-e-commerce-fraud-pilot/> (дата обращения: 24.03.2025).
13. Bal A. VAT in global digital trade: What to expect in 2025? 29.10.2024 // URL: <https://www.forbes.com/sites/aleksandrabal/2024/10/29/vat-in-global-digital-trade-what-to-expect-in-2025/> (дата обращения: 29.06.2025).
14. Indirect tax challenges of the digital economy in Latin America // URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/gx-indirect-tax-challenges-digital%20economy-latin-america.pdf> (дата обращения: 24.03.2025).
15. Lamensch M. European Value Added Tax in the Digital Era: A Critical Analysis and Proposals for Reform : Thesis submitted to the Vrije Universiteit Brussel in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Laws. — IBFD, 2025 // URL: <https://www.ibfd.org/shop/journal/marie-lamensch-european-value-added-tax-digital-era-critical-analysis-and-proposals> (дата обращения: 23.03.2025).
16. Masuda T. Japan Introduced Full VAT Liability Regime to Digital Platforms // International VAT Monitor. — 2024. — May/June. — P. 104–108.
17. Mechanisms for the Effective Collection of VAT/GST Where the Supplier is not Located in the Jurisdiction of Taxation. — Paris : OECD Publishing, 2017.
18. The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales. — Paris : OECD Publishing, 2019.
19. Trevisiol A. M. VAT on Cross-Border Digital Services in Latin America // International VAT Monitor. — 2024. — January/February. — P. 19–25.
20. VAT digital toolkit for Latin America and the Caribbean. — Paris : OECD/WBG/CIAT/IDB, 2021.

Материал поступил в редакцию 7 марта 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Altukhov A. V., Kashkin S. Yu. Pravovaya priroda tsifrovyykh platform v rossiyskoy i zarubezhnoy doktrine // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2021. — № 7. — S. 86–94.
2. Zhevnyak O. V. Tsifrovaya platforma kak tekhniko-tekhnologicheskii fenomen i ego pravovoe znachenie // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2024. — Vyp. 4 (66). — S. 541–561.

3. Mitin D. A. Nalogovoe administrirovanie elektronnoy kommertsii v Rossiyskoy Federatsii s ispolzovaniem bankovskikh uchrezhdeniy // *Nauka i obrazovanie: sokhranyaya proshloe, sozdaem budushchee: sbornik statey XXIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. — Penza, 2020. — S. 70–72.
4. Mitin D. A. Razvitie nalogovogo administrirovaniya elektronnoy kommertsii v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.10. — M., 2021. — 220 s.
5. Nalog na dobavlenuyu stoimost v sektore elektronnoy kommertsii: monografiya / M. R. Pinskaya, N. S. Milogolov, A. V. Tikhonova, D. A. Mitin; pod red. M. R. Pinskoy. — M.: Prometey, 2019. — 280 s.
6. Palchaeva N. A.-K. Ponyatie «tsifrovaya platforma» v Rossii i zarubezhnykh stranakh // *Predprinimatelskoe pravo*. — 2025. — № 1. — S. 22–28.
7. Ponomareva K. A. Sravnitelnyy analiz opyta vvedeniya naloga na tsifrovye usluzhi v zarubezhnykh stranakh // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. — 2023. — T. 16. — № 4. — S. 334–356.
8. Khobrakova N. Marketpleysy podruzhatsya s FNS. 19.02.2026 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8440809> (data obrashcheniya: 07.03.2026).
9. Alaradi M., Moosdorff B. The Role of Digital Platforms in Collecting VAT in Selected Countries in the Middle East // *International VAT Monitor*. — 2024. — January/February. — P. 6–10.
10. Annacondia F., Alarcón L. VAT on Digital Services and B2C Transactions: Experiences in the Latin American and Caribbean Region // *International VAT Monitor*. — 2021. — July/August. — P. 185–203.
11. Asquith R. Colombia VAT digital services; extension to digital platforms. 04.09.2024 // URL: <https://www.vatcalc.com/colombia/colombia-vat-on-non-resident-digital-services/> (data obrashcheniya: 23.03.2023).
12. Asquith R. HMRC launches e-commerce VAT split payments project to tackle seller fraud. 10.10.2023 // URL: <https://www.vatcalc.com/uk/uk-vat-split-payments-foreign-e-commerce-fraud-pilot/> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
13. Bal A. VAT in global digital trade: What to expect in 2025? 29.10.2024 // URL: <https://www.forbes.com/sites/aleksandrabal/2024/10/29/vat-in-global-digital-trade-what-to-expect-in-2025/> (data obrashcheniya: 29.06.2025).
14. Indirect tax challenges of the digital economy in Latin America // URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Tax/gx-indirect-tax-challenges-digital%20economy-latin-america.pdf> (data obrashcheniya: 24.03.2025).
15. Lamensch M. European Value Added Tax in the Digital Era: A Critical Analysis and Proposals for Reform: Thesis submitted to the Vrije Universiteit Brussel in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Laws. — IBFD, 2025 // URL: <https://www.ibfd.org/shop/journal/marie-lamensch-european-value-added-tax-digital-era-critical-analysis-and-proposals> (data obrashcheniya: 23.03.2025).
16. Masuda T. Japan Introduced Full VAT Liability Regime to Digital Platforms // *International VAT Monitor*. — 2024. — May/June. — P. 104–108.
17. Mechanisms for the Effective Collection of VAT/GST Where the Supplier is not Located in the Jurisdiction of Taxation. — Paris: OECD Publishing, 2017.
18. The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales. — Paris: OECD Publishing, 2019.
19. Trevisiol A. M. VAT on Cross-Border Digital Services in Latin America // *International VAT Monitor*. — 2024. — January/February. — P. 19–25.
20. VAT digital toolkit for Latin America and the Caribbean. — Paris: OECD/WBG/CIAT/IDB, 2021.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.061-069

Н. В. Сомов*

Внешний бюджетный контроль за государственным долгом субъектов Российской Федерации

Аннотация. В статье проанализированы нормативное правовое регулирование и практика деятельности органов внешнего финансового (бюджетного) контроля в сфере государственного долга субъектов Российской Федерации. Сделан вывод, что внешний бюджетный контроль государственного долга может быть как предварительным, так и последующим и может осуществляться в ходе анализа проектов нормативных актов, в рамках контроля за исполнением бюджета, контроля за состоянием государственного долга субъекта Российской Федерации и при проверке главных администраторов доходов и источников финансирования дефицита бюджета субъектов Российской Федерации. Исследование актов Счетной палаты Российской Федерации и Федерального казначейства, закрепляющих составы нарушений, выявляемых в процессе государственного финансового контроля, позволило классифицировать нарушения в сфере государственного долга субъектов Российской Федерации по следующим основаниям: по стадиям исполнения бюджета, по видам долговых обязательств, по наступлению негативных последствий. Сравнение классификаторов нарушений, разработанных органами внешнего и внутреннего бюджетного контроля, дало возможность сделать вывод о различиях в подходах этих органов: контрольно-счетные органы интересуются всеми видами долговых обязательств, а внимание органа внутреннего контроля сконцентрировано на государственных ценных бумагах и гарантиях как источниках доходов бюджетов.

Ключевые слова: государственный долг; субъект Российской Федерации; государственный кредит; государственная гарантия; бюджетный кредит; контрольно-счетные органы; бюджетный контроль; долговые обязательства; нарушение бюджетного законодательства; Федеральное казначейство

Для цитирования: Сомов Н. В. Внешний бюджетный контроль за государственным долгом субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 61–69. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.061-069

External Budgetary Oversight of the Public Debt of Constituent Entities of the Russian Federation

Nikolay V. Somov, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
somov2302@me.com

Abstract. The paper analyzes the regulatory framework and the practice of external financial (budgetary) control bodies in the field of public debt of the constituent entities of the Russian Federation. The study concludes that

---

© Сомов Н. В., 2026

* Сомов Николай Владимирович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
somov2302@me.com

external budgetary control of public debt can be both preliminary and subsequent and can be carried out in the course of reviewing draft regulatory instruments, monitoring budget execution, assessing a constituent entity's public debt, and auditing chief administrators of budget revenues and sources of financing budget deficits of the constituent entities of the Russian Federation. An examination of the instruments of the Accounts Chamber of the Russian Federation and the Federal Treasury that establish categories of violations detected in the course of public financial control made it possible to classify violations in the sphere of a constituent entity's public debt under the following criteria: stages of budget execution, types of debt obligations, and the occurrence of adverse consequences. A comparison of the violation classifiers used by external and internal budgetary control bodies revealed differences in their approaches: audit and accounts bodies address all types of debt obligations, whereas internal control bodies focus primarily on government securities and guarantees as sources of budget revenue.

Keywords: public debt; constituent entity of the Russian Federation; government credit; state guarantee; budget credit; control and accounting bodies; budget control; debt obligations; violation of budget legislation; Federal Treasury

Cite as: Somov NV. External Budgetary Oversight of the Public Debt of Constituent Entities of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(9):61-69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.061-069

Долговая политика субъекта Российской Федерации является неотъемлемой частью бюджетной политики региона в целом. При осуществлении такой политики органы власти субъекта Российской Федерации должны реализовывать множество задач, например поддерживать оптимальный уровень долга и снижать уровень долговой нагрузки, в том числе за счет замещения коммерческих кредитов бюджетными кредитами¹, обеспечивать привлечение заемных средств в случае необходимости, управлять кредитными рисками, поддерживать рейтинг долговой устойчивости субъекта Российской Федерации, обеспечивать своевременное исполнение долговых обязательств и т.д.

Представляется, что еще одной важнейшей задачей публично-правового образования в долговой сфере, позволяющей ограничивать рост долговых обязательств, является осуществление контроля за состоянием и динамикой государственного долга субъекта Российской Федерации. Контроль за долгом субъекта Федерации на практике может осуществляться различными способами, в том числе, как отмечает-

ся в экономической литературе, копирующими правила частного рынка, например посредством закрепления пределов долга и параметров его обслуживания, предоставления заимствований только на конкретные цели, запрета на осуществление высокорисковых заимствований, прямого административного контроля со стороны центральных органов власти и т.п.²

Однако перечисленные инструменты нацелены в первую очередь на управление долгом и его регулирование с экономических позиций и не затрагивают вопросы контроля соответствия проводимых операций требованиям законодательства. Ключевым органом, на который возложены полномочия по осуществлению контроля в сфере государственного внешнего и внутреннего долга, является контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации, который осуществляет внешний бюджетный контроль. Эта функция закреплена за указанным органом законодательно в ст. 9 Федерального закона от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных обра-

¹ Анализ действующей практики формирования бюджетных прогнозов субъектов Российской Федерации // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=132277-analiz_deistvuyushchei_praktiki_formirovaniya_byudzhetsykh_prognozov_subektov_rossiiskoi_federatsii (дата обращения: 29.07.2026).

² Климанов В. В., Тимушев Е. Н. Долговая устойчивость на субнациональном уровне в России: теория, состояние, рекомендации // Препринты РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. М., 2022. № 18/22. С. 14–15. URL: <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w20220207.pdf> (дата обращения: 27.07.2026).

зований»³ наряду с полномочиями по оценке эффективности предоставления бюджетных кредитов и законности предоставления государственных гарантий за счет средств региональных бюджетов.

В основном внимание контрольно-счетных органов сосредоточено на проверке соответствия установленных параметров долга, заимствований и гарантий требованиям бюджетного законодательства в проектах законов о бюджете⁴, а также в отчетах об исполнении бюджета⁵. Таким образом осуществляется как предварительный, так и последующий внешний бюджетный контроль.

В ходе анализа этих законопроектов подвергаются оценке объем долга региона (внешнего и внутреннего), его динамика, доля этого объема и соответствие конкретных показателей установленным в законодательстве ограничениям с учетом имеющихся соглашений с кредиторами о реструктуризации долга (в случае их наличия). Рассматриваются структура долга, суммы конкретных видов обязательств и размер процентов, их соответствие программам заимствований, уделяется внимание расходам на обслуживание долга, в том числе в части соответствия ограничениям, установленным в Бюджетном

кодексе Российской Федерации⁶. Закрепление таких предельных значений на уровне федерального законодательства характеризуется в литературе как административное воздействие на обеспечение финансовой устойчивости субъектов Российской Федерации⁷.

Оцениваются также объемы бюджетных кредитов и гарантий, выданных в определенном бюджетном году, цели их предоставления, их ставки и сроки на предмет соответствия установленным в нормах права ограничениям, в том числе соотношения с общим объемом возможных к предоставлению кредитов. Рассматриваются объемы задолженности по ранее возникшим долговым обязательствам (основной долг и проценты), их динамика (сокращение или рост), а также причины изменений объемов долга (возврат ранее выданных кредитов, досрочное погашение и т.п.).

При этом надо иметь в виду, что в отдельные периоды в связи с изменением социальной или экономической ситуации установленные БК РФ ограничения корректируются или их действие приостанавливается, как это было в период пандемии 2020–2021 гг.⁸ Анализ государственного внутреннего долга Пермского края, проведенный контрольно-счетным органом региона, по-

³ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 903.

⁴ См., например: заключение Контрольно-счетной палаты Пермского края на проект закона Пермского края «О бюджете Пермского края на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // URL: https://kspprk.ru/documents/380/zakl_35_25.pdf?view (дата обращения: 27.07.2026).

⁵ См., например: заключение Контрольно-счетной палаты Пермского края на годовой отчет об исполнении бюджета Пермского края за 2024 год // URL: https://kspprk.ru/documents/378/zakl_2024.pdf?view (дата обращения: 27.07.2026); заключение Счетной палаты Республики Саха (Якутия) на проект закона Республики Саха (Якутия) «Об утверждении отчета об исполнении государственного бюджета Республики Саха (Якутия) за 2024 год» // URL: <https://schetnaja-palata.sakha.gov.ru/expertNPA2025> (дата обращения: 25.07.2026); заключение Счетной палаты Красноярского края по результатам внешней проверки годового отчета об исполнении краевого бюджета за 2021 год // URL: <https://spkrk.ru/wp-content/uploads/2022/06/Заключениена-годовой-отчет-за-2021-год.pdf> (дата обращения: 21.07.2026).

⁶ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

⁷ См. подробнее: Рябова Е. В. Развитие межбюджетных отношений в рамках бюджетно-налоговой политики, направленной на обеспечение финансовой устойчивости субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 75–89.

⁸ См. подробнее: Яговкина В. А. Изменения актов, регулирующих бюджетные отношения, в условиях эпидемии COVID-19 // Общественные финансы. 2020. № 2 (40). С. 66–83; Яговкина В. А. Изменения правового регулирования ограничений значений госдолга и госкредита субъектов РФ на современном этапе // Общественные финансы. 2022. № 1 (43). С. 22–31.

казал значительное превышение объема этого долга на 1 января 2021 г. (почти в 1,5 раза по сравнению с объемом, утвержденным законом о бюджете), его резкий рост за год (более чем в 2 раза), были также превышены показатели, закрепленные при реструктуризации задолженности края перед федеральным бюджетом. Однако такое превышение не повлекло применения мер ответственности, поскольку дополнительные расходы были связаны с профилактикой коронавирусной инфекции и борьбой с ней⁹.

В ходе контрольных мероприятий контрольно-счетные органы могут сделать выводы о несоответствии объемов долга показателям, запланированным ранее. Поскольку объемы долга фиксируются в законе о бюджете субъекта Российской Федерации применительно к каждому году, входящему в бюджетную «трехлетку», возможно несовпадение этих данных в процессе корректировки параметров долга при принятии нового закона о бюджете на год, который входил в плановый период и стал очередным. Например, Счетная палата Республики Саха (Якутия) в ходе анализа проекта республиканского закона «О государственном бюджете Республики Саха (Якутия) на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» обратила внимание органов исполнительной власти на несоответствие объема верхнего предела внутреннего долга региона по состоянию на 1 января 2027 г. и 1 января 2028 г., указанного в законопроекте о бюджете на 2026–2028 гг. и в законе о бюджете на 2025–2027 гг.¹⁰

Такое внимание к указанным вопросам обусловлено их значимостью для закона о региональном бюджете в целом, поскольку превышение показателей регионального долга может

стать причиной отмены закона о бюджете субъекта Российской Федерации. Так, был признан недействующим принятый 17 декабря 2020 г. Закон Республики Хакасия № 88-ЗРХ «О республиканском бюджете Республики Хакасия на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов»¹¹ из-за его несоответствия требованиям БК РФ. Такое решение суд принял по заявлению прокуратуры, которая указала, что в этом законе, помимо превышения пределов дефицита бюджета, утвержденный объем государственного долга превысил ограничения, предусмотренные в ст. 107 БК РФ. Республиканские органы власти возражали, пояснили, что выявленные превышения связаны с расходами на борьбу с последствиями коронавируса, следовательно, нарушения требований законодательства в данном случае нет. При этом указывалось, что отдельная бюджетная классификация на такие расходы отсутствует, а региону выделялись дополнительные средства из федерального бюджета, в том числе в виде бюджетных кредитов, что также повлияло на увеличение долга региона.

Однако суд установил, что на финансовое обеспечение мероприятий по борьбе с коронавирусом в оспариваемом акте было закреплено выделение гораздо меньшей суммы, нежели составляло превышение, целевой характер расходов подтверждался только доказательствами из документов финансового органа, то есть достаточное и полное нормативное обоснование у таких расходов отсутствовало. В итоге суд пришел к выводу, что это нарушает принципы бюджетной системы, а содержание закона не отвечает общему требованию формальной определенности и ясности. В результате закон был признан недействующим, причем в полном

⁹ Заключение Контрольно-счетной палаты Пермского края на годовой отчет об исполнении бюджета Пермского края за 2020 год // URL: https://ksppk.ru/documents/289/z27_2020.pdf?view (дата обращения: 29.07.2026).

¹⁰ Заключение на проект закона Республики Саха (Якутия) «О государственном бюджете Республики Саха (Якутия) на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // URL: https://schetnaja-palata.sakha.gov.ru/predv_control2025 (дата обращения: 29.07.2026).

¹¹ Официальный интернет-портал правовой информации. 18.12.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1900202012180001> (дата обращения: 29.07.2026).

объеме, а не только в части норм, не соответствующих БК РФ¹².

Могут проводиться также мероприятия по контролю за состоянием долга субъекта Российской Федерации при осуществлении оперативного контроля за исполнением бюджета в течение определенного периода (квартал, полугодие и 9 месяцев)¹³. Так, Контрольно-счетная палата Республики Хакасия установила, что с начала 2026 г. за первые 3 месяца внутренний долг Республики увеличился более чем на 2 млрд руб. (на 7,7 %) и состоит из бюджетных и банковских кредитов. Значительно вырос объем средств на обслуживание долга по сравнению с предыдущим годом. Палата вынуждена была указать, что ограничение доли коммерческого долга было одним из основных условий списания бюджетных кредитов, в соответствии с этими требованиями объем такого долга не должен превышать 25 % от общего объема доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации (без учета безвозмездных поступлений). Доля коммерческого долга фактически не достигала отметки 25 % от доходов, но контрольно-счетный орган выразил обеспокоенность в связи с тем, что на практике поступления по определенным налогам держатся на низком уровне, что влечет риск несоблюдения указанного ограничения. В итоге субъект контроля указал финансовому органу на необходимость соблюдать ограничения, которые установлены правилами списания

задолженности региона перед федеральным центром¹⁴.

Контрольно-счетными органами осуществляются самостоятельные контрольные мероприятия по проверке состояния государственного долга субъекта Российской Федерации¹⁵. Анализ динамики госдолга региона позволяет органам внешнего бюджетного контроля приходиться к выводам о социально-экономическом развитии и финансовой устойчивости публично-правового образования и давать соответствующие рекомендации. Иногда анализ долговой политики требует кардинального, комплексного подхода к ее перестроению и актуализации.

Так, Контрольно-счетная палата Республики Хакасия в 2025 г. пришла к мнению о недостижении поставленной цели Стратегии социально-экономического развития региона по обеспечению долгосрочной устойчивости финансовой системы Республики в связи со значительным ростом объема долга за 5-летний период, а также значительным увеличением долговой нагрузки в целом и коммерческой части долга в частности (в том числе по процентным ставкам, превышающими максимально допустимые), резким ростом расходов на обслуживание долга. Было выявлено невыполнение условий соглашения о реструктуризации федеральных бюджетных кредитов, повлекшее необходимость погасить такие кредиты досрочно за счет получения для этих целей коммерческих кредитов, а значит, избыточных бюджетных расходов

¹² Решение Верховного суда Республики Хакасия от 29.03.2021 по делу № 3а-33/2021 «О признании недействующим Закона Республики Хакасия от 17.12.2020 № 88-ЗРХ “О республиканском бюджете Республики Хакасия на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов”». Решение оставлено без изменения апелляционным определением Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 30.07.2021 № 66а-697/2021 (СПС «КонсультантПлюс»).

¹³ Аналитическая записка о ходе исполнения государственного бюджета Республики Саха (Якутия) за I квартал 2025 года // URL: <https://schetnaja-palata.sakha.gov.ru/operanaliz2025> (дата обращения: 29.07.2026).

¹⁴ Заключение № 02-04/1 Контрольно-счетной палаты Республики Хакасия по результатам оперативного анализа исполнения и контроля за организацией исполнения республиканского бюджета Республики Хакасия, осуществления контроля за состоянием государственного внутреннего долга Республики Хакасия за I квартал 2026 года // URL: <https://ksp19.ru/wp-content/uploads/2026/06/Заключение-РБ-1-кв.2026.pdf> (дата обращения: 29.07.2026).

¹⁵ Например: Коллегия Счетной палаты Красноярского края рассмотрела результаты проверки состояния государственного долга региона // Счетная палата Красноярского края. URL: <https://spkrk.ru/коллегия-счетной-палаты-красноярско-115/> (дата обращения: 29.07.2026).

на обслуживание долга. В итоге был сделан вывод о недостатках планирования источников финансирования дефицита бюджета, низком качестве управления долгом, в том числе из-за неактуальной концепции такого управления, которая не подвергается корректировке много лет и не учитывает фактическую ситуацию. Было указано на отсутствие официально размещенной информации об объеме и структуре госдолга в течение нескольких лет. Все вышеперечисленные нарушения позволили контрольно-счетному органу принять рекомендации для финансового органа и направить представления по изменению Концепции управления госдолгом и включения определенных ограничений в качестве показателей в региональную государственную программу по управлению государственными финансами. В итоге финансовый орган региона привлек бюджетные кредиты на погашение коммерческих кредитов, на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов и скорректировал инструменты в основных направлениях долговой политики на будущий год¹⁶.

В ходе проверки главных администраторов также могут быть выявлены нарушения в сфере регионального долга. Например, Счетная палата Красноярского края выявила факты, способные негативно повлиять на достоверность годовой бюджетной отчетности: не были приняты меры по урегулированию (списанию) значительных сумм задолженности юридических лиц по бюджетным кредитам и государственным гарантиям¹⁷.

Предварительным можно назвать и контроль, осуществляемый в ходе анализа проектов специальных нормативных актов, касающихся государственного долга, помимо проектов зако-

нов о бюджете и его исполнении, позволяющий устранить причины, которые могут способствовать совершению нарушений в дальнейшем из-за несовершенства или пробелов законодательства. Как отмечает Р. Е. Артюхин, современные подходы к бюджетному контролю демонстрируют приоритет именно предварительного контроля как способа предотвращения нарушений¹⁸. Так, Контрольно-счетная палата Камчатского края по итогам рассмотрения проекта краевого закона, призванного регламентировать порядок предоставления государственных гарантий, выявила недостатки этого проекта и пришла к выводу, что принять акт без корректировки невозможно. Например, в законе была предусмотрена возможность предоставления гарантии без предварительного письменного согласования антимонопольного органа, что было исправлено в ходе законотворческой процедуры. Контрольно-счетный орган указал финансовому органу на необходимость учета в ведомственной структуре расходов на обслуживание государственного долга по кредитам от кредитных организаций¹⁹.

Таким образом, анализ практики деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации в сфере государственного долга публично-правовых образований субфедерального уровня показал, что внешний бюджетный контроль государственного долга может быть предварительным и последующим. Он осуществляется в ходе:

- 1) анализа проектов:
  - а) нормативных актов о бюджете;
  - б) нормативных актов об исполнении бюджета;
  - в) специальных нормативных актов в сфере государственного долга;

¹⁶ Отчет о деятельности Контрольно-счетной палаты Республики Хакасия за 2025 год // URL: <https://ksp19.ru/wp-content/uploads/2026/03/Отчет-КСП-РХ-за-2025-год.pdf> (дата обращения: 27.07.2026).

¹⁷ Заключение о результатах внешней проверки годового отчета об исполнении краевого бюджета за 2025 год // URL: <https://spkrk.ru/wp-content/uploads/2026/05/Заключение-на-ГО-за-2025-год-отправлено-28.05.2026.pdf> (дата обращения: 27.07.2026).

¹⁸ Бюджетный контроль // Энциклопедия российского финансового права / под ред. Е. Ю. Грачевой, Р. Е. Артюхина. М. : Проспект, 2024. С. 89 (автор статьи — Р. Е. Артюхин).

¹⁹ Годовой отчет о результатах деятельности Контрольно-счетной палаты Камчатского края за 2020 год // URL: https://www.ksp41.ru/deyatelnost/godovye-otchety/God_otchet_2020.pdf (дата обращения: 27.07.2026).

2) контроля за исполнением бюджета, в том числе оперативного контроля в течение определенного периода (квартал, полугодие и 9 месяцев);

3) контроля за состоянием государственного долга субъекта Российской Федерации;

4) проверки главных администраторов доходов бюджета субъекта Российской Федерации и источников финансирования дефицита бюджета.

Внимание параметрам государственного долга регионов может уделять и высший орган финансового контроля — Счетная палата Российской Федерации, в частности в ходе совместных или параллельных проверок. Например, при осуществлении параллельного контрольного мероприятия по проверке формирования государственного долга Магаданской области, Забайкальского и Хабаровского края в 2017–2020 гг. были выявлены нарушения в указанной сфере. Так, при наличии значительных объемов остатков на счетах соответствующих бюджетов регионами привлекались коммерческие кредиты. Контрольный орган счел это экономически нецелесообразным и влекущим дополнительные расходы бюджетов. Риски дополнительных расходов создаются и различными подходами к определению размера сумм на возможное исполнение государственных гарантий при отсутствии бюджетных ассигнований. Были выявлены нарушения условий соглашений о реструктуризации задолженности, превышение верхнего предела государственного внутреннего долга одного из проверяемых регионов. При этом контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации были установлены многочисленные недостатки бюджетного планирования и планирования в сфере заимствований, нарушения порядка составления и ведения кассового плана и в сфере привлечения коммерческих кредитов. Кроме того, были выявлены недочеты

как в нормативной базе, регламентирующей порядок ведения долговой книги, так и собственно в процессе ведения этого документа. Всё вышеизложенное повлекло предложения со стороны Счетной палаты Российской Федерации по совершенствованию нормативной правовой базы в сфере государственного долга субъекта федерального уровня²⁰.

В классификаторе нарушений, выявляемых в ходе внешнего государственного аудита (контроля), разработанном Счетной палатой Российской Федерации²¹, на положения которого в своей деятельности опираются и контрольно-счетные органы регионов, составы нарушений в сфере государственного кредита описываются достаточно детально. Эти нарушения могут относиться к стадии формирования или стадии исполнения соответствующего бюджета. Примером нарушений при формировании бюджета является несоблюдение ограничений при установлении законом о бюджете верхнего предела государственного внутреннего или внешнего долга субъекта Российской Федерации, а также требований к программе государственных гарантий регионального уровня в валюте Российской Федерации. Остальные составы относятся к стадии исполнения бюджета.

Большая доля составов приходится на нарушения относительно бюджетных кредитов. К ним относятся невозврат либо несвоевременный возврат бюджетного кредита, перечисление либо несвоевременное перечисление платы за пользование такими денежными средствами, нарушение порядка и условий их предоставления, использования и возврата или соглашения о предоставлении, а также нецелевое использование кредита. Все эти нарушения предполагают привлечение к ответственности в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях²², а также применение мер принуждения в соот-

²⁰ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Госдолг регионов. 2021. № 10 // URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/ae4/sjs9cx3h9znxni837maj6at95tmhtup.pdf> (дата обращения: 27.07.2026).

²¹ СГА 101. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Общие правила проведения контрольного мероприятия (утв. постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 07.09.2017 № 9ПК) // СПС «КонсультантПлюс».

²² СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

ветствии с гл. 30 БК РФ. Последний из указанных составов предполагает также уголовную ответственность²³.

В классификаторе предусмотрено в качестве нарушения, влекущего привлечение к административной ответственности, нарушение сроков обслуживания и погашения долга, остальные составы в соответствии с цитируемым документом не предполагают особых мер наказания или принуждения.

Помимо нарушений, связанных с бюджетным кредитом, можно выделить нарушения в сфере государственных заимствований в целом (несоблюдение порядка осуществления государственных или муниципальных заимствований), а также отдельных их видов: рассмотренных выше бюджетных кредитов, государственных ценных бумаг (несоблюдение требований к выпуску и ограничений к предельному объему размещения таких бумаг), государственных гарантий (несоблюдение требований к программе государственных гарантий в валюте Российской Федерации и предоставление и исполнение гарантий с нарушением установленного порядка и условий).

Нарушения различных процедурных или процессуальных требований можно выделить в особую группу. К ним относятся, например, уже упомянутое несоблюдение требований к программе государственных гарантий или порядка ведения государственной долговой книги, несоблюдение ограничений в части объема государственного долга, объема расходов на его обслуживание.

Таким образом, нарушения в сфере государственного долга субъекта Российской Федерации можно разделить на следующие группы:

- 1) по стадиям исполнения бюджета:
  - а) допускаемые в ходе формирования проекта бюджета;
  - б) допускаемые в ходе исполнения бюджета;
- 2) по видам долговых обязательств:
  - а) касающиеся государственных заимствований в целом;

б) касающиеся отдельных видов государственных заимствований:

- бюджетных кредитов;
- государственных ценных бумаг;
- государственных гарантий;

3) по наступлению негативных последствий:

- а) влекущие применение мер ответственности или принуждения;
- б) не влекущие таковых.

При этом можно отметить, что в аналогичном документе²⁴, применяемом Федеральным казначейством как органом внутреннего бюджетного контроля, нарушения в сфере государственного долга делятся на две большие группы: нарушения при администрировании доходов от размещения и погашения государственных ценных бумаг, номинальная стоимость которых указана в валюте Российской Федерации, и от предоставления государственных и муниципальных гарантий. Таким образом, если орган внешнего бюджетного контроля интересуют все виды долговых обязательств, то с точки зрения формулировок документа Казначейства орган внутреннего контроля сосредоточен только на ценных бумагах и гарантиях, причем рассматривается их влияние на формирование доходов соответствующего бюджета. Вероятно, такой акцент на администрировании доходов объясняется характером деятельности Казначейства в процессе исполнения бюджета и его статусом органа внутреннего финансового контроля.

Следует обратить внимание, что обе названные группы нарушений детализируются и охватывают несколько составов, но если нарушения в сфере гарантий касаются исключительно указанного вида обязательств, то составы нарушений при администрировании доходов от размещения и погашения государственных ценных бумаг затрагивают не только ценные бумаги, но и широкий спектр иных вопросов, например нарушение сроков обслуживания и погашения государственного долга, порядка ведения госу-

²³ Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²⁴ Классификатор нарушений (рисков), выявляемых Федеральным казначейством в ходе осуществления контроля в финансово-бюджетной сфере (утв. Казначейством России 19.12.2017) // СПС «Консультант-Плюс».

дарственной долговой книги, несоблюдение предельного объема долга.

Таким образом, анализ позволил выявить различия в подходах органов внешнего и внутреннего бюджетного контроля в сфере государственного долга субъектов Российской Федерации, а также выделить направления деятельности контрольно-счетных органов, в рамках которых может осуществляться внешний бюджетный контроль государственного долга: анализ проектов нормативных актов, контроль за

исполнением бюджета, контроль за состоянием государственного долга субъекта Российской Федерации, проверка главных администраторов доходов и источников финансирования дефицита бюджета субъектов Российской Федерации. На основе исследования акта Счетной палаты Российской Федерации предложена группировка нарушений в сфере государственного долга субъекта Российской Федерации по стадиям исполнения бюджета, видам долговых обязательств и наступлению негативных последствий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Климанов В. В., Тимушев Е. Н. Долговая устойчивость на субнациональном уровне в России: теория, состояние, рекомендации // Препринты РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. № 18/22. — М., 2022. — 29 с.
2. Рябова Е. В. Развитие межбюджетных отношений в рамках бюджетно-налоговой политики, направленной на обеспечение финансовой устойчивости субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. — 2023. — № 7. — С. 75–89.
3. Энциклопедия российского финансового права / под ред. Е. Ю. Грачевой, Р. Е. Артюхина. — М.: Проспект, 2024. — 924 с.
4. Яговкина В. А. Изменения актов, регулирующих бюджетные отношения, в условиях эпидемии COVID-19 // Общественные финансы. — 2020. — № 2 (40). — С. 66–83.
5. Яговкина В. А. Изменения правового регулирования ограничений значений госдолга и госкредита субъектов РФ на современном этапе // Общественные финансы. — 2022. — № 1 (43). — С. 22–31.

Материал поступил в редакцию 5 августа 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Klimanov V. V., Timushev E. N. Dolgovaya ustoychivost na subnatsionalnom urovne v Rossii: teoriya, sostoyanie, rekomendatsii // Preprinty RANKhiGS pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii. № 18/22. — M., 2022. — 29 s.
2. Ryabova E. V. Razvitie mezhbyudzhethnykh otnosheniy v ramkakh byudzhethno-nalogovoy politiki, napravlennoy na obespechenie finansovoy ustoychivosti subektov Rossiyskoy Federatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2023. — № 7. — S. 75–89.
3. Entsiklopediya rossiyskogo finansovogo prava / pod red. E. Yu. Grachevoy, R. E. Artyukhina. — M.: Prospekt, 2024. — 924 s.
4. Yagovkina V. A. Izmeneniya aktov, reguliruyushchikh byudzhethnye otnosheniya, v usloviyakh epidemii COVID-19 // Obshchestvennye finansy. — 2020. — № 2 (40). — S. 66–83.
5. Yagovkina V. A. Izmeneniya pravovogo regulirovaniya ograniчений znacheniy gosdolga i goskredita subektov RF na sovremennom etape // Obshchestvennye finansy. — 2022. — № 1 (43). — S. 22–31.

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА И БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.070-080

Л. Г. Ефимова*

Понятие и виды цифровых валют в контексте доктринальных споров

Аннотация. В российской доктрине существует спор, возможны ли обязательства и какие у оператора информационной системы по отношению к обладателю цифровой валюты. Исследователи спорят, является ли криптовалюта разновидностью цифровой валюты или это разные объекты. В статье даны анализ легальной дефиниции цифровой валюты и сравнение этого определения с доктринальным понятием криптовалюты. В результате сделан вывод, что российский законодатель предложил максимально широкое определение цифровой валюты, которая может быть выпущена как в открытом (публичном, децентрализованном), так и в закрытом (частном, централизованном) распределенном реестре, а также вообще вне распределенного реестра, с использованием иных сетевых технологий. Криптовалюта является разновидностью цифровой валюты, которая выпущена в децентрализованном распределенном реестре. Чтобы цифровые объекты могли именоваться цифровой валютой, эмитент цифровых объектов не должен иметь каких-либо обязанностей перед их обладателями, которые прямо не связаны с организацией и функционированием самой информационной системы. Однако оператор и узлы информационной системы могут принимать на себя обязанности перед обладателями цифровой валюты по поддержанию функционирования информационной системы в надлежащем состоянии, по обеспечению порядка майнинга цифровой валюты и по внесению соответствующих записей в информационную систему. Поскольку криптовалюта является разновидностью цифровой валюты, допустимо распространить на криптовалюту все правила, которые предусмотрены в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ для цифровой валюты, что удобно и соответствует позиции законодателя.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровая валюта; виртуальная валюта; цифровые финансовые активы; оператор информационной системы; виды цифровых валют; правовой режим цифровой валюты; правовой режим криптовалюты; обязательство эмитента; майнинг

Для цитирования: Ефимова Л. Г. Понятие и виды цифровых валют в контексте доктринальных споров // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 70–80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.070-080

© Ефимова Л. Г., 2026

* Ефимова Людмила Георгиевна, заведующий кафедрой банковского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); кафедра финансовых сделок и новых технологий в праве Российской школы частного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ludmilaefimova007@gmail.com

The Concept and Types of Digital Currencies in the Context of Doctrinal Debates

Lyudmila G. Efimova, Head of the Department of Banking Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Department of Financial Transactions and New Technologies in Law, Russian School of Private Law, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev (PLRC), Moscow, Russian Federation
ludmilaefimova007@gmail.com

Abstract. Russian legal scholarship remains divided over the issue whether obligations may arise, and if so, what obligations an information system operator may owe to a holder of digital currency. Scholars also debate whether cryptocurrency constitutes a type of digital currency or whether the two are distinct legal objects. The study analyzes the statutory definition of digital currency and compares it with the doctrinal concept of cryptocurrency. The author concludes that the Russian legislature has adopted a broad definition of digital currency, which may be issued through an open (public, decentralized) or closed (private, centralized) distributed ledger, or independently of a distributed ledger through other network technologies. Cryptocurrency constitutes a type of digital currency issued on a decentralized distributed ledger. For digital objects to qualify as digital currency, their issuer must not have obligations towards their holders other than those directly related to the organization and operation of the information system itself. At the same time, an information system operator and the system's nodes may assume obligations towards digital-currency holders to maintain the proper functioning of the information system, ensure the orderly conduct of digital-currency mining, and make the relevant entries in the information system. Since cryptocurrency is a type of digital currency, all rules established for digital currency under Federal Law No. 259-FZ dated 31 July 2020 may appropriately be extended to cryptocurrency, which is both practical and consistent with the legislature's approach.

Keywords: cryptocurrency; digital currency; virtual currency; digital financial assets; information system operator; types of digital currencies; legal regime of digital currency; legal regime of cryptocurrency; issuer's obligation; mining

Cite as: Efimova LG. The Concept and Types of Digital Currencies in the Context of Doctrinal Debates. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(9):70-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.070-080

Вследствие цифровизации экономики России, которая приняла черты масштабной технической революции, в гражданском обороте появились новые технические решения, оборот которых необходимо было законодательно урегулировать. Одним из таких объектов стала криптовалюта, а затем — цифровая валюта. Однако цифровая валюта — новое техническое решение, а законы пишут юристы, которым вначале необходимо понять сущность этой технической инновации. Поскольку многие юристы стали рассматривать цифровую валюту, представляющую собой многоаспектное явление, с разных сторон — на сегодняшний день накопилось много разнородных, даже взаимоисключающих точек зрения, обобщение и примирение которых являются целью написания настоящей работы.

Доктринальные споры затрагивают все традиционные проблемы — понятие, правовую природу и правовой режим криптовалюты и цифровой валюты.

Определение цифровой валюты появилось в российском законодательстве благодаря Федеральному закону от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА). Такая же дефиниция с небольшими редакционными изменениями теперь содержится в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах»¹ (далее — Закон о цифровых правах).

В пункте 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах представлено определение цифровой валюты,

---

¹ СПС «КонсультантПлюс».

которое, как и в Законе о ЦФА, носит в большей степени технический характер, но которое вызвало большинство доктринальных споров у российских правоведов.

Следует отметить, что определения цифровой валюты в Законе о цифровых правах и в Законе о ЦФА практически не различаются.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах цифровой валютой признается имущество, которое представлено совокупностью электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которое предлагается и (или) может быть принято в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которого отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем такого имущества, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска и осуществления в отношении такого имущества действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Из указанного определения следует, что цифровой валютой называется только такое имущество, которое отвечает следующим признакам:

- 1) должно представлять собой совокупность электронных данных (цифровой код или обозначение);
- 2) должно содержаться в информационной системе;
- 3) может использоваться как средство платежа или объект инвестиций;
- 4) не должно являться денежной единицей Российской Федерации, а также денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей;
- 5) обладателям цифровой валюты не должны противостоять обязанные перед ними лица,
- 6) однако могут быть обязаны лица в виде оператора и (или) узлов информационной си-

стемы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска и осуществления в отношении такого имущества действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Поскольку определения цифровой валюты по Закону о ЦФА и по Закону о цифровых правах практически не различаются, то указанные признаки полностью применимы и к понятию цифровой валюты, которое было сформулировано в ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА, за исключением правила о признании цифровой валюты имуществом. Последнее было включено в определение цифровой валюты в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах с учетом судебной практики².

Вышеперечисленные признаки цифровой валюты выделяются практически в любой работе, посвященной указанному цифровому объекту.

Поэтому представляется обоснованным остановиться на двух самых спорных признаках, которые до сих пор вызывают дискуссии, а также формируют различные подходы к определению понятия и видов этого объекта.

Анализируя приведенное легальное определение цифровой валюты, можно обнаружить следующее, на первый взгляд, противоречивое требование законодателя. С одной стороны, по отношению к цифровой валюте должно отсутствовать «лицо, обязанное перед каждым обладателем такого имущества» (признак № 5 — основной). С другой стороны, обязанными лицами могут быть оператор и (или) узлы информационной системы, которые обязаны только «обеспечивать соответствие порядка выпуска и осуществления в отношении такого имущества действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» (признак № 6 — факультативный).

На первый взгляд, оба признака являются взаимно противоречивыми: обязанного лица не должно быть, но всё же оно может появиться в указанных в норме случаях, которые можно обнаружить при совершении записей о транзакциях на адресах — идентификаторах пользователей этой системы. Однако представляется, что

² См., например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017.

это противоречие мнимое и оба признака одинаково важны для понимания того, чем является цифровая валюта с точки зрения российского законодателя. Думается также, что оба этих правила необходимо применять одновременно, что будет показано ниже.

Не все исследователи согласились с таким подходом. Некоторые авторы сделали вывод, что из-за противоречивости легального определения допустимо использовать только один признак цифровой валюты. Так, по мнению одного из исследователей, который проанализировал дефиницию цифровой валюты, сформулированную в ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА, «цифровая валюта создается и обращается в информационной системе, где существуют операторы и (или) узлы, обязанные обеспечивать соответствие правилам этой системы порядка выпуска, а также действий по внесению и изменению записей в систему»³. Указанный автор пишет, что лица, имеющие обязательства перед обладателями таких электронных данных, будут всегда, ведь всегда найдутся «операторы информационной системы или узлы», которые будут проводить «выпуск этих электронных данных и осуществлять действия по внесению (изменению) записей в такую информационную систему в соответствии с ее правилами»⁴. Соответственно, был сделан вывод, что термины «цифровая валюта» и «криптовалюта» обозначают разные цифровые объекты.

Аналогичное мнение, но с иной аргументацией высказано другими исследователями. Так, автор пишет: «Изначально при выпуске цифровой валюты и ее последующем гражданском обороте складываются два вида относительных правоотношений: отношения между оператором информационной системы и обладателем цифровой валюты... отношения в рамках заклю-

чаемых договоров между кредитором и должником в процессе гражданского оборота (будь то купля-продажа цифровой валюты или инвестиционный договор). В последнем случае у нас всегда есть обязанное лицо, которое должно совершить действия, направленные на исполнение предмета договора. Иными словами, мы говорим об обязательстве и обязанном лице. Есть обязанное лицо в первом упомянутом нами виде правоотношений, о чем нам прямо говорит сам законодатель (ч. 3 ст. 2 ФЗ «О цифровых финансовых активах»). А это свидетельствует о том, что как минимум (об этом мы уже упомянули выше) имущественное право требования в содержании цифровой валюты присутствует»⁵. Исходя из приведенной аргументации, автор не только предложил рассматривать криптовалюту и цифровую валюту как разные объекты права, но также обосновал их систематизацию, сделав вывод, что они являются подвидами другого родового объекта, который можно обозначить как виртуальную валюту⁶. Точка зрения о необходимости классифицировать все цифровые объекты на цифровые и виртуальные была высказана в литературе⁷.

Если предположить, что при выпуске и обращении цифровой валюты обязанные лица, действительно, будут всегда, непонятно, зачем законодатель вообще указал в ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА, а также подтвердил в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах, что обязанных лиц не должно быть вообще (основной признак). В связи с этим могут быть высказаны предположения, что противоречивость редакции Закона о ЦФА и Закона о цифровых правах является следствием недостатков юридической техники.

Впрочем, в литературе появилась другая точка зрения, авторы которой попытались предложить иное объяснение вышеуказанному про-

---

³ Новоселова Л. А. Парадоксы регулирования криптовалют: в поисках решения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 4. С. 28.

⁴ Новоселова Л. А. Указ. соч.

⁵ Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 2. С. 284.

⁶ Дерюгина Т. В. Указ. соч. С. 278.

⁷ Тумаков А. В. Цифровые и виртуальные объекты современного гражданского оборота: к вопросу о разграничении понятий // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 30–38.

тиворечию. Так, согласно мнению некоторых ученых, обязанности оператора перед обладателями электронных данных бывают разными. Как указано в литературе, «по своей природе такая обязанность не устанавливает для управомоченного лица ни притязания на исполнение, ни права на возмещение убытков в случае их нарушения»⁸. Соответственно, автор предположил, что «основание возникновения обязанности оператора или узла информационной системы появляется в связи с их действиями, связанными с осуществлением выпуска цифровой валюты»⁹.

Таким образом, рассматриваемое противоречие является мнимым, поскольку основной признак цифровой валюты (отсутствие обязанных лиц) и исключение из него (могут быть обязанные лица) касаются двух разных обязательств.

Основной признак цифровой валюты — у обладателя электронных данных нет и не может быть никаких притязаний к третьему лицу на совершение какого-либо действия, вытекающего из цифровой валюты, а следовательно, никаких прав на привлечение третьего лица к ответственности, тем более что самого третьего лица может вообще не оказаться в некоторых случаях.

Указанный признак был связан со взглядом российского законодателя на правовую природу цифровой валюты, которая не является способом удостоверения обязательственного права (требования), в отличие, например, от некоторых цифровых финансовых активов (ЦФА).

Закключение о том, что криптовалюты не могут являться правами (требованиями) обя-

зательственного характера, поскольку в отношении них нет обязанного лица, было сделано в литературе достаточно давно¹⁰ со ссылкой на выводы Федеральной службы Швейцарии по надзору на финансовых рынках (Autorité fédérale de surveillance des marchés financiers, FINMA).

В свое время FINMA указала, что криптовалюта не дает никаких прав против эмитента¹¹. Объяснение для такого вывода непосредственно вытекает из технологических особенностей майнинга криптовалюты на публичном блокчейне. У такой криптовалюты отсутствует не только оператор информационной системы, но и эмитент, являющийся субъектом права. Выпуск криптовалюты на публичном блокчейне осуществляется средствами компьютерной техники непосредственно внутри информационной системы с использованием алгоритмов соответствующего программного обеспечения.

В отчете Федерального совета Швейцарии¹² указано, что виртуальные валюты могут быть выпущены и контролируются сетью компьютеров¹³. Поэтому у владельцев криптовалюты нет и не может быть никакого обязанного лица, долг которого вытекает из обладания криптовалютой, а истинными криптовалютами можно считать только выпущенные на публичном блокчейне.

Указанное мнение FINMA получило поддержку у современных специалистов, в том числе в Российской Федерации, и даже нашло отражение в пятом признаке цифровой валюты (п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах, ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА), который был приведен выше.

Впрочем, очевидно, что аналогичные цифровые объекты могут быть выпущены в закры-

⁸ *Ионцев М. А.* Пределы явно выраженного запрета на совершение сделок, предметом которых являются цифровые валюты // Государственная служба. 2024. Т. 26. № 4. С. 94.

⁹ *Ионцев М. А.* Указ. соч.

¹⁰ *Ефимова Л. Г.* Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25.

¹¹ Guide pratique pour les questions d'assujettissement concernant les initial coin offerings (ICO). Edition du 16 février 2018. P. 3 // URL: <https://www.finma.ch/fr/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf?la=fr>.

¹² Federal Council report on virtual currencies in response to the Schwaab (13.3687) and Weibel (13.4070) postulates // URL: <https://perma.cc/7VAB-FNBJ>.

¹³ Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект : монография / отв. ред. Л. Г. Ефимова. М. : Проспект, 2021. С. 14–15.

той информационной системе, в которой есть центральный оператор и конкретный эмитент. Поэтому мало сказать, что криптовалютой считается только тот цифровой объект, который выпущен в открытой информационной системе (или на публичном блокчейне). Необходимо было как-то назвать и классифицировать аналогичные цифровые объекты, которые выпущены в закрытой информационной системе (или на частном блокчейне), а также определить их экономическую и правовую природу. По мнению FINMA, такие цифровые объекты не являются настоящими криптовалютами, а представляют собой иные формы денег.

Для иллюстрации своей позиции швейцарский регулятор опубликовал следующий пример из своей надзорной практики в пресс-релизе от 19.09.2017. Речь шла о майнинге криптовалюты, который осуществляла Ассоциация QUID PRO QUO. Этот эмитент выпускал свою криптовалюту — E-Coins. Выпуск выполнялся на специально созданной интернет-платформе, которая также использовалась для торговли и осуществления платежей с помощью рассматриваемых цифровых монет. Через три года деятельности указанная интернет-платформа уже объединяла несколько сотен пользователей, а общая сумма производимых ими транзакций достигла 4 млн франков. Операторами указанной интернет-платформы, помимо Ассоциации QUID PRO QUO, являлись еще два юридических лица, которые управляли выпущенной криптовалютой на многочисленных виртуальных счетах.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, FINMA сделала вывод, что операторы E-Coins фактически занимались незаконной банковской деятельностью, поскольку нарушали законодательство о финансовых рынках.

По мнению FINMA, E-Coin не является настоящей криптовалютой, поскольку все операции с указанными цифровыми объектами контролировались операторами информационной системы¹⁴.

Таким образом, с точки зрения швейцарского регулятора финансового рынка, под настоящей криптовалютой следует понимать такой цифровой актив, который существует в виде цифрового кода, не имеет физической формы, может использоваться в качестве средства платежа, выпускается и хранится децентрализованно, с использованием технологии распределенного реестра¹⁵.

Факультативный признак цифровой валюты был использован российским законодателем, чтобы показать, что оператор информационной системы (если он есть) должен следить за исправной работой распределенного реестра и решать иные технические задачи. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах оператор информационной системы и узлы этой системы должны «обеспечивать соответствие порядка выпуска и осуществления в отношении такого имущества действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам». Обязанность по надлежащему выполнению указанных действий возникает перед каждым обладателем цифровой валюты, проводящим транзакции в информационной системе¹⁶.

Наличие факультативного признака цифровой валюты не порочит основного правила: даже если имеется оператор информационной системы, иные узлы, которые обеспечивают ее функционирование в техническом смысле, то они всё равно не будут нести никаких обязательств перед владельцами цифровой валюты

---

¹⁴ La FINMA retire du marché des fournisseurs de monnaie virtuelle et met en garde contre les pseudo-cryptomonnaies : communiqué de presse // URL: https://www.finma.ch/~media/finma/dokumente/dokumentencenter/8news/medienmitteilungen/2017/09/20170919-mm-coin-anbieter_de.pdf?sc_lang=fr.

¹⁵ Цифровое право в банковской деятельности. С. 14–15.

¹⁶ Такой подход соответствует легальному определению оператора информационной системы. Так, согласно п. 12 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» оператор информационной системы — гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных.

по осуществлению расчетов этой валютой, поскольку пользователи распределенного реестра могут сделать всё самостоятельно.

Кроме того, оператор информационной системы или иные узлы *не несут никаких иных обязательств из цифровой валюты в отличие, например, от цифровых финансовых активов*, в результате приобретения которых владельцы получают различные права по отношению к их эмитенту (обязательственные, корпоративные, иные). *В этом смысле эмитент ЦФА будет тем самым обязанным лицом, которого не должно быть в информационных системах по выпуску цифровых валют согласно позиции российского законодателя.*

Анализ противоречий в позициях российского законодателя и FINMA представляет интерес только потому, что в свое время FINMA первой из мировых регуляторов обнаружила различия в понятии и природе криптовалют, выпущенных в открытом (публичном, децентрализованном) и закрытом (частном, централизованном) реестрах. Соответственно, открытый распределенный реестр не имеет центрального провайдера (иначе — оператора информационной системы), а у закрытого такой оператор есть. Это позволит лучше понять позицию российского законодателя, выявить противоречия и, возможно, исправить несоответствия.

Согласно позиции FINMA, истинные криптовалюты должны выпускаться только в открытом (публичном) распределенном реестре, в котором нет центрального провайдера и не может быть эмитента криптовалюты. В этом случае криптовалюта будет выпускаться платформой на основе соответствующего протокола без участия человека с применением консенсуса соответствующего вида, порядок выполнения которого также контролируется протоколом. Соответственно, при такой позиции всегда должно отсутствовать какое-либо лицо, непосредственно обязанное перед обладателями электронных данных как в части майнинга криптовалюты, так и в части каких-либо иных обязательств, непосредственно вытекающих из самой

криптовалюты. Такая криптовалюта может быть выпущена только в открытом (публичном, децентрализованном) распределенном реестре. Одной из особенностей криптовалюты является ее выпуск вне единого эмиссионного центра¹⁷.

Согласно позиции российского законодателя, для квалификации цифрового объекта в качестве цифровой валюты принципиально важно, чтобы отсутствовало лицо, обязанное перед обладателями электронных данных, если такая обязанность вытекает непосредственно из самих криптовалют. Этим обязанным лицом может быть только эмитент данного цифрового объекта. Получается, если такие обязательства эмитента будут установлены в конкретном случае, то цифровой объект уже будет именоваться не цифровой валютой, а, скорее всего, цифровым финансовым активом — цифровой «ценной бумагой» или чем-то вроде этого.

В отличие от швейцарского регулятора российский законодатель допускает возможность появления лиц, обязанных перед обладателями электронных данных осуществлять техническое обслуживание цифровой платформы по выпуску цифровой валюты, включая ее майнинг. *Однако указанные обязанные лица могут и отсутствовать, ведь они являются только исключением из общего правила об отсутствии каких-либо обязанных лиц. Термин «исключение» предполагает, что описанная им ситуация должна проявляться не во всех случаях, иначе исключение станет правилом.*

Следует согласиться также с выводом некоторых исследователей понятия «цифровая валюта» о том, что согласно легальному определению ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА (аналогично — п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах) выпуск цифровой валюты может осуществляться также вне распределенного реестра. В литературе указано, что «в части 3 статьи 1 ФЗ “О цифровых финансовых активах” отсутствует указание на использование в процессе гражданского оборота цифровой валюты распределенного реестра (курсив мой. — Л. Е.) (как это сделано, к примеру, для цифровых финансовых активов). <...> Полагаем,

¹⁷ Кучеров И. И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта // Финансовое право. 2021. № 4. С. 3–8.

что в случае цифровой валюты российский законодатель расширяет возможности ее использования в процессе гражданского оборота, не ограничиваясь распределенным реестром, а допуская использование иных сетевых архитектур, а также других технологий, направленных на регистрацию прав в цифровой среде»¹⁸.

На основании изложенного обоснован вывод, что согласно Закону о цифровых правах и Закону о ЦФА цифровая валюта может быть выпущена как в открытом (публичном, децентрализованном), так и в закрытом (частном, централизованном) распределенном реестре, а также вообще вне распределенного реестра, с использованием иных сетевых технологий.

Отсюда следует, что российское законодательство предложило более широкое определение рассматриваемого цифрового объекта по сравнению с дефиницией категории «криптовалюта», которая следует из вышеуказанных актов FINMA. Следовательно, понятие «криптовалюта» поглощается понятием «цифровая валюта» в смысле Закона о цифровых правах и Закона о ЦФА. Понятие «цифровая валюта» шире понятия «криптовалюта»¹⁹.

Таким образом, можно не согласиться с позицией тех исследователей, которые придерживаются узкого понятия «цифровая валюта», утверждая, что «классические криптовалюты под это определение [цифровой валюты] не попадают, поскольку они создаются в децентрализованных системах, где отсутствуют операторы или узлы, юридически отвечающие за поддержание системы»²⁰.

Руководствуясь широкой концепцией «цифровая валюта», полагаем, что криптовалютой должна считаться только та цифровая валюта, которая выпущена в децентрализованном распределенном реестре (в открытой информационной системе)²¹. Поэтому классические криптовалюты, такие как Bitcoin, Ethereum, которые выпущены в децентрализованном реестре, тоже могут считаться разновидностями цифровой валюты в смысле Закона о ЦФА.

Впрочем, кроме указанных истинных криптовалют могут быть выпущены иные разновидности цифровых валют, в том числе в централизованном распределенном реестре, а также без его использования.

Тем не менее понятие «цифровая валюта», которое содержится в Законе о ЦФА и в Законе о цифровых правах, всё же не охватывает всех возможных разновидностей цифровых ценностей, сходных с цифровыми валютами, которые появились на практике. Например, до сих пор остается дискуссионным вопрос, допустимо ли стейблкоины признавать цифровыми валютами²². Эта проблема не решена даже после принятия Закона о цифровых правах, поскольку признаки цифровой валюты практически не изменились. Дело в том, что в отличие от традиционной цифровой валюты эмитент стейблкоинов имеет обязательства перед обладателями этой валюты, вытекающие из эмиссии стейблкоинов. Выпуская стейблкоины, эмитент фактически обязывается поддерживать стабильность их курса²³. Наиболее известным стейблкоином является USDT (United States Dollar Tether) — стейблкоин

---

¹⁸ Дерюгина Т. В. Указ. соч. С. 278.

¹⁹ Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 103–113.

²⁰ Новоселова Л. А. Указ. соч. С. 28.

²¹ У криптовалюты должны быть также другие признаки, например применение асимметричного криптографического шифрования.

²² Конституционный Суд РФ в постановлении от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона “О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» не смог дать однозначного ответа на вопрос, являются ли стейблкоины (включая USDT) цифровой валютой в значении Закона о ЦФА.

²³ Чтобы выполнить эту обязанность, эмитент вынужден держать в резерве реальные активы (фиатные деньги, ценные бумаги, товары, другие криптовалюты и т.п.) в эквиваленте выпущенных стейблкоинов.

компании Tether, привязанный к доллару США в соотношении 1:1 и обеспеченный резервами²⁴. Таким образом, наличие обязательств у эмитента стейблкоинов перед их владельцами исключает признание стейблкоинов разновидностью цифровой валюты в смысле п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах. Стейблкоины следует рассматривать в качестве самостоятельного объекта цифрового имущества.

Правовой режим майнинга и оборота криптовалюты. Несмотря на высказанное выше несогласие с позицией авторов, которые отстаивают узкое понятие «цифровая валюта», полагаем: наши оппоненты правильно подметили, что существуют разные виды цифровых объектов, в отношении которых необходимо определиться не только с их названием, но и с правовым режимом, независимо от того, выпущены ли они в децентрализованном или централизованном распределенном реестре.

Квалификация криптовалюты в качестве разновидности цифровой валюты достаточно удобна. Она позволяет сделать вывод, что криптовалюта имеет ту же экономическую природу, что и цифровая валюта. Она может быть принята в качестве платежного средства, что вытекает из легального определения цифро-

вой валюты, сформулированного в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах, а также в ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА, т.е. является *частными деньгами*²⁵. Однако (и это главное!) правовой режим цифровой валюты, предусмотренный Законом о цифровых правах (Законом о ЦФА), будет распространяться также на оборот криптовалюты, а майнинг криптовалюты будет регулироваться этим Законом.

Если придерживаться узкой концепции цифровой валюты, то частными деньгами придется признавать только те электронные данные, которые выпущены в централизованном распределенном реестре.

Впрочем, вновь возникнет вопрос, является ли криптовалюта деньгами, и для многих исследователей вероятным будет отрицательный ответ²⁶.

Важнее другое — в случае признания криптовалюты и цифровой валюты разными объектами на оборот криптовалюты не будет распространяться правовой режим, который предусмотрен Законом о цифровых правах (Законом о ЦФА) для оборота цифровой валюты, включая применение ограничений. Это будет означать, что майнинг криптовалюты (в отличие от цифровой валюты) не будет регулироваться указанным

Однако технически стабильность курса стейблкоинов поддерживаются алгоритмически, поскольку специальные смарт-контракты регулируют предложение токенов. Если цена растет выше целевого уровня, то система выпускает новые токены, чтобы снизить цену стейблкоинов. Если цена падает, то смарт-контракт блокирует часть «монет», чтобы поднять их стоимость.

²⁴ URL: https://zakon.ru/blog/2026/05/23/sraschivaem_icp_s_cv_zakonoproekt_o_regulirovanii_kriptovalyutnogo_rynka_v_shage_ot_luchshej_v_mire_.

²⁵ Такой вывод является принципиальной позицией автора, который, однако, признает его спорный характер. Другие исследователи, отрицающие денежную природу криптовалюты, рассматривают слово «деньги» как синоним термина «законное платежное средство». Далее делается вывод, что поскольку криптовалюта не является законным средством платежа, то ее нельзя считать деньгами. По мнению автора, деньги — это экономическое отношение. Поэтому понятие «деньги» должны определять экономисты, а юристы обязаны принять их решение, каким бы оно ни было. Современная экономическая литература выводит понятие денег из тех функций, которые они выполняют. Согласно указанной функциональной теории, в качестве денег может использоваться всё, что признается людьми за деньги и выполняет их функции. Следовательно, точка зрения о том, что цифровая валюта, в том числе криптовалюта, не является деньгами, поскольку она не признана государством в качестве законного платежного средства, необоснованна. Более подробно см.: *Ефимова Л. Г.* Денежные обязательства и финансовые сделки : учебник для магистратуры. М. : Проспект, 2022. С. 10–13, 32–38.

²⁶ См., например: *Хоменко Е. Г.* Возможности использования криптовалюты в банковской деятельности: правовой аспект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10. С. 100.

Законом, а использование криптовалюты в качестве платежного средства будет осуществляться совершенно свободно как резидентами, так и нерезидентами Российской Федерации и т.п.

Вряд ли такой результат предполагал законодатель при разработке Закона о ЦФА и Закона о цифровых правах. Указанные последствия косвенно подтверждают ранее сделанный вывод: в ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА и в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах предусмотрено достаточно широкое понятие цифровой валюты, включающее также криптовалюту, на майнинг и оборот которой распространяется общий правовой режим.

На основании изложенного обоснованы следующие выводы.

1. В части 3 ст. 1 Закона о ЦФА и в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах российский законодатель предложил достаточно широкое определение цифровой валюты, которая может быть выпущена как в открытом (публичном, децентрализованном), так и в закрытом (частном, централизованном) распределенном реестре, а также вообще вне распределенного реестра с использованием иных сетевых технологий.

2. С учетом указанного широкого определения цифровой валюты можно сделать вывод, что криптовалюта является разновидностью цифровой валюты, которая выпущена в децентрализованном распределенном реестре. Однако кроме криптовалют могут быть выпущены иные разновидности цифровых валют, в том числе в централизованном распределенном реестре, а также без его использования. С учетом высказанной позиции конструирование родового понятия «виртуальная валюта» нецелесообразно.

3. Правило ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА и п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона о цифровых правах о том, что по

отношению к цифровой валюте должно отсутствовать лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, но может существовать обязательство оператора и (или) узлов информационной системы по обеспечению порядка выпуска и осуществления действий по внесению (изменению) записей в информационную систему, касается двух разных обязательств.

Чтобы цифровой объект мог именоваться цифровой валютой, у эмитента этих цифровых объектов (если он имеется) не должно быть каких-либо обязанностей перед обладателями цифровых объектов, которые прямо не связаны с организацией и функционированием самой информационной системы. В противном случае эти цифровые объекты будут называться цифровыми финансовыми активами.

Впрочем, оператор информационной системы (если он имеется) и узлы системы могут принимать на себя обязанности перед обладателями цифровой валюты по поддержанию функционирования информационной системы в надлежащем состоянии и по внесению соответствующих записей в информационную систему.

4. Поскольку криптовалюта является разновидностью цифровой валюты, допустимо распространить на криптовалюту все правила, которые предусмотрены в Законе о цифровых правах для цифровой валюты. Такой подход позволяет сделать вывод, что криптовалюта имеет ту же экономическую природу, что и цифровая валюта. Она может быть принята в качестве средства платежа, т.е. является частными деньгами. Правовой режим цифровой валюты, предусмотренный Законом о ЦФА, будет распространяться на оборот криптовалюты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дерюгина Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2024. — Вып. 2. — С. 274–288.
2. Ефимова Л. Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. — 2019. — № 4. — С. 17–25.
3. Ионцев М. А. Пределы явно выраженного запрета на совершение сделок, предметом которых являются цифровые валюты // Государственная служба. — 2024. — № 4. — С. 83–99. — DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-4-83-99.

4. Кучеров И. И. Отдельные вопросы финансово-правового регулирования цифровой экономики: цифровая валюта // Финансовое право. — 2021. — № 4. — С. 3–8.
5. Новоселова Л. А. Парадоксы регулирования криптовалют: в поисках решения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. — № 4. — С. 23–31. — URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.128.4.023-031>.
6. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11. — С. 103–113. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113.
7. Тумаков А. В. Цифровые и виртуальные объекты современного гражданского оборота: к вопросу о разграничении понятий // Lex russica. — 2024. — Т. 77. — № 7. — С. 30–38. — DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.030-038.
8. Хоменко Е. Г. Возможности использования криптовалюты в банковской деятельности: правовой аспект // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 10. — С. 97–103.
9. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект : монография / отв. ред. Л. Г. Ефимова. — М. : Проспект, 2021. — 416 с.

Материал поступил в редакцию 1 апреля 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Deryugina T. V. Problemy opredeleniya pravovoy prirody tsifrovoy valyuty // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2024. — Vyp. 2. — S. 274–288.
2. Efimova L. G. Kriptovalyuty kak obekt grazhdanskogo prava // Khozyaystvo i pravo. — 2019. — № 4. — S. 17–25.
3. Iontsev M. A. Predely yavno vyrazhennogo zapreta na sovershenie sdelok, predmetom kotorykh yavlyayutsya tsifrovye valyuty // Gosudarstvennaya sluzhba. — 2024. — № 4. — S. 83–99. — DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-4-83-99.
4. Kucherov I. I. Otdelnye voprosy finansovo-pravovogo regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki: tsifrovaya valyuta // Finansovoe pravo. — 2021. — № 4. — S. 3–8.
5. Novoselova L. A. Paradoksy regulirovaniya kriptovalyut: v poiskakh resheniya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2025. — № 4. — S. 23–31. — URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2025.128.4.023-031>.
6. Sitnik A. A. Tsifrovye valyuty: problemy pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2020. — Т. 15. — № 11. — S. 103–113. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.103-113.
7. Tumakov A. V. Tsifrovye i virtualnye obekty sovremennogo grazhdanskogo oborota: k voprosu o razgranichenii ponyatiy // Lex russica. — 2024. — Т. 77. — № 7. — S. 30–38. — DOI: 10.17803/1729-5920.2024.212.7.030-038.
8. Khomenko E. G. Vozmozhnosti ispolzovaniya kriptovalyuty v bankovskoy deyatel'nosti: pravovoy aspekt // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2018. — № 10. — S. 97–103.
9. Tsifrovoe pravo v bankovskoy deyatel'nosti: sravnitel'no-pravovoy aspekt: monografiya / отв. red. L. G. Efimova. — М.: Проспект, 2021. — 416 с.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.081-087

Е. С. Аненко*

Субъекты инновационной деятельности и гражданско-правовые модели их инновационной кооперации

Аннотация. Проведенный в статье анализ законодательных и доктринальных подходов к пониманию кооперации в инновационной сфере показал отсутствие единообразия, а выявленная неопределенность ее состава позволила автору утверждать о наличии ряда дефектов правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений. По результатам исследования выделены стадии инновационного процесса исходя из этапов жизненного цикла результатов интеллектуальной деятельности, а также представлена система гражданско-правовых моделей взаимодействия субъектов инновационной деятельности. В рамках данной системы автор, основываясь на актах стратегического планирования в сфере технологического развития страны, классифицировал модели взаимодействия указанных субъектов на договорные и организационно-правовые, а последние — на не связанные с созданием юридических лиц и связанные с созданием юридических лиц и развитием их организационной структуры.

Ключевые слова: инновационная кооперация; инновационная деятельность; субъекты инновационной деятельности; технологический суверенитет; Концепция технологического развития; инновационный процесс; модели инновационной кооперации; договоры инновационной кооперации; гражданско-правовые модели взаимодействия; организационно-правовые формы кооперации; трансфер технологий; коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности

Для цитирования: Аненко Е. С. Субъекты инновационной деятельности и гражданско-правовые модели их инновационной кооперации // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 81–87. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.081-087

Subjects of Innovation Activity and Civil Law Models of their Innovative Cooperation

Ekaterina S. Anenko, Postgraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ekaterina.anenko@inbox.ru

Abstract. The analysis of legislative and doctrinal approaches to the concept of cooperation in the sphere of innovation reveals a lack of uniformity. The uncertainty surrounding its constituent elements enables the author to identify a number of deficiencies in the legal regulation of the relevant social relations. Based on the findings

---

© Аненко Е. С., 2026

* Аненко Екатерина Сергеевна, аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ekaterina.anenko@inbox.ru

of the study, the author distinguishes the stages of the innovation process according to the life-cycle phases of intellectual property outputs and presents a system of civil-law models for interaction among the subjects of innovation activity. Within this system, and drawing on strategic planning instruments in the field of the country's technological development, the author classifies the models of interaction among such subjects into contractual and organizational legal models. They include models not involving the establishment of legal entities, models involving the establishment of legal entities, and models aimed at developing their organizational structure.

Keywords: Innovative cooperation; innovation activity; subjects of innovation activity; technological sovereignty; Concept of Technological Development; innovation process; models of innovative cooperation; innovative cooperation agreements; civil-law models of interaction; organizational and legal forms of cooperation; technology transfer; commercialization of intellectual property outputs.

Cite as: Anenko ES. Subjects of Innovation Activity and Civil Law Models of their Innovative Cooperation. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):81-87. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.081-087

Стратегической задачей развития России на современном этапе является достижение технологического суверенитета страны, что требует увеличения скорости сложных наукоемких процессов и выводит на первый план задачу поиска не только эффективных экономических и организационных механизмов инновационной кооперации, но и системы обеспечивающих их функционирование правовых средств.

Очевидно, что рассматривать вопрос о гражданско-правовых моделях кооперации субъектов инновационной деятельности возможно только после уточнения, что же понимается для целей настоящего исследования под субъектом инновационной деятельности и кооперацией.

Кроме того, учитывая многозначность термина «кооперация» (от лат. cooperatio), следует отметить, что в правовой доктрине чаще он употребляется в значении «сотрудничество»¹. Примером законодательного использования понятия «кооперация» могут служить федеральные законы от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»², от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»³ и др. Во всех случаях законодатель под кооперацией понимает систему определенных организаций, объединенных единой целью, т.е. раскрывать исключительно некую организаци-

онно-правовую форму сотрудничества субъектов в определенной сфере экономической деятельности представляется неконструктивным.

При этом в Федеральном законе от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» используется понятие «карта технологической кооперации»⁴, а Положением о картах технологической кооперации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 06.11.2025 № 1752 «Об отдельных вопросах реализации технологической политики в Российской Федерации»⁵, предписана необходимость включения в такую карту информации о формах и способах взаимодействия лиц, осуществляющих содействие развитию технологий, с субъектами научной, научно-технической и (или) инновационной деятельности в целях разработки технологий. То есть очевидно, что применительно к инновационной кооперации термин «кооперация» следует использовать в широком смысле, в связи с чем далее слово «кооперация» будет означать «сотрудничество», «взаимодействие».

Поскольку в настоящей статье целью является выявление гражданско-правовых моделей взаимодействия субъектов инновационной дея-

¹ См., например: Андреев В. К. О структуре правосубъектности юридического лица и формах осуществления совместной деятельности хозяйственных обществ // Журнал российского права. 2024. № 3. С. 56–67.

² СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7600.

³ СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.

⁴ СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533.

⁵ СЗ РФ. 2025. № 45. Ст. 6770.

тельности, необходимо определить, какие лица могут быть к таким субъектам отнесены.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон о науке) научная и (или) научно-техническая деятельность осуществляется физическими лицами, в том числе иностранными гражданами и лицами без гражданства, в пределах прав, установленных законодательством, и юридическими лицами, при условии что такая деятельность предусмотрена в их учредительных документах. Кроме того, данный Закон регулирует и отношения между указанными субъектами и органами государственной власти и потребителями соответствующей продукции, в том числе и по предоставлению государственной поддержки. Таким образом, формируется максимально широкий круг субъектов инновационной деятельности.

И в связи с этим важно, что законодатель вводит понятие «институт инновационного развития», определяя его как коммерческую или некоммерческую организацию, самостоятельно осуществляющую инновационную деятельность. Перечень федеральных институтов инновационного развития утвержден распоряжением Правительства РФ от 05.02.2021 № 241-р⁶. Постановлением Правительства РФ от 22.12.2020 № 2204⁷ введено понятие «портфельной» компании, под которой подразумевается российская или иностранная организация, реализующая с финансовым и (или) организационным участием (финансовой поддержкой) института инновационного развития, и (или) его дочернего общества, и (или) инвестиционного фонда один или несколько инновационных проектов.

К субъектам инновационной деятельности следует относить также тех лиц, которые принимают участие в коммерциализации полученных

в ходе инновационной деятельности результатов интеллектуальной деятельности.

Таким образом, следует констатировать, что перечень субъектов инновационной деятельности не просто открыт — он, несмотря на законодательное закрепление статуса ряда специальных субъектов данной сферы, даже не может быть сформирован максимально широким образом из-за отсутствия каких-либо квалифицирующих признаков таких субъектов.

При этом подход тех исследователей, которые рассматривают инновационную деятельность исключительно как предпринимательскую, не позволяет охарактеризовать данную деятельность во всем многообразии и, соответственно, учесть ряд субъектов, деятельность которых не носит коммерческого характера⁸.

Анализ специальной литературы показывает отсутствие единой доктринальной позиции относительно субъектного состава инновационной деятельности: представлены подходы от максимально широкой (фактически исключающей какие-либо ограничения) трактовки данного понятия до слишком узкой.

В первом случае следует зафиксировать такой дефект правового регулирования, как неполнота и нарушение принципа правовой определенности, на необходимость соблюдения которого неоднократно указывал Конституционный Суд РФ⁹. При второй, узкой, трактовке субъектного состава инновационной деятельности, исключающей некоммерческих участников, можно было бы говорить о таком аксиологическом дефекте правового регулирования, как несправедливость, но следует отметить, что данный подход не основан на имеющемся правовом регулировании, прямо относящем целый ряд некоммерческих субъектов к числу субъектов научной и научно-технической деятельности.

⁶ СЗ РФ. 2021. № 7. Ст. 1161.

⁷ СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 98.

⁸ Буртовой М. Ю. Административно-правовое регулирование инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 12.

⁹ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 № 1-П // СЗ РФ. 2016. № 4. Ст. 551 ; постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2016 № 2-П // СЗ РФ. 2016. № 5. Ст. 762 ; постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3988.

В связи с вышеупомянутой неопределенностью состава субъектов инновационной деятельности, исследуя модели их взаимодействия, следует рассматривать исключительно субъектов, которые прямо поименованы в качестве субъектов инновационной, научной, научно-технической деятельности на законодательном уровне и (или) указаны в качестве таковых в документах стратегического планирования.

Представляется, что модели кооперации субъектов инновационной деятельности следует рассматривать исходя из этапности инновационного процесса, так как каждый этап характеризуется своими целями и задачами и, соответственно, своим субъектным составом и моделями кооперации участников. Однако следует учитывать, что категория инновационного процесса не находит законодательного закрепления в Российской Федерации, а Модельный закон об инновационной деятельности, принятый в г. Санкт-Петербурге 16 ноября 2006 г. постановлением № 27-16 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ¹⁰, отражает междисциплинарное его понимание.

Целесообразно отметить, что в экономической теории при рассмотрении инновационного процесса делается акцент на трансформации ресурсов и создании добавленной стоимости, выделяются динамический (последовательная смена состояний от идеи к продукту), ресурсный (преобразование знаний, капитала, рассмотрение факторов производства), циклический (четкая этапность) аспекты и аспект ценностной ориентации (создание экономической ценности, капитализация затрат).

Высказываются в экономической теории совершенно различные по степени детализации предложения об определении этапности

инновационного процесса. Так, В. Е. Кирпичев в структуре этапов инновационного цикла, раскрывая ее через контрактные отношения (инновационную кооперацию¹¹), выделил 13 этапов в трех фазах: маркетинговой, инвестиционной и эксплуатационной¹². Указанная этапность не может быть положена в основу правового понимания инновационного процесса.

М. В. Волынкина совершенно справедливо определила инновационную деятельность как «процесс преобразования научного знания в новшество и доведение полученного интеллектуального продукта до рынка в виде последовательно сменяющихся правовых отношений, опосредующих действия, в процессе которых инновация вызревает от идеи до конкретного продукта, технологии или услуги и распространяется на рынке путем ее коммерциализации. Инновационный процесс, в отличие от иных видов деятельности, имеет достаточно необычный правовой механизм. Дело в особом характере инновационной деятельности, являющейся процессом, где один вид отношений сменяется другим, равно как и участники этой деятельности»¹³. Конечно, в этом определении очевиден экономический подход, но исследователем правильно замечено, что инновационный процесс характеризуется на различных этапах разным субъектным составом участников и разными правовыми средствами, в том числе договорными, его обеспечения, что подтверждает уже сделанный вывод о необходимости выделения как договорных, так и внедоговорных (которые на данном этапе предлагается обозначить как организационно-правовые) форм инновационной кооперации.

В литературе можно увидеть различные подходы исследователей к разграничению этапов инновационного процесса на основании разных

¹⁰ Информационный бюллетень / Межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 39 (ч. II). Ст. 371–427.

¹¹ Термин использован в работе: Кирпичев В. Е. Механизмы управления инновационной кооперацией субъектов промышленных кластеров : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2019.

¹² Кирпичев В. Е. Указ. соч. С. 67–68.

¹³ Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (постатейный) / под ред. В. Е. Усанова. М. : Юркомпани, 2012.

критериев. Так, Л. А. Евсеева, фокусируясь на типологии регулирующих правовых норм, предлагает выделить такие стадии инновационного процесса, как 1) создание инновационного продукта (нормы, регулирующие организационные, имущественные и иные отношения в процессе получения и создания инновационного продукта; 2) передача прав на инновацию; 3) реализация инновационного продукта¹⁴. При этом ученым предлагается и иная стадийность инновационного процесса: фундаментальные исследования; прикладные исследования; НИОКТР; внедрение новшеств на производстве; реализация инновационного продукта — доведение его до потребителя¹⁵. Аналогичное разделение по этапам предлагается и в иных источниках¹⁶.

Представляется, что ни один из предложенных вариантов разделения инновационного процесса на этапы не отвечает именно гражданско-правовым аспектам инновационной кооперации. В первом случае речь идет о системе норм — о правовом регулировании отдельных групп общественных отношений, складывающихся на различных этапах жизненного цикла инновационного продукта. Во втором предложен некий симбиоз видов научных исследований, закрепленных в Законе о науке, и экономических ресурсных подходов.

Если понимать инновационный процесс как предусматривающий последовательную смену состояний результата интеллектуальной деятельности от его создания и оформления в качестве объекта гражданских прав через введение в гражданский оборот к коммерциализации с целью достижения экономического эффекта, то целесообразно этапность инновационной деятельности выстраивать исходя из этапов жизненного цикла результатов интеллектуальной деятельности с учетом цели, задач и особенностей данной деятельности.

Для целей установления гражданско-правовых моделей кооперации субъектов иннова-

ционной деятельности предлагается выделить следующие этапы инновационного процесса.

Первый — инициирование — формирование запроса, принятие решения о реализации проекта, определение условий проекта, механизма реализации проекта, в том числе способов инновационной кооперации.

Второй — первоначальная инновационная кооперация, когда реализация проекта связана с необходимостью осуществления кооперации до начала реализации проекта.

Третий — создание инновационного продукта и оформление прав на результат интеллектуальной деятельности.

Четвертый — этап трансфера технологий (начальный этап коммерциализации инновационного продукта).

Пятый — этап промышленного освоения и реализации инновационного продукта (завершающий этап коммерциализации инновационного продукта).

Говоря о моделях кооперации субъектов инновационной деятельности, в первую очередь необходимо отметить их договорное взаимодействие. Каждому этапу инновационной деятельности с учетом его правовой цели присущи свои договорные модели, возможные к применению. Целесообразно рассмотрение в этом качестве договорных моделей, закрепленных в актах стратегического планирования в сфере инновационной деятельности, в Законе о науке и ГК РФ.

Необходимо отметить, что в Концепции технологического развития на период до 2030 г. указано на такие гражданско-правовые договоры, как договор инвестиционного товарищества и соглашение между Правительством РФ и компанией-лидером. Представляется, что заключение первого из этих договоров возможно на первом и втором этапах инновационного процесса, а второго — исключительно на первом.

¹⁴ Евсеева Л. А. Правовое регулирование инновационной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 137.

¹⁵ Евсеева Л. А. Указ. соч. С. 138.

¹⁶ См., например: Правовое обеспечение инновационной кооперации : учеб. пособие. М. : Проспект, 2024. С. 127.

Закон о науке оговаривает возможность заключения научными и образовательными организациями договоров: о совместной научной и/или научно-технической деятельности и/или об экспериментальных разработках; об оказании научных, научно-технических, инженерно-консультационных услуг.

Следует обратить внимание и на договоры в сфере интеллектуальной собственности, поименованные в ГК РФ и возможные к использованию в целях опосредования отношений инновационной кооперации, которые по направленности можно разделить на три группы¹⁷: нацеленные на создание результатов интеллектуальной деятельности, на распоряжение исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности и на использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

При этом из анализа документов стратегического планирования следует, что для каждого этапа инновационного процесса характерны также внедоговорные (организационно-правовые) модели кооперации субъектов инновационной деятельности. Так, в Концепции технологического развития предусмотрены следующие формы взаимодействия, не связанные с созданием юридических лиц: создание инновационного научно-технологического центра как объединения организаций (возможно на первом и втором этапах инновационного процесса); локализация производства — создание производства (реализуется на пятом этапе инновационного процесса); объединение в рамках национальной технологической инициативы представителей бизнеса и экспертных сообществ (на первом этапе инновационного процесса).

К организационно-правовым формам инновационной кооперации, связанным с созданием юридических лиц, которые в зависимости от

формы могут быть реализованы на всех стадиях инновационного процесса, можно отнести предусмотренное актами стратегического планирования в инновационной сфере и Законом о науке создание институтов инновационного развития — специализированных организаций; малых технологических компаний; малых инновационных предприятий; технологического стартапа; технологической компании; хозяйственных партнерств и хозяйственных обществ научными организациями; союзов и ассоциаций.

Можно также отметить и организационно-правовые формы инновационной кооперации, которые связаны с развитием организационной структуры юридических лиц, в частности образование таких структурных подразделений, как передовая инженерная школа; центр компетенций; центр трансфера технологий (характерно в зависимости от формы, для всех, кроме первой, стадий инновационного процесса).

Стратегия научно-технологического развития РФ предписывает создание центров коллективного пользования научно-технологическим оборудованием, а также центров экспериментального производства, инжиниринга, прототипирования, опытного и мелкосерийного производства наукоемкой продукции, испытательных центров и центров сертификации.

Таким образом, исследование показывает необходимость рассмотрения гражданско-правовых моделей инновационной кооперации субъектов инновационной деятельности в системном виде с выделением на первой ступени системы договорных и организационно-правовых форм, а в числе последних — групп моделей: не связанных с созданием юридических лиц; связанных с созданием юридических лиц и связанных с развитием организационной структуры юридических лиц.

¹⁷ См.: Козлова Е. Б. Дефекты правового регулирования договорных отношений в сфере трансфера технологий // *Гражданское и семейное право*. 2024. № 4. С. 47–48.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреев В. К. О структуре правосубъектности юридического лица и формах осуществления совместной деятельности хозяйственных обществ // Журнал российского права. — 2024. — № 3. — С. 56–67.
2. Буртовой М. Ю. Административно-правовое регулирование инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2011. — 32 с.
3. Евсеева Л. А. Правовое регулирование инновационной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005. — 190 с.
4. Кирпичев В. Е. Механизмы управления инновационной кооперацией субъектов промышленных кластеров : дис. ... канд. экон. наук. — СПб., 2019. — 148 с.
5. Козлова Е. Б. Дефекты правового регулирования договорных отношений в сфере трансфера технологий // Цивилист. — 2024. — № 4. — С. 44–53.
6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (постатейный) / под ред. В. Е. Усанова. — М. : Юркомпани, 2012.
7. Правовое обеспечение инновационной кооперации : учеб. пособие. — М. : Проспект, 2024. — 304 с.

Материал поступил в редакцию 18 мая 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreev V. K. O strukture pravosubektnosti yuridicheskogo litsa i formakh osushchestvleniya sovmestnoy deyatel'nosti khozyaystvennykh obshchestv // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2024. — № 3. — S. 56–67.
2. Burtovoy M. Yu. Administrativno-pravovoe regulirovanie innovatsionnoy deyatel'nosti v subektakh Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2011. — 32 s.
3. Evseeva L. A. Pravovoe regulirovanie innovatsionnoy deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2005. — 190 s.
4. Kirpichev V. E. Mekhanizmy upravleniya innovatsionnoy kooperatsiyey subektov promyshlennykh klasterov: dis. ... kand. ekon. nauk. — SPb., 2019. — 148 s.
5. Kozlova E. B. Defekty pravovogo regulirovaniya dogovornykh otnosheniy v sfere transfera tekhnologiy // Tsivilist. — 2024. — № 4. — S. 44–53.
6. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 23 avgusta 1996 g. № 127-FZ «O nauke i gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike» (postateynyy) / pod red. V. E. Usanova. — M.: Yurkompani, 2012.
7. Pravovoe obespechenie innovatsionnoy kooperatsii: ucheb. posobie. — M.: Prospekt, 2024. — 304 s.

Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ: значение риска недостижения результата и обеспечение исполнения обязательств

Аннотация. В статье рассматриваются договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР) как специальная гражданско-правовая форма организации научной и научно-технической деятельности. Обосновывается, что ключевое значение данной договорной конструкции состоит в особом распределении риска недостижения результата. Такой риск не может автоматически рассматриваться как нарушение обязательства исполнителя, если невозможность достижения результата имеет объективный характер. Показано, что обеспечительные конструкции в сфере НИОКР должны применяться с учетом природы научного риска: обеспечению могут подлежать денежные обязательства заказчика и отдельные обязанности исполнителя, но не само достижение научного результата. Отдельное внимание уделяется результатам научной деятельности как возможным объектам оборота и обеспечения. Сделан вывод о необходимости различать охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и иные результаты НИОКР, имеющие самостоятельную имущественную ценность. Такие результаты могут рассматриваться как особая разновидность результатов работ по ст. 128 ГК РФ. Обосновывается необходимость развития законодательства о риске недостижения научного результата и об оборотоспособности результатов НИОКР, не являющихся объектами интеллектуальных прав.

Ключевые слова: договоры на выполнение НИОКР; обеспечительные сделки; обеспечение исполнения обязательств; научно-исследовательские работы; опытно-конструкторские работы; технологические работы; права на результаты интеллектуальной деятельности; технологическое лидерство; научная деятельность; научно-техническая деятельность; риск недостижения ожидаемого научного результата; ответственность исполнителя; клинические исследования; доклинические исследования

Для цитирования: Гринь О. С. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ: значение риска недостижения результата и обеспечение исполнения обязательств // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 88–100. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.088-100

© Гринь О. С., 2026

* Гринь Олег Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125933
osgrin@msal.ru

Contracts for Research, Development and Technological Works: The Implications of the Risk of Non-Achievement of the Intended Result and the Means of Securing the Performance of Obligations

Oleg S. Grin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Center for Monitoring Legislation and Law Enforcement, Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
osgrin@msal.ru

Abstract. The paper examines contracts for the performance of research, development and technological work as a special civil law form of organizing scientific and scientific-technical activities. It is substantiated that the key significance of this contractual structure lies in the special distribution of the risk of non-achievement of the result. Such a risk cannot be automatically considered as a breach of the contractor's obligation if the impossibility of achieving the result is of an objective nature. It is shown that security structures in the field of research and development (R&D) should be applied taking into account the nature of scientific risk: the monetary obligations of the customer and individual obligations of the contractor may be subject to security, but not the achievement of the scientific result itself. Particular attention is given to the results of scientific activity as possible objects of transactions and supply. It is concluded that there is a need to distinguish between protected intellectual products and other results of R&D that have independent property value. Such results can be considered as a special type of work results under Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation. The need to develop legislation on the risk of non-achievement of a scientific result and on the transferability of R&D results that are not objects of intellectual property rights is substantiated.

Keywords: R&D contracts; security transactions; security for the fulfillment of obligations; research and development work; experimental design work; technological work; rights to intellectual products; technological leadership; scientific activity; scientific and technical activity; risk of non-achievement of intended results; contractor's liability; clinical trials; preclinical trials

Cite as: Grin OS. Contracts for Research, Development and Technological Works: The Implications of the Risk of Non-Achievement of the Intended Result and the Means of Securing the Performance of Obligations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(9):88-100. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.088-100

Введение

Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (НИОКР) занимают особое место в системе гражданско-правовых обязательств, поскольку оформляют не обычный процесс создания и передачи имущественного блага, а осуществление научной и научно-технической деятельности, изначально сопряженной с объективной неопределенностью ее итогов. В рамках таких договоров исполнитель принимает на себя обязанность действовать в соответствии с заданием заказчика, однако сама природа

соответствующей деятельности не позволяет автоматически переносить на нее классическую модель обязательства, ориентированного на гарантированное достижение заранее заданного результата. Именно этим объясняется специфика содержания обязательств сторон, правил о риске недостижения результата, а также особенности ответственности по данному договору.

В современных условиях научно-технологического развития и курса на достижение национальной цели технологического лидерства¹ значение договоров НИОКР заметно возрастает. Они выступают одной из базовых частноправовых форм организации исследований и

---

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

разработок, обеспечивая связь между наукой, производством и внедрением новых решений в хозяйственный оборот. Вместе с тем потенциал данной договорной конструкции не исчерпывается ее собственным нормативным содержанием. В закреплённой в гл. 38 ГК РФ модели распределения риска учитывается объективная возможность недостижения ожидаемого результата при добросовестном исполнении — этот подход представляет интерес не только в рамках договоров НИОКР, но и применительно к иным правовым формам финансирования научной деятельности.

При этом особая регламентация отношений из договоров НИОКР не может рассматриваться изолированно от вопросов обеспечения исполнения возникающих из них обязательств. Творческий характер деятельности исполнителя, особое распределение рисков, а также специфика прав на результаты научной деятельности требуют самостоятельной постановки вопроса о допустимости и пределах использования в данной сфере классических гражданско-правовых обеспечительных конструкций. Наиболее сложной в этом отношении является проблема определения тех результатов научной деятельности и тех прав на них, которые могут выступать объектами обеспечения. С учетом этого в настоящей статье договоры НИОКР рассматриваются не только как специальная модель распределения научного риска, но и как сфера, в которой проявляется специфика способов обеспечения исполнения обязательств.

Договоры НИОКР и другие формы финансирования научной деятельности

Научные исследования и разработки в современной правовой системе осуществляются в нескольких юридических формах. Наряду с гражданско-правовыми договорами в этой сфере используются механизмы бюджетного финансирования, прежде всего государственное задание, правила формирования и финан-

сового обеспечения которого закреплены в ст. 69.2 БК РФ, а также субсидии, предоставляемые по правилам ст. 78.1 БК РФ. Кроме того, в положениях Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»² (далее — Закон о науке) отражена идея о самостоятельном значении грантов как особой формы финансирования научных, научно-технических и инновационных проектов.

В этом контексте специфика договоров на выполнение НИОКР определяется не только предметом, но и самой природой подлежащей осуществлению деятельности. В рамках договора на выполнение научно-исследовательских работ исполнитель обязуется провести обусловленные техническим заданием заказчика научные исследования, тогда как по договору на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ он обязан разработать образец нового изделия, новую технологию, а также техническую и (или) конструкторскую документацию на них. Однако решающее значение имеет не само это разграничение, а закреплённое в п. 3 ст. 769 ГК РФ правило, согласно которому риск случайной невозможности исполнения таких договоров по общему правилу несет заказчик. Именно это позволяет рассматривать договоры НИОКР как специальную гражданско-правовую модель распределения научного риска.

Иные правовые формы финансирования науки такой модели в явном виде не содержат. Так, грант, в силу ст. 2 Закона о науке, представляет собой денежные и иные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно на осуществление конкретных научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов и проведение конкретных научных исследований на условиях, определенных грантодателем. Уже это показывает, что грантовая конструкция строится не по модели встречного имущественного предоставления, характерного для договора НИОКР. Хотя в доктрине и правоприменении высказывается точка зрения, согласно которой грантовый договор следует рассматривать как разновидность по-

² Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

жертвования³, полное их отождествление вряд ли оправданно. Существенное различие состоит в признаке безвозвратности гранта: в отличие от пожертвования, предмет которого в предусмотренных законом случаях может быть истребован обратно (п. 5 ст. 582 ГК РФ), грантовая модель изначально строится на ином правовом основании.

Государственное задание и бюджетные субсидии в рамках бюджетного законодательства предполагают достижение ряда формальных показателей, идея объективного риска недостижения результата научной деятельности в бюджетном законодательстве не отражена. Такой подход обусловлен главным образом необходимостью соблюдения принципа эффективного использования бюджетных средств (ст. 34 БК РФ), но специфику научной деятельности такой подход не отражает.

Поэтому договоры НИОКР могут рассматриваться как нормативная модель, в которой законодатель адаптирует содержание обязательства к объективной неопределенности научного поиска. В таких условиях положения гл. 38 ГК РФ представляют интерес не только для квалификации собственно договоров НИОКР, но и для более широкой постановки вопроса о допустимости распространения идеи риска недостижения результата на иные правовые формы финансирования науки.

Юридическая природа и содержание обязательств сторон

Юридическая специфика договоров НИОКР определяется прежде всего тем, что они, как отмечалось выше, опосредуют осуществление

научной либо научно-технической деятельности, объективно обусловленной неопределенностью ее итогов. По этой причине содержание обязательства исполнителя не может определяться по модели гарантированного достижения заранее заданного полезного эффекта. Пункт 3 ст. 769 ГК РФ прямо возлагает риск случайной невозможности исполнения на заказчика, а это означает, что законодатель исходит из допустимости ситуации, при которой ожидаемый результат может не быть достигнут при отсутствии нарушения со стороны исполнителя. Именно в этом состоит ключевое отличие договоров НИОКР от классического подряда и иных договоров, ориентированных на получение обычного товарного результата. Указанная особенность позволяет квалифицировать данный договор как **алеаторный**⁴. Правило о возложении риска случайной невозможности исполнения на заказчика означает, что эти договорные отношения относятся к категории обязательств по приложению усилий (*obligation de moyens*), а не обязательств по достижению результата (*obligation de résultat*)⁵.

Результат таких работ может быть как материальным, так и нематериальным. Кроме того, такой результат часто связан с созданием охраняемых результатов интеллектуальной деятельности либо с возникновением значимых, но не всегда охраняемых по правилам части четвертой ГК РФ научных результатов.

В правоприменительном контексте вопрос определения такого результата является решающим для квалификации соответствующего договорного отношения.

Одно из ключевых различий в квалификации было исходно сделано на уровне Высшего Арбитражного Суда РФ применительно к раз-

³ См., например: Кумаритова А. А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2008. № 7 ; письмо Пенсионного фонда РФ от 27.05.1999 № ЕВ-16-26/4987 «О применении Федерального закона от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Белоусов В. Н. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 11. С. 91–95.

⁵ См.: Акифьева А. А. Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // Вестник гражданского права. 2015. № 3. С. 237–278.

граничению предметов договора на выполнение опытно-конструкторских работ и договора поставки. Так, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.07.2012 № 2296/12 было подчеркнуто, что договор поставки предполагает передачу вещи, не обладающей индивидуальными особенностями, тогда как по договору на выполнение опытно-конструкторских работ разрабатывается образец нового изделия в соответствии с техническим заданием заказчика. Соответственно, создание индивидуализированного, несерийного результата, приспособленного к потребностям конкретного заказчика, свидетельствует в пользу квалификации договора как договора на выполнение опытно-конструкторских работ, даже если стороны использовали иное наименование. Данная позиция нашла развитие в актуальной практике Верховного Суда РФ, где указывается, что ключевым критерием для разграничения является наличие индивидуально-определенных характеристик изделия, разрабатываемого по техническому заданию заказчика⁶.

Структура обязанностей сторон по договору НИОКР также подтверждает особый характер данной договорной модели. Исполнитель обязан выполнить работы в соответствии с техническим заданием и в установленный срок, согласовывать использование охраняемых результатов интеллектуальной деятельности третьих лиц, устранять допущенные по его вине недостатки, незамедлительно информировать заказчика об обнаруженной невозможности получить ожидаемые результаты или о нецелесообразности продолжения работ и гарантировать, что передаваемые результаты не нарушают исключительных прав других лиц. Заказчик, в свою очередь, обязан передать исполнителю необходимую для выполнения работ информацию, принять результат и оплатить его. Специальное значение в этой конструкции имеют правила о привлечении третьих лиц: при научно-исследовательских работах исполнитель обязан проводить исследования лично и вправе привлекать иных лиц только с согласия заказчика, тогда как по опытно-конструкторским и технологическим

работам привлечение третьих лиц допускается по общему правилу, если иное не предусмотрено договором.

Важнейшее значение в структуре договорных связей в сфере НИОКР имеют режим конфиденциальности и правила о правах на результаты работ. В силу ст. 771 ГК РФ стороны обязаны обеспечивать конфиденциальность сведений о предмете договора, ходе его исполнения и полученных результатах, а статья 772 ГК РФ прямо относит вопрос об использовании результатов к условиям договора. Если в ходе выполнения работ создаются охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, их правовой режим определяется нормами части четвертой ГК РФ, в том числе статьями 1297, 1371 и 1462; для результатов, созданных по государственным и муниципальным контрактам, действует специальное регулирование в рамках ст. 1240.1 ГК РФ.

Следовательно, уже на уровне содержания обязательств сторон договор НИОКР выходит за рамки обычной модели обязательства по предоставлению имущественной ценности и требует согласования вопросов научного риска, конфиденциальности, приемки результата и распределения прав на создаваемые объекты.

Обеспечение исполнения обязательств по договорам НИОКР. Результаты НИОКР как возможные объекты обеспечения

В контексте рассмотрения особенностей применения обеспечительных сделок в сфере договоров НИОКР необходимо различать две ситуации: обеспечение исполнения собственно обязательств, возникающих из договоров НИОКР, и возможность использования в качестве предмета обеспечения результатов, получаемых по таким договорам.

Специфика договоров НИОКР существенно влияет на допустимые пределы использования обеспечительных конструкций. Классическая задача обеспечения состоит в создании для кредитора дополнительных имущественных гарантий на случай неисполнения или ненад-

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2021 № 305-ЭС20-15089 // СПС «КонсультантПлюс».

лежащего исполнения обязательства. В сфере НИОКР эта задача не может решаться без учета того, что риск случайной невозможности исполнения и риск недостижения ожидаемого научного результата по общему правилу уже перераспределены законом в пользу исполнителя.

В отношении обеспечения исполнения обязанностей заказчика возможности использования способов обеспечения более обширны: денежная обязанность по оплате работ, а равно связанные с ней обязанности по авансированию, возмещению издержек, оплате фактически выполненной части работ, вполне допускают использование поручительства, независимой гарантии, обеспечительного платежа, залога имущества и др. Здесь не возникает конфликта с идеей научного риска, поскольку объектом обеспечения выступает не достижение исследовательского результата, а исполнение обычного денежного обязательства. Иная ситуация складывается на стороне исполнителя. На наш взгляд, обеспечению могут подлежать его обязанности по соблюдению сроков, передаче документации и отчетности, соблюдению конфиденциальности, уведомлению о невозможности продолжения работ, устранению виновно допущенных недостатков, обеспечению правовой чистоты получаемых результатов, но не само по себе обещание достижения определенного научного результата там, где законом допускается, что он может быть не достигнут по объективным причинам.

Недостижение научного результата не может быть квалифицировано как нарушение обязательства, поэтому классические обеспечительные сделки, сущность которых связана с созданием дополнительных гарантий именно на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, не вполне применимы в ситуации недостижения результата по объективным причинам. В данной ситуации более уместны механизмы создания гарантий интересов кредитора, формально не привязанные к нарушению обязательства, в частности возмещение потерь (ст. 406.1 ГК РФ) и страхование. При этом необходимо отметить, что

независимая гарантия как способ обеспечения формально не связана только с нарушением обязательства — в гарантии подлежат указанию *обстоятельства*, при наступлении которых должна быть выплачена соответствующая сумма (п. 4 ст. 368 ГК РФ).

Наиболее сложный вопрос связан с возможностью использования в обеспечительных целях самих результатов научной деятельности. Общие положения о залоге допускают залог всякого имущества, включая имущественные права, если законом не установлен запрет на их отчуждение или обращение взыскания.

В сфере интеллектуальных прав эта логика конкретизирована в ст. 358.18 ГК РФ и в разъяснениях Верховного Суда РФ: исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации может быть предметом залога в отличие от неимущественных прав. Более того, Верховный Суд прямо исходит из допустимости залога не только уже существующего, но и будущего исключительного права, которое возникнет у правообладателя или перейдет к нему в будущем, при условии достаточной индивидуализации предмета залога⁷.

Залог исключительного права в сфере НИОКР обладает собственной функциональной спецификой. По общему правилу залогодатель сохраняет возможность использовать соответствующий результат интеллектуальной деятельности и распоряжаться исключительным правом, за исключением его отчуждения без согласия залогодержателя; договором могут быть установлены ограничения, в том числе запрет на заключение лицензионных договоров. Это означает, что залог исключительного права способен сочетать две задачи: с одной стороны, он создает для кредитора имущественную гарантию, а с другой — предоставляет исполнителю возможность дальнейшего использования результата. Для инновационной сферы это особенно важно, поскольку ценность прав на результаты интеллектуальной деятельности нередко раскрывается именно в процессе даль-

⁷ П. 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

нейшего использования, внедрения, а не в их немедленном отчуждении.

Залог исключительных прав, особенно на те результаты, которые созданы в ходе научной и научно-технической деятельности, — очень перспективная конструкция. По данным отчета Роспатента за 2025 г., рынок залога интеллектуальных прав в России находится на стадии активного формирования: наблюдается рост практики кредитования под залог интеллектуальных прав. В 2023 г. объем таких кредитов составлял 156 млн руб., в 2024 г. он достиг 667 млн руб., в 2025 г. — 784 млн руб. Таким образом, за два года объем увеличился более чем в пять раз⁸.

Распространение данной конструкции является важным направлением правового обеспечения достижения технологического лидерства. При этом для создания нормативных условий его развития в коммерческом секторе нужно преодоление ряда барьеров⁹.

Вместе с тем не всякий результат научной или научно-технической деятельности может выступать объектом обеспечения именно как результат интеллектуальной деятельности.

К результатам научных исследований, которые не являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, но могут иметь самостоятельную имущественную ценность, могут быть отнесены, в частности, первичные и обработанные исследовательские данные, массивы экспериментальных измерений, результаты лабораторных, доклинических, клинических, токсикологических и иных испытаний, отрицательные научные результаты, подтверждающие неэффективность, токсичность, невозпроизводимость или технологическую непригодность исследуемого решения, промежуточные результаты отдельных этапов научно-исследователь-

ских работ, протоколы экспериментов, методики исследования и валидации, технические отчеты, аналитические заключения, технологические рекомендации, результаты подбора условий эксперимента, данные о стабильности, безопасности, эффективности и воспроизводимости технологии, техническая, конструкторская, технологическая и регистрационная документация, материалы для последующего допуска продукта на рынок, а также результаты адаптации научного решения к конкретной производственной, медицинской или иной прикладной задаче.

Такие объекты не отвечают критериям охраняемого результата интеллектуальной деятельности, поэтому не образуют объекта исключительного права, которое можно было бы передать в залог. Идею о том, что результаты НИОКР не всегда являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, можно считать консенсусной. Подтверждения этого вывода следуют из буквального толкования нормативных правовых актов. Так, в ст. 2 Закона о науке понятие научного и (или) научно-технического результата закреплено как более широкое по отношению к категории «результат интеллектуальной деятельности». Помимо этого, в федеральном стандарте бухгалтерского учета ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения» предусмотрены возможность учета объекта нематериальных активов в результате выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ и квалификация фактических затрат на создание такого объекта как капитальных вложений¹⁰.

Вместе с тем в ряде случаев на практике вопросы использования таких объектов всё равно решаются через инструменты права интеллектуальной собственности, в частности, использо-

⁸ См.: Годовой отчет Роспатента за 2025 г. // Роспатент : официальный сайт. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports> (дата обращения: 10.05.2026).

⁹ См.: Новоселова Л. А., Гринь О. С. Реализация интеллектуальных прав в качестве предмета залога (процедурные аспекты) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 64–82 ; Рузакова О. А. Проблемы кредитования под залог интеллектуальных прав // Банковское право. 2024. № 3. С. 72–78.

¹⁰ Приказ Минфина России от 17.09.2020 № 204н «Об утверждении Федеральных стандартов бухгалтерского учета ФСБУ 6/2020 «Основные средства» и ФСБУ 26/2020 «Капитальные вложения»» (зарегистрирован в Минюсте России 15.10.2020 № 60399) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 16.10.2020.

вание конструкторской документации оформляется посредством лицензионных договоров¹¹.

Это обусловлено отсутствием непротиворечивого ответа на вопрос о квалификации таких объектов в системе объектов гражданских прав. От такого ответа зависит не только теоретическая конструкция, но и прикладные последствия — появляется ли здесь обособленный объект, который может поступать в оборот, в том числе быть предметом обеспечения.

Формальный ответ следует из ст. 128 ГК РФ, где используется классическая категория объектов гражданских прав — «результаты работ».

Вместе с тем вопрос об оборотоспособности (включая способность выступать в качестве предмета обеспечения) тех результатов научной деятельности, которые не являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, в настоящее время единообразно не решен.

В науке предлагаются решения данного вопроса через поиск места информации в системе объектов гражданских прав¹², в том числе информации, являющейся результатом прикладных научных исследований в сфере генетических технологий¹³.

Исключение информации из числа объектов гражданских прав в 2006 г. продолжает порождать различные затруднения в построении цивилистических моделей отношений по поводу такой информации, которые не могут

быть сведены к квалификации оказания услуг по предоставлению информации по соответствующему договору (ст. 783.1 ГК РФ).

В то же время анализ зарубежного опыта показывает, что результаты научных исследований, не являющиеся объектами интеллектуальных прав, не остаются вне специального правового режима. В ряде директив Европейского Союза устанавливается обособленный режим таких данных¹⁴. В законодательстве зарубежных государств предусмотрены, в частности, особенности доступа к таким результатам, если они финансируются за счет публичных средств. Так, во Французском кодексе научных исследований 2016 г. (*Code de la recherche*) закреплено, что данные, полученные в результате исследовательской деятельности, финансируемой не менее чем наполовину публичными средствами, при отсутствии специальной правовой охраны или особого регулирования и после их обнаружения могут свободно повторно использоваться¹⁵. В США в Федеральном положении о закупках 1984 г. используется категория *technical data* как информация научного или технического характера, в отношении которой определяются правомочия на использование, раскрытие, воспроизведение, распространение и передачу. Это не режим исключительного права, а договорная модель оборота научно-технической информации, созданной при выполнении работ¹⁶. Так, в

¹¹ См.: п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2016) ; постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.03.2026 по делу № А40-156148/2025 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.09.2023 по делу № А40-4088/23-72-33 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Кресс В. В. Информация как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 19 (5). С. 30–40.

¹³ См.: Кубышкин А. В. Обращение семейных генетических и геномных данных: международно-правовой аспект // *Lex russica*. 2024. № 77 (12). С. 84–93 ; Мурзин Д. В. Генетический материал как объект гражданских прав: вещь или информация? // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. С. 11–18 ; Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // *Lex russica*. 2019. № 6. С. 110–121.

¹⁴ Регламент ЕС от 13.12.2023 2023/2854 о справедливом доступе к данным и их использовании (*Data Act*), Директива ЕС от 20.06.2019 2019/1024 об открытых данных и повторном использовании информации публичного сектора // *EUR Lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁵ *Code de la recherche*. Art. L533-4 // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁶ *Federal Acquisition Regulation FAR 52.227-14 «Rights in Data — General»* // URL: <https://www.acquisition.gov/far/52.227-14> (дата обращения: 10.05.2026).

сфере биомедицинских исследований аналогичный подход проявляется в политике национальных институтов здравоохранения о предоставлении доступа к таким научным данным¹⁷.

В данном контексте важно отметить, что особое практическое значение имеет охрана результатов капиталоемких исследований в области фармацевтики — доклинических исследований лекарственных средств и клинических исследований лекарственных препаратов для медицинского применения.

По действующему законодательству об обращении лекарственных средств информация о результатах таких исследований не может использоваться в коммерческих целях без согласия заявителя в течение шести лет (ч. 5.3 ст. 13 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»¹⁸).

В законодательстве о биомедицинских клеточных продуктах прямо используется формула «организация, обладающая правами на результаты доклинических исследований... клинических исследований... и (или) на технологию производства» (ст. 9 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»¹⁹).

Помимо прямых законодательных решений автономная квалификация прав на результаты таких исследований имеет правоприменительное значение. В ряде дел суды рассматривали вопросы об особой правовой охране результатов данных доклинических и клинических исследований²⁰. При этом критерием для правовой охраны ожидаемо выступила публичность информации (применительно к опубликованию

части данных в научной статье). Такой подход во многом обусловлен тем, что действующее законодательство о результатах работ, выполненных по договорам НИОКР, исходит из важности режима конфиденциальности соответствующих сведений (ст. 771 ГК РФ). При этом конфиденциальность не выступает законодательным критерием квалификации результатов НИОКР как особых объектов правовой охраны — такая регламентация в действующем законодательстве отсутствует.

На международном уровне закреплена обязанность государств защищать закрытые данные об испытаниях или другие сведения, предоставление которых необходимо для допуска фармацевтических продуктов на рынок и создание которых требует значительных усилий, от недобросовестного коммерческого использования (ч. 3 ст. 39 Соглашения ТРИПС²¹).

В развитие этого положения в различных правовых порядках можно найти нормы, устанавливающие специальный правовой режим для соответствующих данных. В частности, в Великобритании применяется модель *informed consent application*: держатель регистрационного удостоверения может разрешить другому заявителю использовать его фармацевтическую, доклиническую и клиническую документацию для получения регистрационного удостоверения²².

Для российского права из этого следует самостоятельный вывод. Результаты НИОКР, не являющиеся охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, не должны искусственно включаться в систему интеллектуальных прав. Нормативная модель, содержащаяся в

¹⁷ NIH Data Management and Sharing Policy Overview // URL: <https://grants.nih.gov/policy-and-compliance/policy-topics/sharing-policies/dms/policy-overview> (дата обращения: 10.05.2026).

¹⁸ СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

¹⁹ СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3849.

²⁰ См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.03.2017 № C01-882/2015 по делу № А40-188378/2014 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.09.2023 № Ф05-21974/2023 по делу № А40-202954/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (г. Марракеш, 15 апреля 1994 г.) // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2818–2849.

²² Types of application for marketing authorisations (legal basis of applications) / Medicines and Healthcare products Regulatory Agency. Regulation 56 «Informed Consent» // URL: <https://www.gov.uk/guidance/types-of-application-legal-basis> (дата обращения: 10.05.2026).

ст. 772 ГК РФ, допускает включение результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в оборот как особого объекта по ст. 128 ГК РФ — *результатов работ*, в том числе предоставление таких результатов в качестве предмета обеспечения.

Для целей создания нормативных условий развития данной правовой конструкции в законе может быть конкретизировано, что право использования результатов работ включает возможность их отчуждения или перехода от одного лица к другому.

Вместе с тем построение эффективной и непротиворечивой системы прав на такого рода объекты требует решения в будущих научных исследованиях по данной проблеме более глобального вопроса о возможности построения и признания системы особых абсолютных прав на такие объекты. Это обусловлено тем, что сами нематериальные результаты традиционно не выступают объектами имущественного оборота: в сфере интеллектуальной собственности в обороте находится соответствующее исключительное право, а применительно к нематериальным благам право вовсе исходит лишь из построения отношений по их абсолютной защите.

Распределение рисков как элемент обеспечения интересов исполнителя и ответственность. Риск недостижения результата за пределами гл. 38 ГК РФ

Специальный режим договоров НИОКР проявляется не только в особенностях их предмета, но и в особом распределении риска между сторонами. В главе 38 ГК РФ закреплён подход, согласно которому риск случайной невозможности исполнения таких договоров по общему правилу не возлагается на исполнителя. Более того, в законе дифференцируются последствия недостижения результата в зависимости от вида работ: при научно-исследовательских работах заказчик обязан оплатить стоимость работ, выполненных до выявления невозможности получить предусмотренный договором результат,

а при опытно-конструкторских и технологических — возместить понесенные исполнителем затраты. Тем самым риск научной или технологической неудачи превращается в самостоятельный элемент защиты интересов исполнителя: право учитывает ценность добросовестно осуществленного исследовательского процесса даже тогда, когда он не привел к ожидаемому итогу.

Именно поэтому недопустимо формально ссылаться на алеаторный характер договоров НИОКР как на универсальное основание освобождения исполнителя от любой неблагоприятной правовой оценки. В практике Верховного Суда РФ отмечается, что ссылка на п. 3 ст. 769 ГК РФ не подменяет необходимость установить фактическую невозможность исполнения. Суд подчеркнул: вопрос о понуждении к исполнению в натуре должен решаться с учетом существа обязательства и исследования обстоятельств дела; при этом в рассматриваемом споре материалы не содержали доказательств невозможности исполнения, а нижестоящие суды не дали надлежащей оценки вопросу о наличии либо об отсутствии такой возможности²³. Следовательно, специальное распределение научного риска защищает исполнителя лишь в той мере, в какой недостижение результата действительно имеет объективный характер.

Особенности ответственности исполнителя также подчинены этой логике. В статье 777 ГК РФ реализована идея ограниченного характера его ответственности: по общему правилу подлежат возмещению убытки в пределах стоимости работ, в которых выявлены недостатки, а упущенная выгода взыскивается лишь тогда, когда это специально предусмотрено договором. Тем самым законодатель учитывает повышенную неопределенность научной и научно-технической деятельности. Вместе с тем в сфере государственных и муниципальных контрактов к этой конструкции добавляются публично-правовые элементы: по законодательству о закупках требуется включение в контракт условий о неустойке за просрочку и ненадлежащее испол-

²³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.09.2022 № 307-ЭС22-4418 по делу № А56-12118/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

нение, а сведения о поставщиках, подрядчиках и исполнителях, не исполнивших или ненадлежащим образом исполнивших обязательства по контракту, подлежат включению в реестр недобросовестных поставщиков.

Значение рассматриваемой правовой модели выходит за пределы собственно гл. 38 ГК РФ. В Законе о науке содержится определение грантов как денежных и иных средств, передаваемых безвозмездно и безвозвратно на осуществление конкретных научных, научно-технических и инновационных проектов, а в бюджетном законодательстве предусмотрена возможность предоставления грантов в форме субсидий. Вместе с тем действующие правила предоставления таких грантов нередко устанавливают результат предоставления гранта и соответствующие показатели, а в отдельных случаях прямо предусматривают возврат средств при недостижении согласованных значений результата. Во многих бюджетных механизмах это фактически приближает финансирование науки к модели, ориентированной на внешний, измеримый результат, а не на юридически признанную допустимость добросовестной научной неудачи.

На наш взгляд, именно здесь обнаруживается предел действующей конструкции финансирования науки. Если законодатель уже признал в договорах НИОКР, что научная деятельность по своей природе связана с объективным риском недостижения результата, то игнорирование этой предпосылки в модели предоставления обычного гранта либо гранта в форме субсидии приводит к методологической непоследовательности.

Безусловно, речь не идет о полном освобождении получателя гранта или субсидии от обязанностей по целевому использованию средств, отчетности и добросовестной организации исследования. Однако сама по себе недостижимость заранее предполагаемого научного эффекта не должна автоматически приравниваться к ненадлежащему исполнению. Иначе в публичном финансировании науки сохраняется, по сути, подрядная логика, которая не согласуется с объективной неопределенностью исследовательского процесса. Следовательно,

идея распределения риска, закрепленная в гл. 38 ГК РФ, обладает потенциалом для более широкого распространения, прежде всего на те формы бюджетного финансирования научной деятельности, где сегодня результативность всё еще преимущественно определяется по модели подряда. Поэтому на уровне Закона о науке и в бюджетном законодательстве должны содержаться специальные правила, связанные с регламентацией риска недостижения результата научной или научно-технической работы.

Заключение

Специфика договоров на выполнение НИОКР связана не только с предметом работ, но и с риском недостижения результата. Научная и научно-техническая деятельность объективно не всегда приводит к ожидаемому итогу. Поэтому обязанность исполнителя не может пониматься как безусловная гарантия получения результата. При этом риск недостижения результата не исключает ответственности исполнителя. Он обязан действовать добросовестно, соблюдать техническое задание, сроки, режим конфиденциальности, правила отчетности и требования к правовой чистоте передаваемых результатов. Ответственность наступает не за саму научную неудачу, а за нарушение обязанностей исполнителя.

Обеспечение обязательств по договорам НИОКР также требует дифференцированного подхода. Поскольку добросовестное недостижение научного результата не может быть квалифицировано как нарушение обязательства, классические обеспечительные сделки (за исключением независимой гарантии) неприменимы для создания кредитору гарантий на этот случай. В данной ситуации уместны, в частности, механизмы возмещения потерь по ст. 406.1 ГК РФ (если обязательство связано с осуществлением предпринимательской деятельности) и страхования.

Отдельного решения требует правовой режим результатов НИОКР, которые не являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности. Такие объекты имеют само-

стоятельное значение как результаты работ по смыслу ст. 128 ГК РФ. Их ценность состоит в возможности самостоятельного использования в научной, технологической, регуляторной и коммерческой деятельности. Поэтому законодательно должен быть решен вопрос об условиях их оборотоспособности, включая возможность перехода прав на такие результаты, их использования и применения в обеспечительных целях.

Таким образом, развитие законодательства о НИОКР должно идти по двум направлениям: 1) закрепления более ясных правил о риске недостижения научного результата, в том числе за пределами гл. 38 ГК РФ; 2) формирования правового режима результатов НИОКР, которые не являются результатами интеллектуальной деятельности, но имеют самостоятельную имущественную ценность и могут участвовать в гражданском обороте.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акифьева А. А. Развитие теории о делении обязательств на обязательства по приложению усилий и достижению результата во французской доктрине гражданского права // Вестник гражданского права. — 2015. — № 3. — С. 237–278.
2. Белоусов В. Н. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 11. — С. 91–95.
3. Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex russica. — 2019. — № 6. — С. 110–121.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья : Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М. : Статут, 2002.
5. Кресс В. В. Информация как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 19 (5). — С. 30–40.
6. Кубышкин А. В. Обращение семейных генетических и геномных данных: международно-правовой аспект // Lex russica. — 2024. — № 77 (12). — С. 84–93.
7. Кумаритова А. А. Государственные и муниципальные гранты: возникновение, становление и перспективы развития в российском гражданском праве // Журнал российского права. — 2008. — № 7.
8. Мурзин Д. В. Генетический материал как объект гражданских прав: вещь или информация? // Российское право: образование, практика, наука. — 2024. — № 3. — С. 11–18.
9. Новоселова Л. А., Гринь О. С. Реализация интеллектуальных прав в качестве предмета залога (процедурные аспекты) // Вестник гражданского процесса. — 2020. — № 5. — С. 64–82.
10. Право интеллектуальной собственности. Т. 1 : Общие положения : учебник / под ред. Л. А. Новоселовой. — М. : Статут, 2017.
11. Рузакова О. А. Проблемы кредитования под залог интеллектуальных прав // Банковское право. — 2024. — № 3. — С. 72–78.

Материал поступил в редакцию 25 июня 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akifeva A. A. Razvitie teorii o delenii obyazatelstv na obyazatelstva po prilozheniyu usilий i dostizheniyu rezultata vo frantsuzskoy doktrine grazhdanskogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2015. — № 3. — S. 237–278.
2. Belousov V. N. Dogovory na vypolnenie nauchno-issledovatel'skikh, opytно-konstruktor'skikh i tekhnologicheskikh rabot // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2019. — № 11. — S. 91–95.

3. Boltanova E. S., Imekova M. P. Geneticheskaya informatsiya v sisteme obektov grazhdanskikh prav // Lex russica. — 2019. — № 6. — S. 110–121.
4. Braginskiy M. I., Vitryanskiy V. V. Dogovornoe pravo. Kniga tretya: Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug. — M.: Statut, 2002.
5. Kress V. V. Informatsiya kak obekt grazhdanskikh prav // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2024. — № 19 (5). — S. 30–40.
6. Kubyshkin A. V. Obrashchenie semeynykh geneticheskikh i genomnykh dannyykh: mezhdunarodno-pravovoy aspekt // Lex russica. — 2024. — № 77 (12). — S. 84–93.
7. Kumaritova A. A. Gosudarstvennye i munitsipalnye granty: vzniknovenie, stanovlenie i perspektivy razvitiya v rossiyskom grazhdanskom prave // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2008. — № 7.
8. Murzin D. V. Geneticheskiy material kak obekt grazhdanskikh prav: veshch ili informatsiya? // Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. — 2024. — № 3. — S. 11–18.
9. Novoselova L. A., Grin O. S. Realizatsiya intellektualnykh prav v kachestve predmeta zaloga (protsedurnye aspekty) // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2020. — № 5. — S. 64–82.
10. Pravo intellektualnoy sobstvennosti. T. 1: Obshchie polozheniya: uchebnik / pod red. L. A. Novoselovoy. — M.: Statut, 2017.
11. Ruzakova O. A. Problemy kreditovaniya pod zalog intellektualnykh prav // Bankovskoe pravo. — 2024. — № 3. — S. 72–78.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.101-109

А. Л. Благодарир,^{*}
Ф. О. Дзгоева^{**}

Пособие по временной нетрудоспособности в России и Казахстане: сравнительно-правовое исследование

Аннотация. В статье с учетом Рекомендации № 202 Международной организации труда и Конвенции № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» рассмотрены особенности обеспечения пособием по временной нетрудоспособности в России и Казахстане. Выявлены как сходные положения в законодательстве обоих государств, так и различия, обусловленные уровнем участия государства и работодателя в системе социального обеспечения граждан. Особое внимание уделено различиям в механизмах финансирования пособия, определении условий его назначения и размера, продолжительности выплаты. При назначении пособия по временной нетрудоспособности Россия руководствуется страховыми принципами, тогда как Казахстан осуществляет обеспечение пособиями по временной нетрудоспособности через механизм ответственности работодателя. Исследование подчеркивает важность адаптации правового регулирования обеспечения пособием по временной нетрудоспособности к национальным особенностям и финансовым возможностям стран, а также необходимость гармонизации законодательства для эффективной поддержки работающего населения.

Ключевые слова: пособие по временной нетрудоспособности; национальное законодательство; Россия; Казахстан; социальное обеспечение; социальное страхование; минимальные нормы социального обеспечения; листок нетрудоспособности; Конвенция МОТ № 102; Рекомендация МОТ № 202

Для цитирования: Благодарир А. Л., Дзгоева Ф. О. Пособие по временной нетрудоспособности в России и Казахстане: сравнительно-правовое исследование // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 101–109. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.101-109

© Благодарир А. Л., Дзгоева Ф. О., 2026

^{*} Благодарир Алла Леонтьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения имени К.Н. Гусова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
alblagodir@msal.ru

^{**} Дзгоева Фатима Олеговна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель руководителя департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Большой Трёхсвятительский пер., д. 3, г. Москва, Российская Федерация, 109028
fsuleymanova@hse.ru

Temporary Disability Benefits in Russia and Kazakhstan: A Comparative Legal Study

Alla L. Blagodir, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Labor Law and Social Security Law named after K.N. Gusov, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
alblagodir@msal.ru

Fatima O. Dzgoeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Public Law, HSE University, Moscow, Russian Federation
fsuleymanova@hse.ru

Abstract. The paper examines the specifics of providing temporary disability benefits in Russia and Kazakhstan, taking into account ILO Recommendation No. 202 and Convention No. 102 «On Minimum Standards of Social Security». The study identifies both common provisions in the legislation of the two countries and differences stemming from the varying levels of involvement of the state and employers in the social security system. Particular attention is given to the differences in the mechanisms for financing the benefit, as well as in determining the conditions for its granting, its amount, and the duration of payments. In granting temporary disability benefits, Russia applies insurance-based principles, whereas Kazakhstan provides such benefits through an employer liability mechanism. The study emphasizes the importance of adapting the legal regulation of temporary disability benefits to the national characteristics and financial capacities of the countries, as well as the need to harmonize legislation to ensure effective support for the working population.

Keywords: temporary disability benefit; national legislation; Russia; Kazakhstan; social security; social insurance; minimum social security standards; sick leave; ILO Convention No. 102; ILO Recommendation No. 202

Cite as: Blagodir AL, Dzgoeva FO. Temporary Disability Benefits in Russia and Kazakhstan: A Comparative Legal Study. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):101-109. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.101-109

Согласно Рекомендации Международной организации труда (МОТ) № 202 «О минимальных уровнях социальной защиты»¹ каждое государство должно стремиться к созданию и развитию эффективных механизмов социальной поддержки граждан, направленных на установление минимального уровня социальной защиты, гарантирующего для лиц экономически активного возраста, неспособных получать достаточный доход, в частности в результате болезни, доход не ниже национально установленного минимального уровня.

Основные социальные гарантии должны устанавливаться в национальном законодательстве, где должны оговариваться диапазон, условия, дающие право на пособия и их раз-

меры, предопределяющие реализацию этих гарантий за счет как всеобщей системы социального обеспечения, так и предусматривающей более высокие нормы системы социального страхования, установленной Конвенцией № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» (г. Женева, 28 июня 1952 г.). В связи с этим государства должны рассмотреть вопрос о ратификации Конвенции № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения».

В этой связи Е. Е. Мачульская отмечает, что образующие национальную систему социального обеспечения программы могут финансироваться за счет как обязательных страховых взносов, так и бюджетных средств. Они дополняют друг друга и делают систему всеобъемлющей².

¹ Рекомендация МОТ № 202 «О минимальных уровнях социальной защиты» (принята в г. Женеве 14 июня 2012 г. на 101-й сессии Генеральной конференции МОТ) // СПС «КонсультантПлюс».

² Мачульская Е. Е. Достойное социальное обеспечение как одна из стратегических целей Международной организации труда // Социальное и пенсионное право. 2021. № 1. С. 48–53.

Социальное страхование — это прежде всего отношения между работодателем, который является страхователем, и работником³. Главная проблема сегодня заключается в выборе адекватной системы социального обеспечения, учитывающей национальные особенности и финансовые возможности государств.

Анализ практики обеспечения пособием по временной нетрудоспособности (по болезни) показывает существование различных подходов в правовом регулировании России и Казахстана. Рассмотрим детально эти различия.

В России и Казахстане каждому гражданину гарантируется социальное обеспечение в случае болезни, поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность (ст. 39 Конституции РФ⁴, ст. 28 Конституции Республики Казахстан⁵). Конституционные положения о социальном обеспечении в случае болезни конкретизированы в национальном законодательстве обеих стран, предусматривающем основания, порядок и условия предоставления пособия по временной нетрудоспособности для определенных категорий лиц.

В Российской Федерации в ст. 6 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» содержится общая норма, в соответствии с которой к застрахованным лицам относятся граждане РФ, иностранцы и лица без гражданства, работающие по трудовым договорам или самостоятельно обеспечивающие себя работой, а также иные категории граждан, у которых указанные

отношения возникают на основании федеральных законов о конкретных видах обязательного социального страхования⁶. Непосредственно отношения по предоставлению гражданам пособия по временной нетрудоспособности регулируются Федеральным законом от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»⁷, Трудовой кодекс РФ лишь предусматривает в качестве одного из обязательных условий трудового договора условие об обязательном социальном страховании работника⁸. В Республике Казахстан аналогичные отношения закреплены в ст. 133 Трудового кодекса РК⁹ и Правилах назначения и выплаты социального пособия по временной нетрудоспособности, утвержденных приказом министра здравоохранения и социального развития РК от 30.11.2015 № 907¹⁰. Исходя из этого, *принципиальным различием* в правовом регулировании является тот факт, что в России пособие по временной нетрудоспособности относится к числу страховых выплат и предоставляется за счет уплаты страховых взносов в Социальный фонд России, тогда как в Казахстане обязанность выплаты социального пособия по временной нетрудоспособности за счет своих средств возложена только на работодателя.

В законодательстве обеих стран закреплены *основания назначения пособия по временной нетрудоспособности*, которые в большинстве случаев совпадают:

1) заболевание или травма работника (в России — застрахованного лица);

³ Савченко Е. А. Роль государства в организации и регулировании системы обязательного социального страхования // Социальное и пенсионное право. 2024. № 4. С. 14–21.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе всероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

⁵ Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г., с изменениями и дополнениями по состоянию на 19 сентября 2022 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=6;-106#pos=6;-106&sel_link=1000035553 (дата обращения: 21.11.2025).

⁶ См.: Мачульская Е. Е. Указ. соч. С. 48–53.

⁷ СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 18.

⁸ Савченко Е. А. Указ. соч. С. 14–21.

⁹ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38910832 (дата обращения: 21.11.2025).

¹⁰ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012521> (дата обращения: 21.11.2025).

- 2) уход за больным членом семьи;
- 3) санаторно-курортное лечение после оказания медицинской помощи в стационарных условиях, медицинская реабилитация (долечивание в санаторно-курортных организациях);
- 4) протезирование по медицинским показаниям в стационарном специализированном учреждении;
- 5) карантин работника, а также карантин ребенка в возрасте до семи лет, посещающего дошкольную образовательную организацию, или другого члена семьи, признанного в установленном порядке недееспособным.

В Казахстане пособие по временной нетрудоспособности назначается только при уходе за больным ребенком, тогда как российским законодательством такая возможность предоставляется работнику, осуществляющему уход за больным членом его семьи, при карантине другого члена семьи, признанного недееспособным, а также в связи с заболеванием (травмой) застрахованного лица после прекращения им трудовых отношений, если нетрудоспособность наступила не позднее 30 дней с момента прекращения трудовых отношений.

В России и Казахстане в зависимости от оснований выдачи листа нетрудоспособности, статуса работника и вида трудового договора продолжительность выплаты пособия может различаться.

В обеих странах *продолжительность выплаты пособия по временной нетрудоспособности* ограничивается. В России ограничение установлено непосредственно применительно к периоду выплаты пособия, а в Казахстане такое ограничение закреплено опосредованно в виде максимального периода, на который может быть выдан лист нетрудоспособности.

Согласно ст. 6 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ в зависимости от *оснований выдачи листа нетрудоспособности* установлена продолжительность выплаты пособия:

- при заболевании работника — на весь период болезни (установления инвалидности);
- при уходе за больным ребенком:
  - а) в возрасте до 7 лет — за весь период его лечения, но не более 60 календарных дней в календарном году (если заболевание ребенка

включено в перечень заболеваний — не более чем за 90 дней);

- б) в возрасте от 7 до 15 лет — за период до 15 календарных дней, но не более чем за 45 календарных дней;

- в) ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет — за весь период лечения, но не более чем за 120 календарных дней;

- г) в возрасте до 18 лет ВИЧ-инфицированным, с поствакцинальным осложнением, при злокачественных новообразованиях — за весь период совместного пребывания с ребенком в медицинской организации;

- при уходе за больным членом семьи при лечении в амбулаторных условиях — не более чем за 7 календарных дней по каждому случаю заболевания, но не более чем за 30 календарных дней в календарном году;

- при санаторно-курортном лечении — не более чем за 24 календарных дня (за исключением заболевания туберкулезом);

- при протезировании — на весь период протезирования в стационарном специализированном учреждении, включая время проезда к месту протезирования и обратно;

- при карантине самого работника, при карантине детей в возрасте до семи лет посещающих дошкольные образовательные организации, других недееспособных членов семьи — на весь срок карантина.

Продолжительность выплаты пособия зависит от статуса работника. Если работник является инвалидом, то пособие по временной нетрудоспособности при заболевании выплачивается не более чем за пять месяцев в календарном году, а при заболевании туберкулезом пособие выплачивается до дня восстановления трудоспособности или до дня пересмотра группы инвалидности вследствие заболевания туберкулезом.

В зависимости от *вида трудового договора* продолжительность выплаты пособия по временной нетрудоспособности не более чем за 75 календарных дней у работников, заключивших срочный трудовой договор.

В Казахстане, как и в России, продолжительность выплаты пособия по временной нетрудоспособности дифференцирована и зависит от

основания выдачи листа нетрудоспособности и статуса работника.

Продолжительность временной нетрудоспособности работника определяется согласно Правилам проведения экспертизы временной нетрудоспособности, а также выдачи листа или справки о временной нетрудоспособности¹¹ (далее — Правила РК):

- при заболевании работника — на весь период болезни до шести календарных дней, и в дальнейшем по решению врачебно-консультативной комиссии медицинской организации (ВКК) период временной нетрудоспособности может быть продлен, но не более 60 календарных дней;

- при уходе за больным ребенком:

- а) в амбулаторных условиях — на период болезни ребенка, но не более 10 календарных дней;

- б) при стационарном лечении ребенка в возрасте до пяти лет, тяжелобольного ребенка старше пяти лет, ребенка-инвалида — на весь период пребывания в стационаре;

- при санаторно-курортном лечении для проведения медицинской реабилитации — на весь период лечения;

- при протезировании — на весь период пребывания в стационаре протезно-ортопедической организации и за время проезда в стационар и обратно, но не более чем на 30 календарных дней;

- при карантине самого работника, при карантине по уходу за ребенком до семи лет, посещающим дошкольное образовательное учреждение, — на весь период карантина.

Как уже отмечалось, продолжительность выплаты пособия в Казахстане зависит и от *статуса работника*.

Если работник длительно болеет (более четырех месяцев со дня наступления временной нетрудоспособности), то листок нетрудоспособности может быть выдан на срок до пяти месяцев в течение последних 12 месяцев при

повторных заболеваниях (при одном и том же заболевании). При травмах лист нетрудоспособности выдается до четырех месяцев и при благоприятном прогнозе течения болезни по решению ВКК может быть продлен на два месяца. В случае заболевания работника туберкулезом лист нетрудоспособности выдается до 10 месяцев и может быть продлен до 15 месяцев, после чего решается вопрос об установлении инвалидности.

Следует отметить значимое положение в законодательстве Казахстана, касающееся поддержки семей с детьми. Так, если мать (отец) в связи с болезнью не может осуществлять уход за ребенком, лист временной нетрудоспособности выдается врачом медицинской организации по месту лечения одному из членов семьи, фактически осуществляющему уход за ребенком на весь срок болезни матери (отца).

Пособие по временной нетрудоспособности *не назначается* в обеих странах в периоды освобождения работника от работы: за время отпуска без сохранения заработной платы, в том числе по уходу за ребенком до трех лет; заключения под стражу или административного ареста; проведения судебно-медицинской экспертизы; в период отстранения от работы, если в течение него не начисляется заработная плата. Кроме того, в Казахстане пособие не назначается за время принудительного лечения работника по определению суда (кроме психически больных), а также за дни временной нетрудоспособности, приходящиеся на оплачиваемый ежегодный трудовой отпуск.

В России и Казахстане в назначении пособия по временной нетрудоспособности может быть отказано при наличии обстоятельств, связанных с виной (умыслом) работника в действиях, которые привели к временной нетрудоспособности, при совершении им преступления, установленного вступившим в законную силу приговором суда, или иного противоправного деяния (например, попытки самоубийства).

¹¹ Приказ министра здравоохранения Республики Казахстан от 18.11.2020 № ҚР ДСМ-198/2020 «Об утверждении правил проведения экспертизы временной нетрудоспособности, а также выдачи листа или справки о временной нетрудоспособности» (приложение № 1) // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021660> (дата обращения: 21.11.2025).

Состояние алкогольного, наркотического, токсического опьянения, ставшее причиной временной нетрудоспособности, в Казахстане является основанием для отказа в назначении пособия, тогда как в России — лишь для снижения его размера. Следует также отметить, что в России основаниями для снижения размера пособия по временной нетрудоспособности до минимального являются нарушение режима лечения, предписанного врачом, неявка на врачебный осмотр или проведение медико-социальной экспертизы.

Условием выплаты пособия является листок нетрудоспособности.

В России листок нетрудоспособности выдается за календарные дни в течение всего периода временной нетрудоспособности до дня восстановления трудоспособности (установления инвалидности). Листок нетрудоспособности формируется в виде электронного документа медицинской организацией и размещается в информационной системе Социального фонда России.

В Казахстане в соответствии с Правилами РК листок нетрудоспособности выдается врачом медицинской организации государственной и частной формы собственности, а также занимающимся частной медицинской практикой при наличии у него лицензии на осуществление медицинской деятельности, включающей проведение экспертизы временной нетрудоспособности, с *первого дня нетрудоспособности до дня восстановления трудоспособности или установления инвалидности*.

Размер пособия по временной нетрудоспособности всегда зависит от размера среднего дневного заработка работника. В Российской

Федерации в отдельных случаях при определении размера используются фиксированные суммы, не зависящие от заработка. Так, работнику, имеющему стаж менее шести месяцев, пособие по временной нетрудоспособности выплачивается в размере, не превышающем за полный календарный месяц минимального размера оплаты труда.

Механизм определения среднего дневного заработка для исчисления пособия *различается* в рассматриваемых странах. В России период, за который учитывается средний заработок для исчисления пособия, — два календарных года, предшествующих году, в котором наступила временная нетрудоспособность¹². В Казахстане учитывается заработок за 12 месяцев с применением месячного расчетного показателя за предшествующий и текущий годы отдельно, после чего полученные суммы суммируются.

Размер пособия по временной нетрудоспособности в России устанавливается в процентном отношении от средней дневной заработной платы (50, 60, 80 и 100 %).

В Казахстане размер пособия составляет 100 % от заработка, но не может превышать 25-кратную величину месячного расчетного показателя за соответствующий год¹³. Исключение из этого правила предусмотрено для работников, получивших трудовое увечье или профессиональное заболевание, работающих ветеранов Великой Отечественной войны и приравненных к ним по льготам ветеранов, работников дипломатических служб, получающих пособие в иностранной валюте в период пребывания за границей. Указанным категориям работников пособие выплачивается в размере 100 % от заработной платы.

¹² Постановление Правительства РФ от 11.09.2021 № 1540 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Положения об особенностях порядка исчисления пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячного пособия по уходу за ребенком гражданам, подлежащим обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // СЗ РФ. 2021. № 38. Ст. 6635.

См.: Саурин С. А. Справедливый расчет среднего заработка как гарантия реализации конституционного принципа уважения человека труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 3. С. 32–35.

¹³ Месячный расчетный показатель с 1 января 2025 г. установлен в размере 3 932 тенге (Закон Республики Казахстан от 04.12.2024 № 141-VIII ЗРК «О республиканском бюджете на 2025–2027 годы» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000141> (дата обращения: 21.11.2025)).

Продолжительность стажа работника влияет на величину размера пособия по временной нетрудоспособности: чем он больше, тем выше размер пособия.

В России работникам, имеющим страховой стаж менее шести месяцев, независимо от величины среднего заработка, пособие назначается в фиксированном минимальном размере, а при наличии стажа менее пяти лет — в размере 60 % от среднего заработка; от пяти до восьми лет — 80 %; больше восьми лет — 100 %. Большое значение для определения размера пособия по временной нетрудоспособности имеют *основание* его назначения и *период*, в который наступила нетрудоспособность. Так, при уходе за больным ребенком размер пособия дифференцирован в зависимости от возраста ребенка, лечения его в амбулаторных или стационарных условиях¹⁴. Что касается периода временной нетрудоспособности, то при заболевании или травме, наступивших после прекращения работы по трудовому договору, размер пособия, независимо от продолжительности стажа, устанавливается в 60 % от среднего заработка.

В Казахстане для работников, проработавших менее 12 календарных месяцев, средняя заработная плата определяется за фактически отработанное время, также в коллективном договоре могут быть предусмотрены и иные периоды для расчета средней заработной платы (если это не ухудшает положения работников).

В обеих странах законодатель ограничил величину пособия по временной нетрудоспособности максимальным размером.

Правительством РФ¹⁵ максимальная величина пособия устанавливается ежегодно и непосредственно связана с максимальным размером

заработка, с которого работодателем (страхователем) уплачивались страховые взносы на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством в Социальный фонд России (страховщику), за два года, предшествующих году наступления временной нетрудоспособности.

Особые гарантии при назначении пособия предусмотрены для работников с заработной платой ниже минимального размера оплаты труда. Например, если у работника на день наступления временной нетрудоспособности средний заработок в расчете за полный календарный месяц ниже минимального размера оплаты труда, то средний заработок, исходя из которого исчисляется пособие по временной нетрудоспособности, принимается равным минимальному размеру оплаты труда, установленному в Российской Федерации на день наступления нетрудоспособности.

В Казахстане величина пособия не связана с заработком конкретного работника, так как максимальный размер пособия в месяц ограничивается 25-кратной величиной месячного расчетного показателя за год, в котором наступила нетрудоспособность. Это ограничение пособия максимальным размером, как было сказано ранее, не распространяется на работающих ветеранов Великой Отечественной войны и приравненных к ним по льготам ветеранов, на работников дипломатических служб, получающих пособие в иностранной валюте в период пребывания за границей.

В рассматриваемых странах пособие по временной нетрудоспособности назначается со дня восстановления трудоспособности (установления инвалидности). В России работник вправе

¹⁴ При уходе за больным ребенком в возрасте до восьми лет пособие выплачивается в размере 100 % заработка; в возрасте восьми лет и старше — при лечении в амбулаторных условиях за первые 10 календарных дней пособие устанавливается в размере, определяемом по общим правилам (в зависимости от продолжительности стажа), за последующие дни — в размере 50 % среднего заработка; при лечении больного ребенка в стационарных условиях — в размере, определяемом по общим правилам (в зависимости от продолжительности стажа).

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 31.10.2024 № 1457 «О единой предельной величине базы для исчисления страховых взносов с 1 января 2025 года» // СЗ РФ. 2024. № 45. Ст. 6807 ; ст. 425 Налогового кодекса Российской Федерации (части второй) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

обратиться за пособием в течение шести месяцев со дня восстановления трудоспособности (установления инвалидности), окончания периода освобождения от работы в случаях ухода за больным членом семьи, карантина, протезирования и долечивания, а также и по истечении указанного срока при наличии уважительных причин его пропуска.

Следует отметить различия в законодательстве России и Казахстана, касающиеся механизма финансирования пособия по временной нетрудоспособности. В обеих странах работодатели участвуют в его финансировании, но уровень их финансовой нагрузки существенно различается. Для России характерна смешанная форма финансирования пособия по временной нетрудоспособности: за первые три дня болезни (травмы) работника выплата осуществляется за счет средств работодателя, а оставшиеся дни болезни оплачивает территориальный орган Социального фонда России¹⁶ за счет средств социального страхования или для отдельных категорий работников (государственные служащие) за счет средств государственного бюджета. В Казахстане пособие полностью оплачивает работодатель за счет собственных средств.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что, несмотря на общие конституционные гарантии права на социальное обеспечение в России и Казахстане в случае болезни работника, назначение, источник финансирования и определение размера пособия по временной нетрудоспособности имеют существенные различия.

Главная отличительная особенность российского законодательства заключается в страховом характере выплаты пособия: финансирование осуществляется за счет страховых взносов в Социальный фонд России, тогда как в Казахстане пособие является социальным, ограничено максимальным размером вне зависимости от индивидуального заработка работника, финан-

совое обязательство по его выплате лежит на работодателе.

Условия, основания назначения и периоды выплаты пособий в целом одинаковые, однако в России предусмотрены более дифференцированные нормы, в том числе в отношении отдельных категорий работников, продолжительность выплаты и размер пособия которых зависит как от страхового стажа, так и от среднего заработка. В Казахстане установлены фиксированный механизм расчета и максимальная величина пособия, для определенных льготных категорий предусмотрены исключения.

При назначении пособия по временной нетрудоспособности Россия, ратифицировав¹⁷ Конвенцию МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», руководствуется страховыми принципами. Казахстан является членом МОТ с 1993 г., однако его национальное законодательство по обеспечению пособиями по временной нетрудоспособности организовано через механизм, в котором ответственность за компенсацию работникам утраченного заработка в связи с болезнью юридически возлагается непосредственно на отдельных работодателей. Схемы ответственности работодателя не соответствуют некоторым из основных принципов, закрепленных в Конвенции МОТ № 102, таких как принципы коллективного финансирования и участия в управлении социальным обеспечением (ст. 71 и 72).

12 июня 2024 г. в г. Женеве в ходе 112-й сессии Международной конференции труда, проведенной под эгидой МОТ, Казахстан подписал Дорожную карту по содействию достойному труду в Республике Казахстан¹⁸, согласно которой национальное законодательство будет приведено в соответствие с международными стандартами. Согласно Дорожной карте МОТ и Казахстан в рамках четвертого направления «Социальное обеспечение и защита» сконцен-

¹⁶ *Забралова О. С.* Государственные внебюджетные фонды как субъекты финансовых правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3. С. 40–55.

¹⁷ Федеральный закон от 03.10.2018 № 349-ФЗ «О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102)» // СЗ РФ. 2018. № 41. Ст. 6189.

¹⁸ URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/794850?lang=ru> (дата обращения: 21.11.2025).

трировали внимание на разработке рекомендации по ратификации Конвенции МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» и проведению сравнительного анализа законодательства Казахстана на предмет его соответствия нормам Конвенции.

Несомненно, совершенствование законодательства России и Казахстана требует дальнейшего учета национальных особенностей, а также международных рекомендаций с целью усиления гарантий социального обеспечения работающих граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Забралова О. С.* Государственные внебюджетные фонды как субъекты финансовых правоотношений // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 3. — С. 40–55.
2. *Мачульская Е. Е.* Достойное социальное обеспечение как одна из стратегических целей Международной организации труда // Социальное и пенсионное право. — 2021. — № 1. — С. 48–53.
3. *Савченко Е. А.* Роль государства в организации и регулировании системы обязательного социального страхования // Социальное и пенсионное право. — 2024. — № 4. — С. 14–21.
4. *Саурин С. А.* Справедливый расчет среднего заработка как гарантия реализации конституционного принципа уважения человека труда // Трудовое право в России и за рубежом. — 2025. — № 3. — С. 32–35.

Материал поступил в редакцию 2 декабря 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Zabralova O. S.* Gosudarstvennye vnebyudzhetye fondy kak subekty finansovykh pravootnosheniy // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 3. — S. 40–55.
2. *Machulskaya E. E.* Dostoynoye sotsialnoye obespechenie kak odna iz strategicheskikh tseley Mezhdunarodnoy organizatsii truda // Sotsialnoye i pensionnoye pravo. — 2021. — № 1. — S. 48–53.
3. *Savchenko E. A.* Rol gosudarstva v organizatsii i regulirovanii sistemy obyazatel'nogo sotsial'nogo strakhovaniya // Sotsialnoye i pensionnoye pravo. — 2024. — № 4. — S. 14–21.
4. *Saurin S. A.* Spravedlivyy raschet srednego zarabotka kak garantiya realizatsii konstitutsionnogo printsipa uvazheniya cheloveka truda // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. — 2025. — № 3. — S. 32–35.

Обработка биометрических персональных данных в информационных системах работодателя: принципы и ограничения

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ регулирования обработки биометрических данных работников в Российской Федерации и странах Европейского Союза. Выявляется ключевая проблема: российская правовая модель, формально провозглашающая приоритет согласия субъекта, на практике допускает широкие исключения, оправдываемые государственными и корпоративными интересами, без надлежащей проверки их соразмерности. Это приводит к эрозии сферы частной автономии личности и создает риски установления гиперконтроля над сотрудниками. Европейская модель, основанная на Общем регламенте по защите данных Европейского Союза, создает более сбалансированный режим, где запрет является правилом, а любое исключение должно быть строго обосновано и подкреплено такими принципами, как пропорциональность, минимизация данных, прозрачность и безопасность. Ключевым инструментом соблюдения этих принципов является обязательная оценка воздействия на защиту данных (Data Protection Impact Assessment). Автор обосновывает необходимость совершенствования российского законодательства рисками нарушения конституционного принципа уважения человека труда, права на неприкосновенность частной жизни и фундаментальной задачей государства по обеспечению свободы личности. В заключение предлагаются конкретные меры по совершенствованию российского законодательства, в частности внедрение обязательной оценки воздействия обработки данных и разработка специализированных методических рекомендаций для работодателей.

Ключевые слова: биометрические персональные данные; персональные данные; Общий регламент по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR); оценка воздействия; принцип пропорциональности; принцип минимизации данных; трудовые отношения; цифровые права работника; увольнение; мониторинг исполнения трудовых обязанностей

Для цитирования: Менкенов А. В. Обработка биометрических персональных данных в информационных системах работодателя: принципы и ограничения // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 110–118. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.110-118

© Менкенов А. В., 2026

* Менкенов Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры междисциплинарных исследований и программ отделения «Высшая школа правоведения» Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, д. 84, корп. 3, г. Москва, Российская Федерация, 119571
menkenov@ranepa.ru

Biometric Personal Data Processing in Employer Information Systems: Principles and Limitations

Alexey V. Menkenov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Interdisciplinary Research and Programs, Higher School of Law, Institute of Law and National Security, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation
menkenov@ranepa.ru

Abstract. The paper provides a comparative legal analysis of the regulation of the processing of biometric data of employees in the Russian Federation and the countries of the European Union. A key problem emerges: the Russian legal model, while formally declaring the priority of the subject's consent, in practice allows for broad exceptions justified by state and corporate interests, without proper verification of their proportionality. This leads to the erosion of the individual's sphere of private autonomy and creates the risk of establishing hyper-control over employees. The European model, based on the General Data Protection Regulation (GDPR), establishes a more balanced regime where prohibition is the rule, and any exception must be strictly justified and supported by principles such as proportionality, data minimization, transparency, and security. A key tool for complying with these principles is the mandatory data protection impact assessment (DPIA). The author substantiates the need to improve Russian legislation, arguing that this entails the risks of violating the constitutional principle of respect for working people, the right to privacy, and the fundamental duty of the state to ensure personal freedom. In conclusion, specific measures are proposed to improve Russian legislation, in particular the introduction of mandatory data processing impact assessments and the development of specialized methodological recommendations for employers.

Keywords: biometric personal data; personal data; GDPR; General Data Protection Regulation; impact assessment; proportionality principle; data minimization principle; labor relations; digital employee rights; dismissal; performance monitoring

Cite as: Menkenov AV. Biometric Personal Data Processing in Employer Information Systems: Principles and Limitations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(9):110-118. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.110-118

Введение

Стремительное развитие биометрических систем и технологий обработки данных трансформирует современные системы аутентификации и идентификации. Биометрическая безопасность становится неотъемлемым элементом корпоративных процессов, предлагая эффективный способ подтверждения личности работника. Обработка биометрических персональных данных основана на сборе и анализе физических, физиологических или поведенческих характеристик физических лиц с помощью технических средств с последующим созданием

биометрических шаблонов. Эти шаблоны позволяют работодателям идентифицировать, отслеживать и профилировать сотрудников зачастую без прямого и осознанного взаимодействия с человеком.

Биометрические персональные данные представляют собой неотчуждаемый и неотменяемый элемент идентичности человека, неконтролируемое распространение которого может иметь необратимые последствия¹. В отличие от сменяемых идентификаторов (паролей, кодов), биометрические характеристики индивидуальны и трудноизменяемы. Следовательно, в случае их утери или несанкциониро-

---

¹ Person identification, human rights and ethical principles: Rethinking biometrics in the era of artificial intelligence (PE 697.191, December 2021) / European Parliamentary Research Service ; Scientific Foresight Unit. European Union, 2021. P. 32.

ванного доступа они считаются безвозвратно скомпрометированными, что ставит под угрозу возможность безопасной цифровой идентификации человека в будущем. Стоит согласиться с И. А. Филиповой, обращающей внимание на актуализацию потребности в эффективной защите персональных данных работников в условиях цифровизации².

Уникальность биометрических персональных данных, их неотчуждаемость и невозможность изменения в случае компрометации обуславливают их особый правовой статус и повышенные риски для прав личности, что требует формирования адекватных правовых гарантий.

Российское законодательство и правоприменительная практика

Внедрение инвазивных технологий контроля и мониторинга исполнения трудовых обязанностей напрямую затрагивает конституционный принцип уважения человека труда (ст. 37 Конституции РФ³), который является составным элементом более общего принципа уважения прав человека. Последний предполагает признание достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ) как универсальной ценности, представляющей собой незыблемый минимум, который должен гарантировать законодатель. Как подчеркивает М. В. Лушникова, «независимо от оценки данного человека обществом, его самооценки, каждый человек как личность имеет ценность в глазах государства и общества»⁴. Таким образом, принцип уважения человека

труда не допускает произвольного вмешательства государства и работодателя в сферу частной автономии личности трудящегося.

В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»⁵ обработка биометрических персональных данных допускается только при наличии письменного согласия их субъекта. Указанное требование призвано устранить информационную асимметрию в отношениях между оператором и субъектом данных⁶.

Впрочем, на практике это правило подвергается эрозии за счет многочисленных нормативных исключений. Наиболее проблемной представляется «каучуковая» формулировка п. 2 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ, которая допускает обработку персональных данных без согласия субъекта, если она «необходима для достижения целей, предусмотренных международным договором Российской Федерации или законом, для осуществления и выполнения возложенных законодательством Российской Федерации на оператора функций, полномочий и обязанностей». Данная норма создает правовую основу для постоянного расширения перечня изъятий, позволяя отдельным категориям работодателей получать биометрические данные работников под угрозой применения дисциплинарных взысканий, вплоть до увольнения.

Подобная практика вызывает серьезные вопросы с точки зрения соблюдения статьи 9 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.)⁷, которая гарантирует каждому право на уважение его личной

² Филипова И. А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе. Искусственный интеллект и трудовое право : научное издание. Н. Новгород : Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 2019. С. 16.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе всероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 06.10.2022.

⁴ Лушникова М. В. Сущность и природа прав работника на защиту достоинства, трудовой чести и деловой репутации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 1 (7). С. 34.

⁵ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

⁶ Савельев А. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М. : Статут, 2017. С. 71.

⁷ СЗ РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

жизни и допускает вмешательство государственных органов лишь в случаях, предусмотренных законом, и только когда это необходимо в демократическом обществе в интересах государственной безопасности или общественного порядка.

Яркой иллюстрацией сложившейся практики является дело № 8Г-8738/2023, рассмотренное Седьмым кассационным судом общей юрисдикции 25 июля 2023 г. Гражданин был уволен за прогул, который, по его мнению, произошел вследствие неправомерных действий службы охраны, не допустившей его на территорию АО «Нижевартовская ГРЭС» в связи с отказом пройти процедуру дактилоскопической регистрации. Локальным актом работодателя был установлен порядок, согласно которому проход на территорию разрешался исключительно при предъявлении пропуска и прохождении дактилоскопирования. Суды первой и кассационной инстанций отказали истцу в удовлетворении требований, поддержав позицию работодателя, который ссылаясь на установленные подзаконными актами требования антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса⁸.

Представляется, что подобные судебные решения⁹ носят спорный характер, поскольку суды, как правило, не исследуют ключевые вопросы соразмерности такого вмешательства. В частности, не оцениваются возможности использования работодателем альтернативных, менее инвазивных средств контроля доступа (электронные карты, бейджи) и исполнения трудовой функции за пределами особо охраняемого периметра. В этой связи уместно замечание Л. С. Таля: «Подчиняясь по трудовому договору хозяйской власти работодателя, работник не

отдает себя и свою рабочую силу на милость и усмотрение работодателю, а вправе ожидать, что предъявляемые ему требования и приказания не будут... посягать на неотчуждаемые личные блага и выходить из пределов тех задач предприятия, осуществлению которых работник обязался содействовать, одним словом — что хозяин будет пользоваться своей властью правомерно и целесообразно»¹⁰.

Дискуссионными являются и положения новейшего законодательства, легализующие сбор и передачу биометрических персональных данных без согласия их субъекта. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ¹¹ устанавливает обязанность организаций и индивидуальных предпринимателей передавать в единую биометрическую систему (ЕБС) изображение лица и запись голоса человека, собранные с помощью технических средств, без получения на то согласия гражданина (ч. 14 ст. 4). Таким образом, если работник предоставил работодателю свои биометрические данные для внутренних нужд (например, для прохода в офис), работодатель, как следует из буквального толкования Закона, обязан принудительно и безвозмездно передать их в государственную систему. При этом данные в ЕБС сохраняются даже в случае прекращения их обработки первоначальным работодателем.

Фактически положения ч. 14 ст. 4 Федерального закона от 29.12.2022 № 572-ФЗ создают правовые условия для неконтролируемого со стороны гражданина вмешательства государства в сферу его частной автономии. Как справедливо отмечает А. А. Иванов, принятие этого Закона привело к «огосударствлению системы сбора, накопления и использования биометри-

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 по делу № 8Г-8738/2023[88-10266/2023] // СПС «Гарант».

⁹ См. также: определение Судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.06.2022 по делу № 8Г-7877/2022[88-9286/2022] ; решение Димитровградского городского суда Ульяновской области от 30.01.2023 по делу № 2-205/2023 // СПС «Гарант».

¹⁰ Таль Л. С. Трудовой договор : цивилистическое исследование. М. : Статут, 2006. С. 486.

¹¹ Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 19.

ческих данных людей — наиболее чувствительной части персональных данных»¹². В этой связи обоснованными выглядят опасения некоторых исследователей о создании «условий для возвращения общества в кастовое прошлое и управление на основе страха и насилия государства над бесправной оцифрованной личностью»¹³. Эти риски в полной мере применимы и к сфере трудовых отношений, где современные информационные системы открывают работодателю возможности для установления гиперконтроля над работниками.

Сложившаяся ситуация вступает в очевидное противоречие с концепцией правового государства. Еще в 2000 г. в Послании Федеральному Собранию Президент РФ В. В. Путин указывал: «Наша важнейшая задача — научиться использовать инструменты государства для обеспечения свобод: свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества»¹⁴.

Источником получения работодателем биометрической информации о работнике также являются видео- и аудиозаписи, которые могут быть использованы для мониторинга исполнения работниками трудовых обязанностей. Однако, как отмечает Е. В. Сыченко, отсутствие специального регулирования в трудовом законодательстве приводит к тому, что работники, оспаривающие решения работодателя, принятые по результатам видеонаблюдения, не ссылаются на незаконность соответствующих доказательств, а суды самостоятельно не исследуют факт законности видеозаписей¹⁵.

В связи с изложенным актуальным является вопрос не только о границах полномочий работодателя по принятию локальных нормативных актов, но и о пределах компетенции законодателя по ограничению права работника на его биометрические персональные данные. Представляется, что в России как правовом социальном государстве вмешательство в частную автономию личности возможно лишь при условии достижения справедливого баланса между публичными интересами и фундаментальными правами человека. Как минимум такое вмешательство должно быть соразмерно преследуемой законной цели¹⁶.

Страны ЕС

В Общем регламенте по защите данных ЕС¹⁷ (General Data Protection Regulation, GDPR) биометрические данные определяются как «персональные данные, полученные посредством определенной технической обработки, относящиеся к физическим, физиологическим или поведенческим характеристикам физического лица, которые позволяют или подтверждают его уникальную идентификацию, например изображения лица или данные отпечатков пальцев» (п. 14 ст. 4). В силу их тесной связи с человеческой сущностью и высокой чувствительности обработка биометрических данных запрещена (п. 1 ст. 9 GDPR). Как и в российском праве, из этого правила предусмотрены исключения, однако их применение, особенно в трудовых отно-

¹² Иванов А. А. Правовое регулирование биометрии в России: закон и практика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 11. С. 53.

¹³ Кашкин С. Ю., Покровский А. В. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском Союзе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 70.

¹⁴ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 8 июля 2000 г., Москва, Кремль. С. 3 // Президент России : официальный сайт. URL: <https://www.prlib.ru/item/438199>.

¹⁵ Трудовое право: национальное и международное измерение : монография : в 2 т. / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М. : Норма, 2022. Т. 1 : Общие проблемы современного трудового права. С. 300.

¹⁶ Дедов Д. И. Методология права 2.0. М. : Дело, 2023. С. 576.

¹⁷ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj/eng>.

шениях, строго регламентировано и основывается на ряде фундаментальных принципов¹⁸.

Принцип пропорциональности. Использование биометрических технологий работодателем должно быть строго пропорционально законной цели. Данный принцип также требует, чтобы при наличии нескольких одинаково эффективных мер выбиралась наименее обременительная для прав работника.

Пример. Испанское агентство по защите данных в одном из консультативных заключений признало допустимой обработку биометрических данных для системы доступа на объекты Национальной гвардии. Агентство указало на наличие объективного обоснования и конкретной необходимости внедрения такой системы, поскольку она обеспечивает более надежную, чем альтернативные механизмы, проверку лиц, имеющих доступ к защищенным зонам, и позволяет эффективно предотвращать несанкционированный доступ¹⁹.

Принцип минимизации данных. Обработка должна быть ограничена объемом информации, абсолютно необходимым для заявленной цели. Если работодателю требуется лишь зафиксировать факт присутствия сотрудника, сбор избыточных биометрических характеристик является незаконным. Как отмечают эксперты, «биометрический контроль доступа не должен становиться рутинным явлением в рамках организации, предприятия и без каких-либо оснований заменять другие существующие виды контроля, порой менее обременительные (бейдж, ключ, электронная карта и др.)»²⁰.

Пример. Итальянское управление по защите данных оштрафовало дилерский центр на 120 000 евро за использование системы распознавания лиц для контроля рабочего времени. Управление установило, что использование таких данных недопустимо, поскольку в Италии отсутствует закон, обязывающий применять биометрию для этих целей. Подчеркнуто, что даже согласие сотрудников не может служить правовым основанием для обработки данных ввиду системного дисбаланса власти в трудовых отношениях²¹.

Испанское агентство по защите данных допускает в исключительных случаях использование информационных систем контроля присутствия на рабочем месте, если такое использование полностью оправданно и законно, однако контролер, выбирая определенную биометрическую технологию для контроля присутствия работников, должен применять принцип минимизации данных (п. 1 ст. 25 GDPR). Для этого он обязан настроить систему контроля в соответствии с конкретными потребностями обработки и получить объективную оценку, результатом которой является отсутствие сбора избыточных данных для достижения цели обработки, в частности специальных категорий данных (ст. 35 GDPR)²².

Принцип прозрачности и информированного согласия. Для обработки биометрических данных требуется явное, информированное и специфическое согласие работника. Важно, что в контексте трудовых отношений добровольность такого согласия часто ставится под

¹⁸ Указанный ниже перечень не является исчерпывающим. Так, в ст. 5 GDPR закреплены семь основных принципов обработки персональных данных: законность, справедливость и прозрачность; ограничение цели; минимизация данных; точность; ограничение хранения; целостность и конфиденциальность; подотчетность.

¹⁹ ASUNTO: Consulta Previa (Art. 36 RGPD). Ref. REGAGE25e00024730156 // Agencia Española de Protección de Datos. URL: <https://www.aepd.es/documento/regage25e00024730156.pdf>.

²⁰ Рассолов И. М., Чубукова С. Г., Микурова И. В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Lex russica. 2019. № 1. С. 111.

²¹ Garante privacy: riconoscimento facciale — no al controllo illecito delle presenze // Dottrina Per il Lavoro. 27 Giu 2024. URL: <https://www.dottrinalavoro.it/notizie-c/garante-privacy-riconoscimento-facciale-no-al-controllo-illecito-delle-presenze> (дата обращения: 09.11.2025).

²² Guía Tratamientos de control de presencia mediante sistemas biométricos. P. 8 // Agencia Española de Protección de Datos. URL: <https://www.aepd.es/guias/guia-control-presencia-biometrico.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

сомнение из-за зависимости работника от работодателя.

Пример. Испанская компания Plastic Forte, расположенная в Аликанте и специализирующаяся на сбыте пластиковой продукции, использовала распознавание лиц сотрудников для контроля за соблюдением рабочего времени и производительностью. При этом компания получила фотографии сотрудников под предлогом их использования в маркетинговых целях, не информируя о биометрической обработке. В результате Испанское агентство по защите данных наложило на компанию штраф в размере 12 000 евро²³.

Принцип безопасности данных. В соответствии со ст. 32 GDPR работодатель обязан принимать все необходимые технические и организационные меры для обеспечения безопасности биометрических данных. Это требование особенно критично, поскольку в отличие от паролей биометрию невозможно изменить после компрометации²⁴. Угрозы включают не только кибератаки на базы данных, но и использование технологий дипфейка (deepfake) для обмана биометрических систем²⁵.

Оценка воздействия на защиту данных (Data Protection Impact Assessment, DPIA) является ключевым процессуальным инструментом, обеспечивающим соблюдение вышеуказанных принципов (ст. 35 GDPR). Эта оценка проводится до начала обработки и направлена на выявление и минимизацию рисков для прав и свобод субъектов данных. Европейские регуляторы сформулировали детальные руководства по ее проведению²⁶.

Итальянское управление по защите данных привлекало работодателей к ответственности в числе прочего за непроведение DPIA в отношении систем отслеживания присутствия на рабочем месте²⁷. Французский регулятор (Commission nationale de l'informatique et des libertés, CNIL) уточняет, что в профессиональной среде допускается лишь биометрическая аутентификация на основе морфологических характеристик, в то время как сбор биологических образцов (слюны, крови) запрещен. Выбор конкретного типа биометрии работодателем должен быть обоснован и задокументирован, включая причину использования одного биометрического признака вместо другого²⁸.

В отличие от европейского подхода российское законодательство о персональных данных

²³ Resolución de terminación del procedimiento por pago voluntario : expediente N.º EXP202209921 // Agencia Española de Protección de Datos. URL: <https://www.supercontable.com/informacion/pdf/laboral/PS005972022.PDF> (дата обращения: 09.11.2025).

²⁴ Délibération n° 2015-087 du 5 mars 2015 refusant la mise en œuvre par la Banque Intesa Sanpaolo d'un traitement automatisé de données à caractère personnel reposant sur un dispositif biométrique de reconnaissance de l'empreinte digitale et ayant pour finalité le contrôle et le suivi du temps de travail / Commission nationale de l'informatique et des libertés // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/cnil/id/CNILTEXT000030481101/> (дата обращения: 09.11.2025).

²⁵ He S., Lei Y., Zhang Z., Sun Y., Li S., Zhang C., Ye J. Identity deepfake threats to biometric authentication systems: Public and expert perspectives // arXiv. June 7, 2025. URL: <https://arxiv.org/abs/2506.06825> (дата обращения: 09.11.2025).

²⁶ См., например: Gestión del riesgo y evaluación de impacto en tratamientos de datos personales // Agencia Española de Protección de Datos. URL: <https://www.aepd.es/guias/gestion-riesgo-y-evaluacion-impacto-en-tratamientos-datos-personales.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

²⁷ Garante privacy: no al riconoscimento facciale per il controllo delle presenze // Dottrina Per il Lavoro. 2 Apr 2024. URL: <https://www.dottrinalavoro.it/notizie-c/garante-privacy-no-al-riconoscimento-facciale-per-il-controllo-delle-presenze> (дата обращения: 09.11.2025).

²⁸ Délibération n° 2019-001 du 10 janvier 2019 portant règlement type relatif à la mise en œuvre de dispositifs ayant pour finalité le contrôle d'accès par authentification biométrique aux locaux, aux appareils et aux applications informatiques sur les lieux de travail // Commission nationale de l'informatique et des libertés. URL: <https://www.cnil.fr/sites/default/files/atoms/files/deliberation-2019-001-10-01-2019-reglement-type-controle-dacces-biometrique.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

устанавливает для операторов лишь общее требование по оценке вреда, который может быть причинен субъектам, но не предусматривает обязательной, структурированной и документированной процедуры оценки воздействия до начала обработки. Такой пробел в регулировании лишает правоприменительную практику важного инструмента, позволяющего взвесить необходимость и соразмерность вмешательства в частную сферу работника.

Выводы

Использование биометрических данных, безусловно, может быть мощным инструментом повышения эффективности и безопасности бизнеса. Однако оно создает значительные риски для личных неимущественных прав работников, требуя адекватного правового противовеса. Внедрение таких технологий без должных гарантий не соответствует принципам уважения человека труда и охраны человеческого достоинства. Трудовое право нуждается в развитии норм, ограничивающих возможности работодателей по использованию цифровых технологий.

Проведенный анализ демонстрирует существенные различия в подходах к регулированию обработки биометрических данных работников в России и ЕС. Российская модель, формально провозглашая приоритет согласия, на практике до-

пускает широкие исключения, оправдываемые ссылками на государственные и корпоративные интересы, без надлежащей проверки их соразмерности. Европейская модель, основанная на GDPR, создает более сбалансированный режим.

В целях совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики целесообразно:

1) ввести требование проводить оценку воздействия на защиту персональных данных (по аналогии со ст. 35 GDPR) как подзаконных, так и локальных нормативных актов, которые предусматривают внедрение (требуют внедрения) систем, связанных с обработкой биометрических и иных специальных категорий данных;

2) разработать и утвердить на уровне Роскомнадзора конкретные руководства и методические рекомендации для работодателей по управлению рисками и проведению оценки воздействия с учетом отраслевой специфики;

3) на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ стимулировать суды к более тщательной проверке соразмерности вмешательства в частную жизнь работников, в том числе к оценке наличия у работодателя менее инвазивных альтернатив достижения заявленных легитимных целей.

Внедрение подобных гарантий позволит достичь более справедливого баланса интересов работодателей, государства и личности в цифровую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дедов Д. И. Методология права 2.0. — М. : Дело, 2023. — 750 с.
2. Иванов А. А. Правовое регулирование биометрии в России: закон и практика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 11. — С. 52–62.
3. Кашкин С. Ю., Покровский А. В. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском Союзе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 4. — С. 64–90.
4. Лушникова М. В. Сущность и природа прав работника на защиту достоинства, трудовой чести и деловой репутации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2010. — Вып. 1 (7). — С. 32–37.
5. Рассолов И. М., Чубукова С. Г., Микурова И. В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Lex russica. — 2019. — № 1. — С. 108–118.
6. Савельев А. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». — М. : Статут, 2017. — 317 с.
7. Таль Л. С. Трудовой договор : цивилистическое исследование. — М. : Статут, 2006.

8. Трудовое право: национальное и международное измерение : монография : в 2 т. Т. 1 : Общие проблемы современного трудового права / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. — М. : Норма, 2022. — 608 с.
9. Филипова И. А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе. Искусственный интеллект и трудовое право : научное издание. — Н. Новгород : Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, 2019. — 89 с.
10. He S., Lei Y., Zhang Z., Sun Y., Li S., Zhang C., Ye J. Identity deepfake threats to biometric authentication systems: Public and expert perspectives // arXiv. — June 7, 2025. — URL: <https://arxiv.org/abs/2506.06825>.
11. Person identification, human rights and ethical principles: Rethinking biometrics in the era of artificial intelligence (PE 697.191, December 2021) / European Parliamentary Research Service ; Scientific Foresight Unit. — European Union, 2021.

Материал поступил в редакцию 18 ноября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Dedov D. I. Metodologiya prava 2.0. — М.: Delo, 2023. — 750 s.
2. Ivanov A. A. Pravovoe regulirovanie biometrii v Rossii: zakon i praktika // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2024. — № 11. — S. 52–62.
3. Kashkin S. Yu., Pokrovskiy A. V. Iskusstvennyy intellekt, robototekhnika i zashchita prav cheloveka v Evropeyskom Soyuze // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2019. — № 4. — S. 64–90.
4. Lushnikova M. V. Sushchnost i priroda prav rabotnika na zashchitu dostoinstva, trudovoy chesti i delovoy reputatsii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2010. — Vyp. 1 (7). — S. 32–37.
5. Rassolov I. M., Chubukova S. G., Mikurova I. V. Biometriya v kontekste personalnykh dannykh i geneticheskoy informatsii: pravovye problemy // Lex russica. — 2019. — № 1. — S. 108–118.
6. Savelev A. I. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federalnomu zakonu «O personalnykh dannykh». — М.: Statut, 2017. — 317 s.
7. Tal L. S. Trudovoy dogovor: tsivilisticheskoe issledovanie. — М.: Statut, 2006.
8. Трудовое право: национальное и международное измерение: монография: в 2 т. Т. 1: Общие проблемы современного трудового права / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. — М.: Норма, 2022. — 608 с.
9. Filipova I. A. Transformatsiya pravovogo regulirovaniya truda v tsifrovom obshchestve. Iskusstvennyy intellekt i трудовое право: nauchnoe izdanie. — N. Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet imeni N.I. Lobachevskogo, 2019. — 89 s.
10. He S., Lei Y., Zhang Z., Sun Y., Li S., Zhang C., Ye J. Identity deepfake threats to biometric authentication systems: Public and expert perspectives // arXiv. — June 7, 2025. — URL: <https://arxiv.org/abs/2506.06825>.
11. Person identification, human rights and ethical principles: Rethinking biometrics in the era of artificial intelligence (PE 697.191, December 2021) / European Parliamentary Research Service; Scientific Foresight Unit. — European Union, 2021.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.119-131

Э. В. Шамехина*

Информационные технологии как источник коррупционной криминальной опасности

Аннотация. Современное развитие общества сопровождается масштабными преобразованиями, связанными с расширением возможностей и повсеместным использованием информационных технологий. Существенное изменение социальных условий приводит к качественной трансформации коррупционной преступности, в то время как традиционные подходы к противодействию ей утрачивают состоятельность. В этой связи актуальность приобретает формирование теории антикоррупционной криминологической безопасности, основная идея которой заключается в смещении акцентов с карательного реагирования на преступность как источник опасности на формирование целостной системы защитных механизмов, обеспечивающих устойчивость и адаптивность объектов охраны к изменяющемуся спектру коррупционных криминальных угроз. Двойственное положение в контексте данной теории занимают информационные технологии. Благодаря социальной и инфраструктурной значимости они выступают центральным объектом антикоррупционной криминологической безопасности. Одновременно с этим ввиду специфики функционирования и современного состояния правового регулирования информационные технологии также являются и источником коррупционной криминальной опасности. Диалектичность объекта безопасности и источника опасности предопределяет необходимость формирования комплексной стратегии обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности информационных технологий, направленной на достижение баланса между технологическим прогрессом и управлением коррупционными рисками в условиях цифровизации общества.

Ключевые слова: информационные технологии; криминологическая безопасность; антикоррупционная безопасность; антикоррупционная криминологическая безопасность; источник опасности; источник угрозы; противодействие преступности; объект безопасности; коррупция; коррупционная опасность

Для цитирования: Шамехина Э. В. Информационные технологии как источник коррупционной криминальной опасности // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 119–131. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.119-131

© Шамехина Э. В., 2026

* Шамехина Эллада Владимировна, старший преподаватель кафедры деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, директор Центра противодействия коррупции и правовых экспертиз Департамента по профилактике коррупционных правонарушений Сибирского федерального университета
ул. Маерчака, д. 6, г. Красноярск, Российская Федерация, 660075
lada.shamehina@mail.ru

Information Technology as a Source of Corruption-Related Criminal Danger

Ellada V. Shamekhina, Senior Lecturer, Department of Tort Law and Criminology, Law Institute, Siberian Federal University, Director, Center for Combating Corruption and Legal Expertise, Department for the Prevention of Corruption Offenses, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
lada.shamekhina@mail.ru

Abstract. The modern development of society is accompanied by large-scale transformations associated with the expansion of opportunities and the widespread use of information technology. Significant changes in social conditions lead to a qualitative transformation of corruption-related crime, while traditional approaches to countering it are losing their effectiveness. In this regard, the formation of a theory of anti-corruption criminological security becomes particularly relevant. The core idea of this theory is to shift the focus from punitive responses to crime as a source of danger to the development of an integrated system of protective mechanisms that ensure the resilience and adaptability of protected objects to the evolving spectrum of corruption-related criminal threats. Information technologies occupy a dual position in the context of this theory. Due to their social and infrastructural significance, they act as a central object of anti-corruption criminological security. At the same time, given the specifics of their functioning and the current state of legal regulation, information technologies also constitute a source of corruption-related criminal danger. The dialectical nature of an object of security and a source of danger determines the need to develop a comprehensive strategy for ensuring anti-corruption criminological security of information technologies. This strategy should aim to achieve a balance between technological progress and the management of corruption risks in the context of the digitalization of society.

Keywords: information technology; criminological security; anti-corruption security; anti-corruption criminological security; source of danger; source of threat; combating crime; security object; corruption; corruption threat

Cite as: Shamekhina EV. Information Technology as a Source of Corruption-Related Criminal Danger. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):119-131. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.119-131

Современная эпоха характеризуется масштабными переменами и глубокими трансформациями всех сфер общественной жизни. Стремительное развитие информационных технологий привело к формированию принципиально новой реальности, в которой традиционные институты и правила функционирования общества подвергаются существенному переосмыслению. Эти процессы неизбежно затрагивают и феномен преступности, которая приобретает новые формы и виды под влиянием социальных новаций. Криминальный ландшафт претерпевает очевидные изменения,

выраженные в модификации традиционных и возникновении совершенно новых вариаций преступного поведения. В этой связи устоявшиеся подходы к противодействию преступности, сформировавшиеся в иных исторических и социальных условиях, во многом исчерпали свой практический ресурс и не в полной мере эффективны в новых реалиях.

В современной научной литературе всё чаще подчеркивается важность развития идей криминологической безопасности как нового научного направления в криминологии¹. Ключевой особенностью теории криминологической

¹ См.: Бабаев М. М. Уголовная политика и криминологическая безопасность // Научный портал МВД России. 2008. № 3. С. 53–58; Лебедев С. Я. Криминологическая безопасность личности, общества, государства // Правовая наука на рубеже XXI столетия: 1920–2000 : сборник научных трудов. Омск, 2000. С. 13–22; Плешаков В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998; Клейменов М. П. Прогнозирование криминологической безопасности // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2001. С. 41–45; Джафарли В. Ф. Теория

безопасности является принципиальное смещение акцентов с традиционных мер борьбы с преступностью на усиление защитных функций охраняемых объектов. Такой подход подразумевает смену парадигмы антикриминальной деятельности и переход от реактивной модели противодействия преступности (реакции на уже совершенное преступление) к проактивной стратегии обеспечения безопасности (действиям на опережение). В разрезе данной концепции необходимость борьбы с преступностью не ставится под сомнение, но дополняется системой мер, направленных на повышение криминологической устойчивости охраняемых объектов. Это предполагает создание условий, при которых реализация преступных намерений становится максимально затруднительной, а потенциальные жертвы обладают достаточными ресурсами для самозащиты и нейтрализации криминальных угроз. Полагаем, что теория криминологической безопасности способна стать основанием нового системного и междисциплинарного подхода к противодействию преступности, базирующегося на формировании устойчивых иммунитетов объектов защиты к криминальным угрозам.

Постепенно в контексте теории криминологической безопасности формируются концептуальные предпосылки для становления частнонаучной криминологической теории — теории антикоррупционной криминологической безопасности, основная идея которой заключается в изменении теоретико-методологических подходов к пониманию и построению матрицы научного познания, объясняющего закономерности взаимодействия объектов охраны с источниками криминальной коррупционной опасности, а также обеспечивающего научно обос-

нованные подходы к защите объекта охраны и противодействию источнику опасности².

Базовыми категориями применительно к рассматриваемой теории выступают «объект антикоррупционной криминологической безопасности» и «источник коррупционной криминальной опасности». Примечательно, что ряд объектов может представлять одновременно в двух качествах: как ценность, которая подлежит защите и охране, а также как источник опасности, от которой ее собственно защищают и охраняют. Полагаем, что таким объектом являются информационные технологии.

Глобальная роль информационных технологий в эпоху цифровой трансформации не ставится под сомнение. Ввиду их фундаментальной социальной ценности и критической значимости для функционирования современного общества информационные технологии надлежит относить к **объектам антикоррупционной криминологической безопасности**. Поскольку сегодня подавляющее большинство сфер человеческой деятельности так или иначе зависит от функционирования различных технологических устройств и информационных систем, коррупционные посяательства на них могут иметь значительные негативные последствия в масштабах всего общества и государства. Важно подчеркнуть, что в контексте обеспечения антикоррупционной безопасности информационные технологии должны подлежать защите и как носитель информации, которая обладает самостоятельной ценностью, и как инструмент, интегрированный в процессы аналитики, принятия решений и управления. Соответственно, антикоррупционная криминологическая безопасность информационных технологий должна обеспечиваться одновременно на содержатель-

---

криминологической безопасности как базовой научной категории обеспечения защиты от преступления // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 2 (57). С. 82–86 ; Савельев А. И. Криминологическая безопасность как вид национальной безопасности // Вестник Омской юридической академии. 2019. Т. 16. № 1. С. 49–54 ; Лапин А. А. Криминологическая безопасность в стратегии национальной безопасности России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2015. № 1. С. 29–36.

² См.: Антикоррупционные меры безопасности / под ред. Н. В. Щедрина, И. А. Дамм. М. : Проспект, 2020 ; Дамм И. А. Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое направление научных исследований // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 739.

ном и процедурном уровнях, что подчеркивает сложную структуру защищаемого объекта.

В качестве **источника коррупционной криминальной опасности** информационные технологии на сегодняшний день исследованы недостаточно. Феномен опасности остается предметом научного осмысления, и в настоящее время выделяются различные подходы к его трактовке и содержательному наполнению³, а недостаточная развитость общетеоретического понимания категории «источник опасности» неизбежно создает сложности в определении сущностных характеристик его отраслевых проявлений⁴. В то же время имеющиеся теоретические наработки позволяют сделать вывод, что к источникам опасности относятся различные по своей природе объекты, субъекты и виды деятельности, которые обладают возможностью причинения вреда. С учетом данной характеристики возможность отнесения информационных технологий к категории источника коррупционной криминальной опасности будет зависеть от ответа на вопрос, обладают ли информационные технологии способностью к причинению вреда.

Полагаем, что информационным технологиям присущ определенный криминогенный потенциал ввиду следующих оснований. Во-первых, информационные технологии способствовали изменению традиционных и появлению качественно новых сфер, в которых возможна реализация коррупционных практик. Поскольку информационные технологии глубоко интегрированы во все области социальных взаимодействий, они выступают уже не просто техническим инструментарием, а инфраструк-

турой, в рамках которой строится повседневная социальная жизнь. С учетом того, что информационные технологии задействованы в системах электронного голосования, цифровых реестрах и онлайн-платформах государственных услуг, коррупционное воздействие на такие системы способно причинить ущерб фундаментальным демократическим ценностям и принципам справедливого государственного управления. Цифровая трансформация государственного управления создает критические точки уязвимости, где концентрация распорядительных функций в рамках автоматизированных систем открывает возможности для системных злоупотреблений.

Помимо трансформации уже существующих социальных сфер, информационные технологии способствовали возникновению принципиально новой среды, способной стать плацдармом для коррупционных практик. Метавселенные и платформы виртуальной реальности, представляющие собой децентрализованные цифровые экосистемы с собственными экономическими и социальными ценностями, порождают уникальные коррупционные риски. Помимо прочего, они также связаны с правовой неурегулированностью новых вселенных, а также анонимностью в виртуальном пространстве и существенно сниженными рисками обнаружения факта совершенного коррупционного деяния ввиду сложности и инновационности данных технологий. Кроме того, новые миры предоставляют широкие возможности для отмывания преступных доходов⁵, полученных в том числе коррупционным путем. В связи с возрастающими криминальными рисками объектом научного

³ См.: *Ирошников Д. В.* Безопасность как правовая категория : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021 ; *Романович А. Л.* Концепция безопасного развития социоприродных систем (философско-методологический анализ) : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2004 ; *Ярочкин В. И., Бузанова Я. В.* Теория безопасности. М. : Академический проект, 2005.

⁴ См.: *Дамм И. А.* Коррупционная преступность как источник опасности в теории антикоррупционной криминологической безопасности // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2025. Т. 18. № 8. С. 1545 ; *Она же.* Категории «опасность» и «угроза» в контексте криминологической безопасности // Сибирский антропологический журнал. 2025. Т. 9. № 2. С. 93.

⁵ *Сидоренко Э. Л.* Легализация преступных доходов с использованием DeFi: типовые схемы и индикаторы риска // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17. № 4. С. 832–833.

осмысления становится такое явление, как преступность в метавселенных⁶.

Во-вторых, информационные технологии в силу некоторых особенностей функционирования могут способствовать совершению коррупционных преступлений или облегчать их реализацию. В первую очередь это связано с относительной анонимностью и высокой степенью сложности современных технологий.

Анонимность в информационно-технологической среде представляет собой сложный, многоаспектный феномен, который формирует уникальные условия для развития и эскалации коррупционных практик. С криминологической точки зрения анонимность выступает как системообразующая детерминанта, создающая благоприятную среду для реализации коррупционных схем за счет существенного снижения рисков обнаружения, идентификации и привлечения к ответственности субъектов противоправной деятельности. В рамках теории рационального выбора преступности анонимность действует как фактор, кардинально изменяющий соотношение издержек и выгод при принятии решения о совершении коррупционного деяния. Снижение вероятности обнаружения и наказания приводит к увеличению ожидаемой полезности от коррупционного поведения, что стимулирует рост коррупционной активности среди потенциальных правонарушителей. В частности, именно на принципах анонимности владения основана концепция криптовалют, всё чаще используемых в совершении коррупционных преступлений.

Как справедливо отмечает Н. А. Лопашенко, «пришло время, когда человек не успевает за

запущенными собой же процессами, отстает от них, и чем дальше, тем это отставание будет больше»⁷. Современные информационные технологии характеризуются экспоненциально возрастающей сложностью, которая проявляется на множественных уровнях архитектуры, функционала и взаимодействия компонентов цифровых систем. Эта сложность создает уникальные возможности для коррупционных злоупотреблений, поскольку формирует асимметрию знаний между техническими специалистами, имеющими глубокое понимание системных процессов, и контролирующими субъектами, обладающими ограниченными компетенциями в сфере информационных технологий.

В управленческой и коммерческой деятельности всё чаще используют сложные алгоритмы машинного обучения, искусственного интеллекта и больших данных, функционирование которых характеризуется высокой степенью непрозрачности даже для их создателей. Этот «черный ящик» создает идеальные условия для сокрытия коррупционных манипуляций. Они могут выражаться в незаметном изменении параметров алгоритмов принятия решений в различных автоматизированных системах, например государственных закупок или распределения социальных выплат. Такие изменения могут обеспечивать системное преимущество определенных юридических или физических лиц при сохранении видимости объективности и справедливости автоматизированных процедур.

Коррупционные злоупотребления могут быть связаны с искажением алгоритмов машинного обучения с целью создания скрытых преферен-

---

⁶ См.: Бегишев И. Р., Денисович В. В. Метавселенные в уголовно-правовом измерении // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, Казань, 22 сентября 2023 г. : в 6 т. Казань : Познание, 2023. Т. 2. С. 40–44 ; Ефремова М. А., Русскиевич Е. А. Уголовно-правовые проблемы противодействия преступности в метавселенной: современное состояние и перспективы развития // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Т. 3. № 2. Р. 187–202.

⁷ Лопашенко Н. А. Новые реалии преступности в цифровом мире и в эпоху развития искусственного интеллекта и уголовно-правовая реакция на них: не стоит «прогибаться под изменчивый мир»? // Уголовный закон в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации : сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках I Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию юбилею Саратовской государственной юридической академии, Саратов, 9 июня 2021 г. Саратов : Сарат. гос. юрид. академия, 2021. С. 17.

ций для определенных категорий заявителей или участников конкурсных процедур. Поскольку современные системы искусственного интеллекта обучаются на больших массивах данных и используют сложные нейронные сети, выявление таких искажений требует глубокой технической экспертизы и значительных вычислительных ресурсов.

Существенная проблема заключается в том, что лица, ответственные за противодействие коррупции, как правило, не обладают необходимыми техническими знаниями для эффективного контроля IT-специалистов, что создает критическую уязвимость в системе безопасности. Компетентностный разрыв между управленческим звеном и техническими специалистами формирует неконтролируемые рискогенные зоны. Специалисты по противодействию коррупции, обладая в большей степени юридическими и управленческими компетенциями, в определенных случаях могут оказаться неспособными оценить правомерность действий технических специалистов. В это время технические специалисты, обладающие привилегированным доступом к критически важным информационным системам, имеют возможность стать ключевыми фигурами в новой архитектуре коррупционных рисков. Системные администраторы, программисты, разработчики баз данных, специалисты по информационной безопасности получают беспрецедентные возможности для коррупционных манипуляций, что актуализирует необходимость контроля их деятельности.

В-третьих, криминогенность информационных технологий связана с пробельностью нор-

мативно-правового регулирования цифровой среды. Стремительное развитие информационных технологий опережает формирование соответствующей правовой базы и создает правовые вакуумы, используемые в коррупционных целях. Особенно критичной является недостаточная регламентация применения технологий искусственного интеллекта, блокчейна и криптовалют.

Полагаем, что в части использования информационных технологий при совершении коррупционных преступлений необходима «цифровая настройка» УК РФ. Соглашаясь с мнением А. Е. Русскевича о том, что «цифровизация мало что добавляет и без труда “укладывается” в содержание законодательных моделей подавляющего большинства составов преступлений»⁸, полагаем: наличие информационных технологий в механизме совершения коррупционного преступления не образует некий новый, неизвестный уголовному праву состав преступления и не требует введения новых статей в УК РФ. В то же время возможны ситуации, когда некий новый цифровой объект играет существенную роль в совершении преступления, а его неотражение в диспозиции уголовно-правовой нормы влечет за собой невозможность квалифицировать данное деяние как преступное. Так, вызывал дискуссии вопрос о возможности отнесения криптовалют к предмету взяточничества⁹ в связи с тем, что в ст. 290 УК РФ содержится исчерпывающий перечень объектов, в которых может быть выражена взятка, и криптовалюты на сегодняшний день невозможно безусловно отнести ни к од-

⁸ Русскевич Е. А. Цифровизация уголовного законодательства: непростые последствия простых решений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 5 (129). С. 26–33.

⁹ См.: Антонов Т. Г. Некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 290–291.2 УК РФ, по предмету преступления // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Томск, 19–20 апреля 2018 г. : в 2 ч. / под общ. ред. В. А. Уткина. Вып. 6. Томск : Томский институт повышения квалификации работников ФСИН, 2018. Ч. 1. С. 46–49 ; Гринько С. Д. Проблемы квалификации коррупционных преступлений при использовании цифровой валюты в качестве взятки // Юрист. 2022. № 6. С. 13–16 ; Никонов П. В. Роль информационно-коммуникационных технологий и компьютерной информации в совершении коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции : сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 января 2021 г. М. : Университет прокуратуры РФ, 2021. С. 132–136.

ной из представленных категорий. Разрешение данного вопроса предложено в законодательной инициативе Следственного комитета РФ о признании цифровых валют имуществом для целей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ¹⁰. Полагаем, что в УК РФ следует отразить появление не только цифровых валют, но и иных цифровых объектов, представляющих как имущественную, так и иную ценность в современном мире. Помимо адаптации уголовного закона к нынешним социальным условиям, такое решение позволит закрыть правовые пробелы, способствующие совершению коррупционных деяний ввиду убежденности субъектов, что их действия не охватываются правовыми нормами и не влекут за собой наступление уголовной ответственности.

Следует также подчеркнуть, что осложняющим правовое регулирование элементом является транснациональный характер современных информационных технологий. В этой связи, как отмечает Т. Я. Хабриева, «возможность регулирования многих общественных отношений в пределах юрисдикции национального государства становится весьма относительной, заметно повышается роль международно-правовых регуляторов, хотя степень их воздействия на международные отношения и правовая природа инструментов отличаются большим разнообразием»¹¹. Что же касается международного сотрудничества в части противодействия высокотехнологичной преступности, то оно осложняется еще и отсутствием единой терминологической базы, поскольку «ученые-криминологи из

стран с романо-германской и англосаксонской правовыми системами используют различные термины для описания преступности в цифровой сфере»¹².

Показательным примером является попытка принятия международного акта в сфере противодействия преступности с использованием информационных технологий. С 2017 г. Российская Федерация выступает инициатором разработки универсального международного акта, который бы заложил основы для регулирования и международного сотрудничества в указанной сфере. В 2021 г. наша страна представила проект конвенции Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях¹³. Российские разработчики проекта стремились добиться максимального охвата различных преступных деяний, что отражает название конвенции. Однако в ходе переговоров, длившихся более трех лет, название конвенции было изменено, и в августе 2024 г. в ходе заключительной сессии был представлен уже Проект конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности¹⁴. Представители России отметили, что не считают «заголовок конвенции корректным и правильным образом отражающим предмет и охват документа»¹⁵.

В совокупности перечисленное свидетельствует о том, что информационные технологии успешно могут быть интегрированы в коррупционную деятельность и связаны с причинением вреда охраняемым объектам. Вместе с тем коррупциогенный потенциал информационных

¹⁰ Законопроект № 859650-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/859650-8> (дата обращения: 23.10.2025).

¹¹ Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 8.

¹² Блокчейн в цифровой криминологии: постановка проблемы / А. П. Суходолов, Е. А. Антонян, М. В. Рукинов [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 556.

¹³ Проект конвенции Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Comments/RF_28_July_2021_-_R.pdf (дата обращения: 19.10.2025).

¹⁴ Проект конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v24/055/08/pdf/v2405508.pdf> (дата обращения: 19.10.2025).

¹⁵ Киберпространство вписали в компромисс // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6890107> (дата обращения: 19.10.2025).

технологий ранее мог быть реализован только в ходе использования их человеком, который преследует преступные цели и задействует технологический инструментарий в криминальной деятельности. Полагаем допустимой аналогию с транспортным средством, которое в силу ст. 1079 ГК РФ отнесено к источникам повышенной опасности. При этом транспортное средство может рассматриваться в указанном качестве только в случае его использования по прямому функциональному назначению в ходе участия в дорожном движении. Стоящий с выключенным двигателем автомобиль не является источником повышенной опасности. В этой связи логично предположить, что вне практического использования, в стационарном состоянии информационные технологии несут определенную коррупционную криминальную опасность, однако потенциальную способность причинить вред объектам антикоррупционной криминологической безопасности приобретают только в ходе эксплуатации человеком.

Впрочем, с учетом стремительных темпов развития искусственного интеллекта и его способности функционировать без вмешательства человека поставленный вопрос о возможности информационных технологий выступать самостоятельным источником опасности требует дополнительного осмысления. Переход от классических информационных систем, полностью контролируемых оператором, к интеллектуальным платформам, обладающим элементами самоуправления и самовоспроизведения, может свидетельствовать о наличии опасности и вне поля человеческой деятельности. Возможны ситуации, при которых интеллектуальные системы будут способны самостоятельно развивать коррупционные сценарии. Такое допущение

подводит нас к дискуссии о способности искусственного интеллекта выступать субъектом права¹⁶.

Сказанное позволяет сделать вывод о потенциальной коррупционной криминальной опасности информационных технологий. При этом эскалация присущих им опасных свойств до степени реальной возможности адресного причинения вреда позволяет рассматривать информационные технологии в качественно новом состоянии **источника коррупционной криминальной угрозы**.

Полагаем: в ряде критически важных сфер степень потенциальной коррупционной опасности, порождаемой информационными технологиями, настолько высока, что фактически переходит в состояние адресной угрозы. Это происходит там, где зависимость социальных процессов от информационных технологий достигает максимума, а масштаб негативных последствий может быть критичным. К таким сферам могут быть отнесены государственное управление и политические процессы. Например, системы электронного голосования могут становиться объектом массовых атак, направленных на манипулирование результатами голосования. В данном случае опасность трансформируется в конкретную угрозу подрыва легитимности выборов.

Риски причинения вреда вследствие коррупционного использования информационных технологий крайне высоки также в сфере обеспечения защиты конфиденциальной информации. Проникновение в системы хранения и обработки конфиденциальных данных открывает широчайшие возможности неправомерного их использования, что существенно увеличивает уровень коррупционной опасности и переводит

¹⁶ См.: Шестак В. А., Волеводз А. Г., Ализаде В. А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 547–554 ; Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 2 ; Жмуров Д. В. Грехи машин: у истоков робопреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 6. С. 536–542 ; Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018 ; Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.

ее в состояние адресной угрозы. Неправомерный доступ к конфиденциальной информации может стать основой для системного шантажа и давления на отдельных лиц и институты. Например, получение доступа к личной медицинской, финансовой или корпоративной информации позволяет злоумышленникам устраивать «выбросы» компрометирующих сведений, инициировать информационные атаки, шантажировать должностных лиц или представителей крупного бизнеса, требуя взятки за неразглашение, или влиять на принятие решений.

Повышению степени опасности способствует тот факт, что «современные информационно-телекоммуникационные технологии могут быть использованы как средства террора, войны и оружия»¹⁷. Чрезвычайно опасным является риск неправомерного доступа к электросетям, системам коммунальных и транспортных инфраструктур, системам обеспечения жизнедеятельности и военно-промышленному комплексу, что способствует созданию угроз национального масштаба. Массовое вмешательство в эти системы может привести к сбоям, отключениям, авариям

и катастрофам, что не только ставит под угрозу жизни и здоровье граждан, но и подрывает основы национальной безопасности.

Таким образом, анализ свидетельствует о том, что информационные технологии занимают двойственное положение в системе теории антикоррупционной криминологической безопасности, представляя собой объект с выраженной дуалистичной природой. С одной стороны, они выступают ценностью, требующей защиты от коррупционных посягательств, ввиду их критической значимости для функционирования современного государства и общества. С другой стороны, информационные технологии обладают объективной способностью генерировать коррупционную криминальную опасность, которая в наиболее уязвимых значимых сферах может трансформироваться в адресную угрозу национальной безопасности. Единство объекта безопасности и источника опасности актуализирует необходимость формирования комплексной стратегии обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности информационных технологий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антикоррупционные меры безопасности / под ред. Н. В. Щедрина, И. А. Дамм. — М. : Проспект, 2020. — 496 с.
2. Антонов Т. Г. Некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 290–291.2 УК РФ, по предмету преступления // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Томск, 19–20 апреля 2018 г. : в 2 ч. / под общ. ред. В. А. Уткина. Вып. 6. Ч. 1. — Томск : Федеральное казенное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний», 2018. — С. 46–49.
3. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. — 2017. — № 5. — С. 157–170.
4. Бабаев М. М. Уголовная политика и криминологическая безопасность // Научный портал МВД России. — 2008. — № 3. — С. 53–58.
5. Бегишев И. Р., Денисович В. В. Мета вселенные в уголовно-правовом измерении // Цифровые технологии и право : сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, Казань, 22 сентября 2023 г. : в 6 т. Т. 2. — Казань : Познание, 2023. — С. 40–44.
6. Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. — Казань : Познание, 2020. — С. 103–104.

---

¹⁷ Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань : Познание, 2020. С. 103–104.

7. Блокчейн в цифровой криминологии: постановка проблемы / А. П. Суходолов, Е. А. Антонян, М. В. Рукинов [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13. — № 4. — С. 555–563.
8. *Гринько С. Д.* Проблемы квалификации коррупционных преступлений при использовании цифровой валюты в качестве взятки // Юрист. — 2022. — № 6. — С. 13–16.
9. *Дамм И. А.* Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое направление научных исследований // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15. — № 6. — С. 734–743.
10. *Дамм И. А.* Категории «опасность» и «угроза» в контексте криминологической безопасности // Сибирский антропологический журнал. — 2025. — Т. 9. — № 2. — С. 92–97.
11. *Дамм И. А.* Коррупционная преступность как источник опасности в теории антикоррупционной криминологической безопасности // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2025. — Т. 18. — № 8. — С. 1540–1551.
12. *Джафарли В. Ф.* Теория криминологической безопасности как базовой научной категории обеспечения защиты от преступления // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2020. — № 2 (57). — С. 82–86.
13. *Ефремова М. А., Русскевич Е. А.* Уголовно-правовые проблемы противодействия преступности в метавселенной: современное состояние и перспективы развития // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Т. 3. — № 2. — С. 187–202.
14. *Жмуров Д. В.* Грехи машин: у истоков робопреступности // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17. — № 6. — С. 536–542.
15. *Ирошников Д. В.* Безопасность как правовая категория : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 596 с.
16. *Клейменов М. П.* Прогнозирование криминологической безопасности // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. — М. : Российская криминологическая ассоциация, 2001. — С. 41–45.
17. *Лапин А. А.* Криминологическая безопасность в стратегии национальной безопасности России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2015. — № 1. — С. 29–36.
18. *Лебедев С. Я.* Криминологическая безопасность личности, общества, государства // Правовая наука на рубеже XXI столетия: 1920–2000 : сборник научных трудов. — Омск, 2000. — С. 13–22.
19. *Лопашенко Н. А.* Новые реалии преступности в цифровом мире и в эпоху развития искусственного интеллекта и уголовно-правовая реакция на них: не стоит «прогибаться под изменчивый мир»? // Уголовный закон в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации : сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках I Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию юбилею Саратовской государственной юридической академии, Саратов, 9 июня 2021 г. — Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2021. — С. 15–31.
20. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2018. — 420 с.
21. *Никонов П. В.* Роль информационно-коммуникационных технологий и компьютерной информации в совершении коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции : сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 января 2021 г. — М. : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2021. — С. 132–136.
22. *Плешаков В. А.* Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1998. — 323 с.
23. *Романович А. Л.* Концепция безопасного развития социоприродных систем (философско-методологический анализ) : дис. ... д-ра филос. наук. — М., 2004. — 418 с.

24. Русскевич Е. А. Цифровизация уголовного законодательства: непростые последствия простых решений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 5 (129). — С. 26–33.
25. Савельев А. И. Криминологическая безопасность как вид национальной безопасности // Вестник Омской юридической академии. — 2019. — Т. 16. — № 1. — С. 49–54.
26. Сидоренко Э. Л. Легализация преступных доходов с использованием DeFi: типовые схемы и индикаторы риска // Russian Journal of Economics and Law. — 2023. — Т. 17. — № 4. — С. 832–833.
27. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 9 (261). — С. 5–16.
28. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. — 2019. — Т. 10. — № 2.
29. Шамехина Э. В. Криптовалюты как предмет взяточничества: проблемы регулирования // Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XVI Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 20–21 сентября 2024 г. — Красноярск : Красноярское региональное отделение общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», 2024. — С. 404–412.
30. Шестак В. А., Волеводз А. Г., Ализаде В. А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13. — № 4. — С. 547–554.
31. Ярочкин В. И., Бузанова Я. В. Теория безопасности. — М. : Академический проект, 2005. — 173 с.

Материал поступил в редакцию 10 ноября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antikorruptsionnye mery bezopasnosti / pod red. N. V. Shchedrina, I. A. Damm. — М.: Prospekt, 2020. — 496 s.
2. Antonov T. G. Nekotorye problemy kvalifikatsii prestupleniy, predusmotrennykh statyami 290–291.2 UK RF, po predmetu prestupleniya // Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tomsk, 19–20 aprelya 2018 g.: v 2 ch. / pod obshch. red. V. A. Utkina. Vyp. 6. Ch. 1. — Tomsk: Federalnoe kazennoe obrazovatelnoe uchrezhdenie dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya «Tomskiy institut povysheniya kvalifikatsii rabotnikov Federalnoy sluzhby ispolneniya nakazaniy», 2018. — S. 46–49.
3. Arkhipov V. V., Naumov V. B. O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatelstva o robototekhnike: aspekty voli i pravosubektnosti // Zakon. — 2017. — № 5. — S. 157–170.
4. Babaev M. M. Ugolovnaya politika i kriminologicheskaya bezopasnost // Nauchnyy portal MVD Rossii. — 2008. — № 3. — S. 53–58.
5. Begishev I. R., Denisovich V. V. Metavselennyye v ugolovno-pravovom izmerenii // Tsifrovyye tekhnologii i pravo: sbornik nauchnykh trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Kazan, 22 sentyabrya 2023 g.: v 6 t. T. 2. — Kazan: Poznanie, 2023. — S. 40–44.
6. Begishev I. R., Bikeev I. I. Prestupleniya v sfere obrashcheniya tsifrovoy informatsii. — Kazan: Poznanie, 2020. — S. 103–104.
7. Blokcheyn v tsifrovoy kriminologii: postanovka problemy / A. P. Sukhodolov, E. A. Antonyan, M. V. Rukinov [i dr.] // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. — 2019. — Т. 13. — № 4. — S. 555–563.
8. Grinko S. D. Problemy kvalifikatsii korruptsionnykh prestupleniy pri ispolzovanii tsifrovoy valyuty v kachestve vzyatki // Yurist. — 2022. — № 6. — S. 13–16.
9. Damm I. A. Antikorruptsionnaya kriminologicheskaya bezopasnost kak novoe napravlenie nauchnykh issledovaniy // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. — 2021. — Т. 15. — № 6. — S. 734–743.

10. Damm I. A. Kategorii «opasnost» i «ugroza» v kontekste kriminologicheskoy bezopasnosti // Sibirskiy antropologicheskij zhurnal. — 2025. — T. 9. — № 2. — S. 92–97.
11. Damm I. A. Korruptsiennaya prestupnost kak istochnik opasnosti v teorii antikorrupcionnoy kriminologicheskoy bezopasnosti // Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki». — 2025. — T. 18. — № 8. — S. 1540–1551.
12. Dzhaferli V. F. Teoriya kriminologicheskoy bezopasnosti kak bazovoy nauchnoy kategorii obespecheniya zashchity ot prestupleniya // Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. — 2020. — № 2 (57). — S. 82–86.
13. Efremova M. A., Russkevich E. A. Ugolovno-pravovye problemy protivodeystviya prestupnosti v metavselennoy: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — T. 3. — № 2. — S. 187–202.
14. Zhmurov D. V. Grekhi mashin: u istokov roboprestupnosti // Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal. — 2023. — T. 17. — № 6. — S. 536–542.
15. Iroshnikov D. V. Bezopasnost kak pravovaya kategoriya: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2021. — 596 s.
16. Kleymenov M. P. Prognozirovaniye kriminologicheskoy bezopasnosti // Zakonomernosti prestupnosti, strategiya borby i zakon. — M.: Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2001. — S. 41–45.
17. Lapin A. A. Kriminologicheskaya bezopasnost v strategii natsionalnoy bezopasnosti Rossii // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2015. — № 1. — S. 29–36.
18. Lebedev S. Ya. Kriminologicheskaya bezopasnost lichnosti, obshchestva, gosudarstva // Pravovaya nauka na rubezhe XXI stoletiya: 1920–2000: sbornik nauchnykh trudov. — Omsk, 2000. — S. 13–22.
19. Lopashenko N. A. Novye realii prestupnosti v tsifrovom mire i v epokhu razvitiya iskusstvennogo intellekta i ugolovno-pravovaya reaktsiya na nikh: ne stoit «progibatsya pod izmenchivyy mir»? // Ugolovnyy zakon v epokhu iskusstvennogo intellekta i tsifrovizatsii: sbornik trudov po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem v ramkakh I Saratovskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma, posvyashchennogo 90-letnemu yubileyu Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii, Saratov, 9 iyunya 2021 g. — Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2021. — S. 15–31.
20. Morkhat P. M. Pravosubektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2018. — 420 s.
21. Nikonov P. V. Rol informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy i kompyuternoy informatsii v sovershenii korruptsionnykh prestupleniy, svyazannykh s dachey i polucheniem vzyatki i inymi vidami nezakonno go voznagrazhdeniya // Tsifrovye tekhnologii v borbe s prestupnostyu: problemy, sostoyanie, tendentsii: sbornik materialov I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 27 yanvarya 2021 g. — M.: Federalnoe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatelnoe uchrezhdeniye vysshego obrazovaniya «Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii», 2021. — S. 132–136.
22. Pleshakov V. A. Kriminologicheskaya bezopasnost i ee obespechenie v sfere vzaimovliyaniya organizovannoy prestupnosti i prestupnosti nesovershennoletnikh: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1998. — 323 s.
23. Romanovich A. L. Kontseptsiya bezopasnogo razvitiya sotsioprirodnykh sistem (filosofsko-metodologicheskij analiz): dis. ... d-ra filos. nauk. — M., 2004. — 418 s.
24. Russkevich E. A. Tsifrovizatsiya ugolovnogo zakonodatelstva: neprostyle posledstviya prostykh resheniy // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2025. — № 5 (129). — S. 26–33.
25. Savelev A. I. Kriminologicheskaya bezopasnost kak vid natsionalnoy bezopasnosti // Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii. — 2019. — T. 16. — № 1. — S. 49–54.
26. Sidorenko E. L. Legalizatsiya prestupnykh dokhodov s ispolzovaniem DeFi: tipovye skhemy i indikatory riska // Russian Journal of Economics and Law. — 2023. — T. 17. — № 4. — S. 832–833.
27. Khabrieva T. Ya. Pravo pered vyzovami tsifrovoy realnosti // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2018. — № 9 (261). — S. 5–16.

28. Khisamova Z. I., Begishev I. R. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta // Baikal Research Journal. — 2019. — Т. 10. — № 2.
29. Shamekhina E. V. Kriptovalyuty kak predmet vzyatochnichestva: problemy regulirovaniya // Eniseyskie politiko-pravovye chteniya: sbornik nauchnykh statey po materialam XVI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnoyarsk, 20–21 sentyabrya 2024 g. — Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe regionalnoe otdelenie obshcherossiyskoy obshchestvennoy organizatsii «Assotsiatsiya yuristov Rossii», 2024. — S. 404–412.
30. Shestak V. A., Volevodz A. G., Alizade V. A. O vozmozhnosti doktrinalnogo vospriyatiya sistemoy obshchego prava iskusstvennogo intellekta kak subekta prestupleniya: na primere ugovnogo zakonodatelstva SShA // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2019. — Т. 13. — № 4. — S. 547–554.
31. Yarochkin V. I., Buzanova Ya. V. Teoriya bezopasnosti. — M.: Akademicheskii proekt, 2005. — 173 s.

Особенности определения места онлайн-арбитража

Аннотация. Рассмотрение споров в онлайн-арбитраже происходит преимущественно в цифровой среде и не имеет физической связи с каким-либо местом реального мира, что обуславливает постановку вопроса о возможности определить место онлайн-арбитража. В статье делается вывод о том, что место онлайн-арбитража, как и место арбитража в традиционном арбитражном разбирательстве, является юридической фикцией, не зависящей от реального места рассмотрения спора. Место онлайн-арбитража может определяться соглашением сторон. В случае отсутствия такого соглашения место онлайн-арбитража устанавливается арбитражным институтом или арбитрами, рассматривающими конкретный спор, с учетом фактических обстоятельств дела, обстоятельств, связанных с процессом рассмотрения спора, качества регулирования и правоприменительной практики в потенциальном месте онлайн-арбитража, а также удобства сторон. Дополнительно при определении места онлайн-арбитража арбитрам необходимо учитывать принадлежность сайта, используемого для рассмотрения спора, к национальной доменной зоне определенного государства, местонахождение поставщика онлайн-услуг, возможность проведения онлайн-разбирательства в государственных судах места арбитража, направленность деятельности участников спора в сети Интернет и т.д. Анализируя данные обстоятельства, арбитрам следует руководствоваться проарбитражным подходом и стремиться выбрать наиболее благоприятный для арбитражного разбирательства правопорядок, гарантирующий эффективное рассмотрение спора и последующее исполнение решения онлайн-арбитража.

Ключевые слова: онлайн-арбитраж; место арбитража; делокализация; киберпространство; сеть Интернет; место проведения слушаний; место администрирования спора; местонахождение сервера; национальные домены; поставщик онлайн-услуг

Для цитирования: Бочарова А. М. Особенности определения места онлайн-арбитража // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 132–140. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.132-140

© Бочарова А. М., 2026

* Бочарова Анна Михайловна, аспирант кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), старший юрист Московской городской коллегии адвокатов «Горбачев и партнеры»
Свободный просп., д. 9, корп. 1, оф. 136, г. Москва, Российская Федерация, 111555
annetabo4@mail.ru

Features of Determining the Seat of Online Arbitration

Anna M. Bocharova, Postgraduate Student, Department of International Private Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Senior Lawyer, Gorbachev & Partners Moscow City Bar Association, Moscow, Russian Federation
annetabo4@mail.ru

Abstract. Online arbitration is predominantly conducted in a digital environment, lacking any physical connection to a specific geographical location. This raises the question of whether and how the seat of online arbitration can be determined. The paper argues that the seat of online arbitration, similar to that in traditional arbitration, constitutes a legal fiction independent of the actual place where the dispute is adjudicated. The seat may be expressly agreed by the parties. In the absence of such an agreement, the arbitral institution or the arbitral tribunal shall determine the seat, taking into account the factual circumstances of the case, procedural aspects of the dispute resolution, the quality of legal regulation and law enforcement practice in potential jurisdictions, and the convenience of the parties. In determining the seat of online arbitration, additional relevant factors include the national domain affiliation of the platform used for dispute resolution, the location of the online service provider, the possibility of conducting online proceedings in the state courts of the arbitration seat, the nature of the parties' activities on the Internet, etc. In analyzing these factors, arbitrators should follow a pro-arbitration approach and strive to select the most favorable legal order for the arbitration, one that guarantees effective dispute resolution and subsequent enforcement of the online arbitration award.

Keywords: online arbitration; seat of arbitration; delocalization; cyberspace; the Internet; place of hearings; place of dispute administration; server location; national domains; online service provider

Cite as: Bocharova AM. Features of Determining the Seat of Online Arbitration. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):132-140. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.132-140

Место арбитража является одной из ключевых концепций в области третейского разбирательства. В соответствии со ст. V(1)(a) Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.)¹ (далее — Нью-Йоркская конвенция 1958 г.) и ст. VI(2)(c) Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21 апреля 1961 г.)² в случае отсутствия прямого выбора сторон право страны места арбитража применимо к арбитражному соглашению. Кроме того, право места арбитража является применимым процессуальным правом, которому в силу ст. V(1)(d) Нью-Йоркской конвенции 1958 г. должен соответствовать порядок формирования арбитражного органа и арбитражный процесс. В случае несоответствия состава арбитражного органа и арбитражного процесса в части, не

урегулированной соглашением сторон, праву страны места арбитража в признании и приведении в исполнение арбитражного решения будет отказано.

Не меньшее значение имеет место арбитража для решения вопроса о применении Нью-Йоркской конвенции 1958 г. Так, согласно ст. 1(1) Конвенции она применяется в отношении признания и приведения в исполнение арбитражных решений, вынесенных на территории государства иного, чем то, где испрашивается их исполнение, т.е. имеющих место арбитража на территории иного государства. Кроме того, важно учитывать, что многие страны (Аргентина, Индия, Китай, Куба, США и т.д.) на основании ст. 1(3) Конвенции сделали оговорку о ее применении только в отношении решений, вынесенных на территории другого договаривающегося государства. То есть для применения

---

¹ URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf> (дата обращения: 24.08.2025).

² URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900049> (дата обращения: 20.08.2025).

Конвенции в этих странах необходимо не только определить, является ли решение внешним, но и точно установить, что оно вынесено с местом арбитража в одном из государств — участников Нью-Йоркской конвенции 1958 г.³

Важно учитывать, что в силу ст. V(1)(e) Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и ст. IX Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже отмена арбитражного решения, которая влечет за собой отказ в признании и приведении его в исполнение, входит в компетенцию государственных судов страны места арбитража. К компетенции данных судов относится также оказание содействия в проведении арбитражного разбирательства, которое может иметь существенное значение для успешного рассмотрения спора.

Следовательно, правильное определение места арбитража играет важную роль как для самого арбитражного разбирательства, так и для последующего исполнения вынесенного по его итогам решения по правилам Нью-Йоркской конвенции 1958 г.⁴ Данный вывод в равной степени актуален как для традиционного арбитража, так и для онлайн-арбитража, представляющего собой процесс разрешения частноправовых споров, переданных на основании взаимного согласия сторон в негосударственный орган, который выносит обязательное для сторон решение в рамках арбитражных процедур, основанных на применении комплекса

специализированных технологий, обеспечивающих проведение разбирательства в цифровой среде⁵.

Тем не менее в отношении онлайн-арбитража некоторые отечественные и зарубежные исследователи указывают на наличие сложностей с определением места арбитража⁶. По мнению авторов, данные сложности вызваны тем, что рассмотрение споров в онлайн-арбитраже проходит в цифровой среде и не имеет связи с каким-либо местом реального мира. Отсутствие такой связи, а также внетерриториальность киберпространства указывают на высокую степень делокализации арбитражного разбирательства и не позволяют определить место онлайн-арбитража традиционными методами⁷.

Так, С. А. Курочкин считает, что трудности с определением места онлайн-арбитража связаны с тем, что онлайн-арбитраж полностью децентрализован. Он не предполагает физического проведения слушаний и может проходить полностью вне какого-либо конкретного места, что не позволяет связать арбитражное разбирательство с каким-либо правопорядком и определить его место⁸.

Сходным образом рассматриваемую проблему формулируют Д. Гирсбергер и Д. Шрамм: проведение арбитражного разбирательства в сети Интернет разрывает его связь с реальным миром и, как следствие, создает сложности с определением места арбитража и последую-

³ Борн Г. Международный арбитраж: право и практика / пер. с англ. под ред. Н. А. Бабаджаняна. М. : Росин-т современ. арбитража, 2020. С. 202.

⁴ Международный коммерческий арбитраж : учебник / С. А. Абесадзе, Т. К. Андреева, В. Н. Ануров [и др.] ; отв. ред. Т. А. Лунаева ; науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Редакция журнала «Третейский суд» ; М. : Статут, 2018. С. 561–563.

⁵ Бочарова А. М. Перспективы создания в рамках БРИКС единого механизма разрешения споров в сфере электронной коммерции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3 (127). С. 214.

⁶ См.: Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: правовые аспекты // Право в сфере Интернета : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018. С. 479 ; Терехов В. В., Лунгу И. Понятие и ключевые особенности онлайн-разрешения споров // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 170–171 ; Solovay N., Reed C. The Internet and Dispute Resolution: Untangling the Web. New York, 2003. P. 2–36 ; Girsberger D., Schramm D. Cyber-arbitration // European Business Organization Law Review. 2002. Vol. 3. Issue 3. P. 622–624.

⁷ Курочкин С. А. Новейшие течения в зарубежной доктрине международного коммерческого арбитража: краткий обзор // Вестник гражданского процесса. 2015. № 6. С. 60.

⁸ Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: правовые аспекты. С. 479.

щим признанием и приведением в исполнение его решений⁹.

Тем не менее значительное число специалистов полагает, что проблема определения места онлайн-арбитража по большей части надуманна¹⁰. Обосновывается это тем, что в законодательстве большинства развитых государств место арбитража является исключительно юридической привязкой, позволяющей установить связь арбитражного разбирательства с определенным правовым порядком. Оно не основывается на физической связи арбитражного разбирательства с какой-либо географической точкой и может не совпадать с местом проведения слушаний или местом администрирования спора¹¹. В месте арбитража вообще может не совершаться каких-либо процессуальных действий, тем не менее именно оно будет считаться местом вынесения арбитражного решения¹².

В традиционном арбитражном разбирательстве место арбитража определяется на основании воли сторон, а в случае отсутствия такого волеизъявления устанавливается либо арбитражным учреждением, либо арбитрами, рассматривающими конкретный спор. Такой подход к определению места арбитража полностью соответствует положениям Нью-Йоркской конвенции 1958 г., вследствие чего нет никаких оснований не применять его в отношении онлайн-арбитража, тем более что он полностью решает вышеобозначенную проблему с определением места онлайн-арбитража¹³.

Например, А. А. Панов считает, что сформировавшиеся в рамках традиционного арбитражного разбирательства подходы к определению места арбитража в полной мере уместны и для онлайн-арбитража. Автор подчеркивает: вне зависимости от того, идет ли речь о традиционном или онлайн-арбитраже, большинство современных правовых порядков признают автономия воли сторон в выборе места арбитража, а при отсутствии такого выбора оставляют данный вопрос на усмотрение состава арбитража или арбитражного института. Такой порядок применяется и в случае, если слушаний по спору не проводится и состав арбитража принимает решение на основании имеющихся в деле документов, что также указывает на его применимость к онлайн-арбитражу¹⁴.

Аналогичной точки зрения придерживается и целый ряд зарубежных авторов. Французская исследовательница М. Филипп отмечает, что определение места арбитражного разбирательства в традиционном арбитраже преследует ту же цель, что и в онлайн-арбитраже. Проведение арбитражного разбирательства в онлайн-формате не влияет на право сторон самостоятельно определить место арбитража. У судов же отсутствуют какие-либо основания не согласиться с выбором сторон из-за того, что в этом месте не проводилось никаких процессуальных действий, так как то же самое может произойти и в традиционном арбитражном разбирательстве¹⁵.

---

⁹ Girsberger D., Schramm D. Op. cit. P. 622–623.

¹⁰ См.: Панов А. А. Онлайн-арбитраж: проблемы, решения, перспективы // Новые горизонты международного арбитража. Вып. 2 : сборник статей / под ред. А. В. Асоскова, А. И. Муранова, Р. М. Ходыкина. М. : Инфотропик Медиа, 2014. С. 130 ; Пучков В. О. Онлайн-арбитраж в России и за рубежом: коллизионные аспекты правового регулирования // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 120–122 ; Philippe M. Where is everyone going with online dispute resolution (ODR)? // International Business Law Journal. 2002. No. 2. P. 169–170 ; Amro I. The Use of Online Arbitration in the Resolution of International Commercial Disputes // Vindobona Journal of International Commercial Law & Arbitration. 2014. Vol. 18. P. 139–140.

¹¹ Международный коммерческий арбитраж : учебник. С. 565–566.

¹² Бибииков С. Е. Понятия места арбитража при рассмотрении спора между двумя национальными юридическими лицами в иностранном арбитраже // Проблемы права. 2019. № 5 (74). С. 71.

¹³ Amro I. Op. cit. P. 139–140.

¹⁴ Панов А. А. Указ. соч. С. 130–131.

¹⁵ Philippe M. Op. cit. P. 169–170.

Такая позиция представляется обоснованной. Онлайн-арбитраж по своей правовой природе является арбитражным разбирательством. Проведение такого разбирательства в онлайн-формате не должно влиять на применение сформировавшегося в доктрине и практике подхода к определению места арбитража, тем более что данный подход полностью соответствует специфике онлайн-арбитража и без труда позволяет определить его место.

В качестве дополнительного аргумента в пользу данной точки зрения можно отметить, что некоторые авторы, признающие сложности с определением места онлайн-арбитража, приходят к аналогичному выводу. С. А. Курочкин, исследуя проблему определения места онлайн-арбитража, подчеркивает: данный механизм разрешения споров не ущемляет права сторон самостоятельно выбрать место арбитража, либо прямо его указав, либо сделав отсылку к применимым правилам арбитража, в которых указано место арбитража. В случае отсутствия такого выбора определить место арбитража могут арбитры¹⁶.

Соответственно, стороны, планирующие передать тот или иной спор на рассмотрение в онлайн-арбитраж, вправе самостоятельно выбрать место арбитража, прямо или косвенно отразив свой выбор в арбитражном соглашении. С учетом значения места арбитража для рассмотрения спора и последующего исполнения арбитражного решения, а также отсутствия полноценного правового регулирования онлайн-арбитража в большинстве национальных правовых порядков сторонам следует максимально внимательно подходить к такому выбору. Последствием неудачного выбора места онлайн-арбитража может стать отказ в признании и приведении в исполнение арбитражного решения

или его отмена государственным судом страны места арбитража.

В случае если стороны самостоятельно не выбрали место арбитража, установить его должны арбитражный институт либо арбитры, непосредственно рассматривающие спор. При этом далеко не все центры онлайн-арбитража устанавливают в своих регламентах место арбитража¹⁷, в связи с чем арбитрам достаточно часто приходится определять его самостоятельно.

В доктрине существует несколько подходов к определению места онлайн-арбитража в отсутствие прямого волеизъявления сторон. В рамках данных подходов местом онлайн-арбитража предлагается считать места: нахождения сервера¹⁸, регистрации центра онлайн-арбитража, регистрации веб-сайта, проживания арбитров, нахождения поставщика онлайн-услуг¹⁹, место, в котором находятся арбитры в момент отправки и получения электронных сообщений, и т.д.²⁰

Так, С. А. Курочкин при отсутствии соглашения сторон считает, что местом онлайн-арбитража может быть признано место, где находится сервер либо арбитр в момент отправки и получения электронных сообщений²¹.

Несколько иной точки зрения придерживается И. Амро. Данный автор полагает, что в случае рассмотрения спора в институциональном арбитраже при отсутствии прямого волеизъявления сторон местом арбитража должно быть место нахождения поставщика онлайн-услуг. В случае рассмотрения спора в арбитраже *ad hoc* место арбитража должно определяться исходя из обстоятельств дела и первоначального намерения сторон спора. При этом в спорах между предпринимателями местом арбитража может быть место исполнения договора, а в спорах с участием потребителей — место, где находится потребитель как более слабая сторона²².

¹⁶ Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: правовые аспекты. С. 479.

¹⁷ Засемкова О. Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // *Lex russica*. 2020. № 4. С. 18.

¹⁸ Girsberger D., Schramm D. *Op. cit.* P. 623.

¹⁹ Amro I. *Op. cit.* P. 139–140.

²⁰ Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: правовые аспекты. С. 479.

²¹ Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: правовые аспекты. С. 479.

²² Amro I. *Op. cit.* P. 140.

Тем не менее целесообразность применения некоторых из вышеобозначенных критериев для определения места онлайн-арбитража представляется сомнительной. Например, может быть затруднительно установить место арбитража, ориентируясь на место проживания или нахождения арбитров. Формат онлайн-арбитража предполагает, что арбитры могут находиться в любой точке мира и ни разу на протяжении всего разбирательства не собираться в одном месте. Вследствие этого встает вопрос: что считать местом арбитража, если арбитры находятся в разных государствах или в ходе рассмотрения дела перемещаются из одного государства в другое? Однозначного ответа на данный вопрос нет, в результате чего применение рассматриваемого критерия в отношении онлайн-арбитража видится нецелесообразным.

Неоправданным представляется применение критерия местонахождения сервера. На сегодняшний день многие государства распространяют свою юрисдикцию на расположенную на их территории технологическую инфраструктуру, а также на информацию, хранимую и обрабатываемую при помощи такой инфраструктуры²³. Делается это для обеспечения информационной безопасности государства, но не свидетельствует о какой-либо реальной связи арбитражного разбирательства с местом нахождения сервера. Размещение сервера является вопросом технического характера, решение которого не связано с поиском оптимальной для онлайн-арбитража юрисдикции. Местонахождение сервера может не иметь отношения ни к рассматриваемому спору, ни к процессу его рассмотрения, ни к конкретному арбитражному учреждению, вследствие чего применение данного критерия не отвечает интересам арбитражного разбирательства.

В данном случае более оправданной кажется привязка места онлайн-арбитража к доменной зоне веб-сайта, на котором проводится арбитражное разбирательство. Национальные до-

мены верхнего уровня позволяют достаточно эффективно разделить сеть Интернет на сегменты, относящиеся к юрисдикции того или иного государства²⁴, вследствие чего проведение арбитражного разбирательства на сайте с национальным доменом явно указывает на связь арбитража с правопорядком определенного государства. Вместе с тем применение данного критерия имеет ряд недостатков. Во-первых, кроме национальных доменов существует целый ряд функциональных доменов верхнего уровня (.com, .org, .art, .biz, .edu и т.д.), к которым данный критерий применен быть не может. Во-вторых, проведение разбирательства в национальной доменной зоне, как и на территории определенного государства, вовсе не означает, что это государство обязательно должно быть местом арбитража, хотя и указывает на такую возможность. Соответственно, принадлежность сайта к конкретной доменной зоне может учитываться при определении места онлайн-арбитража, но не может выступать универсальным критерием, которым следует руководствоваться арбитрам.

Может приниматься во внимание при определении места онлайн-арбитража местонахождение поставщика онлайн-услуг. Такими услугами в случае с онлайн-арбитражем являются услуги цифровой платформы, в рамках которой рассматривается и администрируется спор. Данные критерии указывают на связь арбитражного разбирательства с определенным правопорядком, что может приниматься во внимание при определении места арбитража, но при этом не может рассматриваться в качестве универсального критерия, так как место арбитража не находится в прямой зависимости от места администрирования спора.

Таким образом, ни один из вышеперечисленных критериев нельзя признать в полной мере подходящим для определения места онлайн-арбитража. Как и в традиционном арбитражном разбирательстве, оно не может устанавливаться на основании единого универсального крите-

---

²³ Терентьева Л. В. Судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам в киберпространстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 132.

²⁴ Терентьева Л. В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // Lex russica. 2019. № 4. С. 144.

рия и требует поиска более сложных решений, обеспечивающих выбор оптимального право-порядка.

Например, согласно ст. 20 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже в случае отсутствия прямого выбора сторон место арбитража определяется арбитражным судом с учетом обстоятельств дела, включая фактор удобства сторон²⁵. При этом обстоятельствами дела считаются и фактические обстоятельства рассматриваемого спора, и обстоятельства, связанные с процессом рассмотрения спора (например, территориальная и транспортная доступность предполагаемого места арбитража, расходы, которые необходимо понести сторонам спора, место администрирования спора и т.д.)²⁶.

Как следствие, арбитрам для установления места арбитража необходимо проанализировать всю совокупность связанных с рассматриваемым спором обстоятельств и выбрать оптимальный правовой порядок, обеспечивающий эффективное рассмотрение конкретного спора. Анализ значительного числа обстоятельств, перечень которых ничем не ограничен, затрудняет процесс определения места арбитража, но при этом делает его более гибким и эффективным.

Представленный в Типовом законе ЮНСИТРАЛ подход к определению места арбитража на сегодняшний день воспринят многими государствами (Россией, Бразилией, Германией, Индией, Испанией, США и т.д.) и может быть достаточно эффективен и в отношении онлайн-арбитража.

Вместе с тем особенности рассмотрения спора в цифровой среде требуют некоторой адаптации перечня обстоятельств, подлежащих анализу при определении места онлайн-арбитража. В частности, арбитрам необходимо дополнительно учитывать принадлежность сайта, используемого для рассмотрения спора, к национальной доменной зоне определенного государства, местонахождение поставщика онлайн-услуг, возможность проведения онлайн-

разбирательства в государственных судах места арбитража, направленность деятельности участников спора в сети Интернет и т.д.

Отдельное внимание арбитрам следует уделять наличию в законодательстве предполагаемого места арбитража правового регулирования, допускающего рассмотрение споров в онлайн-арбитраже. Связано это с тем, что у данного механизма разрешения споров есть особенности, отличающие его от традиционного арбитражного разбирательства и на сегодняшний день признаваемые далеко не всеми национальными правовыми порядками.

Критерий удобства сторон также должен учитываться при определении места онлайн-арбитража. В условиях, когда спор рассматривается преимущественно в цифровой среде, удобство места арбитража с точки зрения территориальной доступности уже не играет ключевой роли. Однако арбитрам всё же следует учитывать такие обстоятельства, как территориальная доступность судов государства места арбитража, расходы, которые могут понести стороны спора, доступность и стоимость услуг представителей в предполагаемом месте арбитража и т.д.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что место онлайн-арбитража определяется соглашением сторон, а в случае отсутствия такого соглашения устанавливается арбитражным институтом или арбитрами, рассматривающими конкретный спор с учетом обстоятельств дела, включая фактор удобства сторон. Дополнительно при определении места онлайн-арбитража арбитрам следует учитывать целый ряд обстоятельств, связанных с особенностями рассмотрения споров в цифровой среде:

- фактические обстоятельства рассматриваемого спора (например, направленность деятельности участников спора в сети Интернет на территорию определенного государства);

- обстоятельства, связанные с процессом рассмотрения спора в онлайн-арбитраже (например, национальный домен сайта, на кото-

²⁵ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (с изменениями, принятыми в 2006 г.) // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/07-87000_ebook.pdf (дата обращения: 19.08.2025).

²⁶ Международный коммерческий арбитраж : учебник. С. 580.

ром рассматривается спор, местонахождение поставщика онлайн-услуг, место регистрации центра онлайн-арбитража);

— качество регулирования и правопримени-
тельной практики в потенциальном месте он-
лайн-арбитража (например, наличие в законо-

дательстве предполагаемого места арбитража
правового регулирования, допускающего рас-
смотрение споров в онлайн-формате, призна-
ние действительными арбитражных соглаше-
ний, заключенных с использованием современ-
ных средств коммуникации).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бибииков С. Е. Понятия места арбитража при рассмотрении спора между двумя национальными юри-
дическими лицами в иностранном арбитраже // Проблемы права. — № 5 (74). — 2019. — С. 70–73.
2. Борн Г. Международный арбитраж: право и практика / пер. с англ. под ред. Н. А. Бабаджаняна. — М. :
Российский институт современного арбитража, 2020. — 870 с.
3. Бочарова А. М. Перспективы создания в рамках БРИКС единого механизма разрешения споров в
сфере электронной коммерции // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. —
№ 3 (127). — С. 212–219.
4. Засемкова О. Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // Lex russica. —
2020. — № 4. — С. 9–20.
5. Курочкин С. А. Новейшие течения в зарубежной доктрине международного коммерческого арбитража:
краткий обзор // Вестник гражданского процесса. — 2015. — № 6. — С. 42–68.
6. Курочкин С. А. Онлайн-арбитраж: правовые аспекты // Право в сфере Интернета : сборник статей /
рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2018. — С. 476–494.
7. Международный коммерческий арбитраж : учебник / С. А. Абесадзе, Т. К. Андреева, В. Н. Ануров
[и др.] ; отв. ред. Т. А. Лунаева ; науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов. —
2-е изд., перераб. и доп. — СПб. : Редакция журнала «Третейский суд» ; М. : Статут, 2018. — 965 с.
8. Панов А. А. Онлайн-арбитраж: проблемы, решения, перспективы // Новые горизонты международного
арбитража. Вып. 2 : сборник статей / под ред. А. В. Асоскова, А. И. Муранова, Р. М. Ходыкина. — М. :
Инфотропик Медиа, 2014. — С. 111–153.
9. Пучков В. О. Онлайн-арбитраж в России и за рубежом: коллизионные аспекты правового регулиро-
вания // Арбитражные споры. — 2018. — № 4. — С. 119–125.
10. Терентьева Л. В. Судебная юрисдикция по трансграничным частноправовым спорам в киберпро-
странстве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 442 с.
11. Терентьева Л. В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпростран-
стве // Lex russica. — 2019. — № 4. — С. 139–150.
12. Терехов В. В., Лунгу И. Понятие и ключевые особенности онлайн-разрешения споров // Вестник граж-
данского процесса. — 2021. — № 4. — С. 153–178.
13. Amro I. The Use of Online Arbitration in the Resolution of International Commercial Disputes // Vindobona
Journal of International Commercial Law & Arbitration. — 2014. — Vol. 18. — P. 129–147.
14. Girsberger D., Schramm D. Cyber-Arbitration // European Business Organization Law Review. — 2002. —
Vol. 3. — Issue 3. — P. 611–628.
15. Philippe M. Where is everyone going with online dispute resolution (ODR)? // International Business Law
Journal. — 2002. — No. 2. — P. 167–211.
16. Solovay N., Reed C. The Internet and Dispute Resolution: Untangling the Web. — New York, 2003. — 650 p.

Материал поступил в редакцию 21 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bibikov S. E. Ponyatiya mesta arbitrazha pri rassmotrenii spora mezhdu dvumya natsionalnymi yuridicheskimi litsami v inostrannom arbitrazhe // Problemy prava. — № 5 (74). — 2019. — S. 70–73.
2. Born G. Mezhdunarodnyy arbitrazh: pravo i praktika / per. s angl. pod red. N. A. Babadzhanyana. — M.: Rossiyskiy institut sovremennogo arbitrazha, 2020. — 870 s.
3. Bocharova A. M. Perspektivy sozdaniya v ramkakh BRIKS edinogo mekhanizma razresheniya sporov v sfere elektronnoy kommertsii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2025. — № 3 (127). — S. 212–219.
4. Zasemkova O. F. O sposobakh razresheniya sporov, vznikayushchikh iz smart-kontraktov // Lex russica. — 2020. — № 4. — S. 9–20.
5. Kurochkin S. A. Noveyshie techeniya v zarubezhnoy doktrine mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha: kratkiy obzor // Vestnik grazhdanskogo protsesssa. — 2015. — № 6. — S. 42–68.
6. Kurochkin S. A. Onlayn-arbitrazh: pravovye aspekty // Pravo v sfere Interneta: sbornik statey / ruk. avt. kol. i otv. red. M. A. Rozhkova. — M.: Statut, 2018. — S. 476–494.
7. Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh: uchebnik / S. A. Abesadze, T. K. Andreeva, V. N. Anurov [i dr.]; otv. red. T. A. Lunaeva; nauch. red. O. Yu. Skvortsov, M. Yu. Savranskiy, G. V. Sevastyanov. — 2-e izd., pererab. i dop. — SPb.: Redaktsiya zhurnala «Treteyskiy sud»; M.: Statut, 2018. — 965 s.
8. Panov A. A. Onlayn-arbitrazh: problemy, resheniya, perspektivy // Novye gorizonty mezhdunarodnogo arbitrazha. Vyp. 2: sbornik statey / pod red. A. V. Asoskova, A. I. Muranova, R. M. Khodykina. — M.: Infotropik Media, 2014. — S. 111–153.
9. Puchkov V. O. Onlayn-arbitrazh v Rossii i za rubezhom: kollizionnye aspekty pravovogo regulirovaniya // Arbitrazhnye spory. — 2018. — № 4. — S. 119–125.
10. Terenteva L. V. Sudebnaya yurisdiksiya po transgranichnym chastnopravovym sporam v kiberprostranstve: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2021. — 442 s.
11. Terenteva L. V. Territorialnyy aspekt yurisdiksii i suvereniteta gosudarstva v kiberprostranstve // Lex russica. — 2019. — № 4. — S. 139–150.
12. Terekhov V. V., Lungu I. Ponyatie i klyuchevye osobennosti onlayn-razresheniya sporov // Vestnik grazhdanskogo protsesssa. — 2021. — № 4. — S. 153–178.
13. Amro I. The Use of Online Arbitration in the Resolution of International Commercial Disputes // Vindobona Journal of International Commercial Law & Arbitration. — 2014. — Vol. 18. — P. 129–147.
14. Girsberger D., Schramm D. Cyber-Arbitration // European Business Organization Law Review. — 2002. — Vol. 3. — Issue 3. — P. 611–628.
15. Philippe M. Where is everyone going with online dispute resolution (ODR)? // International Business Law Journal. — 2002. — No. 2. — P. 167–211.
16. Solovay N., Reed C. The Internet and Dispute Resolution: Untangling the Web. — New York, 2003. — 650 p.

Правовые режимы поддержки и развития технологических стартап-проектов на основе анализа зарубежных практик отдельных стран БРИКС

Аннотация. В современных условиях необходимости динамичного технологического развития экономики, достижения технологического лидерства в различных отраслях производства и экономики в целом особое значение приобретают эффективные меры поддержки, включая правовое обеспечение деятельности отечественных технологических стартапов, их развития. Действительно, именно стартапы как новые бизнес-решения, которые только запускаются, имеют инновационную направленность, способны обеспечить разработку и эффективное внедрение в производственные процессы высокотехнологичных решений, сократить технологическое отставание, обеспечить решение задач импортозамещения. При правильном организационно-правовом подходе к деятельности таких компаний имеются серьезные перспективы масштабирования подобных проектов, решения задач, связанных с ростом производства, повышением качества и конкурентоспособности продукции, освоения зарубежных рынков при реализации инновационных экспортных стратегий. При этом сохраняются серьезные риски, связанные с инновационным характером соответствующей деятельности, высокой вероятностью недостижения требуемой результативности. Рассматривается опыт России, Бразилии, Индии и Китая по принятию организационно-правовых мер, направленных на реализацию и поддержку технологических стартап-проектов.

Ключевые слова: технологические стартапы; технологическое лидерство; технологические компании; инвестиции; правовые режимы; зарубежный опыт; интеллектуальная собственность; Россия; Китай; Бразилия; Индия

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Правовые режимы поддержки и развития технологических стартап-проектов на основе анализа зарубежных практик отдельных стран БРИКС // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 141–154. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.141-154

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Шахназаров Б. А., 2026

* Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ben_raf@mail.ru

Legal Regimes for Supporting and Developing Technology Startup Projects: An Analysis of Foreign Practices in Selected BRICS Countries

Beniamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ben_raf@mail.ru

Abstract. In the current context of dynamic technological development of the economy and the pursuit of technological leadership across various industries, effective support measures, including the legal framework for the activity and development of domestic technology startups, acquire particular significance. Indeed, it is startups, as new business solutions that are just being launched, that have an innovative focus and are capable of ensuring the development and effective implementation of high-tech solutions in production processes, reducing the technological gap, and ensuring solutions to import substitution problems. With an appropriate organizational and legal approach to the operation of such companies, there are substantial prospects for scaling these projects, addressing challenges related to production growth, improving product quality and competitiveness, and entering foreign markets through innovation-based export strategies. At the same time, significant risks remain, stemming from the inherently innovative nature of such activities and the high probability of failing to achieve the required outcomes. The paper examines the experience of Russia, Brazil, India, and China in adopting organizational and legal measures aimed at implementing and supporting technology startup projects.

Keywords: technology startups; technological leadership; technology companies; investment; legal regimes; foreign experience; intellectual property; Russia; China; Brazil; India

Cite as: Shakhnazarov BA. Legal Regimes for Supporting and Developing Technology Startup Projects: An Analysis of Foreign Practices in Selected BRICS Countries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(9):141-154. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.141-154

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Одной из самых распространенных проблем, с которыми сталкиваются представители стартап-проектов (стартапов), является вопрос о том, какие правовые нормы действительно применимы к их бизнесу¹. Обозначенная проблематика приобретает еще более острый характер, когда бизнес является трансграничным. Стартап-проекты зачастую сопряжены с венчурными инвестициями, высокорискованными организационными и проектными решениями. Правовая среда может быть сформирована таким образом, что предприниматели, принимающие соответствующие решения в сфере стартап-бизнеса, не будут иметь реальных гарантий и мер поддержки в случае неблагоприятных условий и последствий

реализации проекта. Здесь можно отметить, что любая предпринимательская деятельность является самостоятельной, осуществляемой предпринимателями на свой риск (ст. 2 ГК РФ). При этом необходимо понимать, что именно технологические стартап-проекты могут стать основой процессов технологического лидерства, обладая большим потенциалом импортозамещения. В таком случае выверенная система мер организационной, финансовой и правовой поддержки стартап-проектов выглядит неотъемлемым элементом технологической политики государства.

В обозначенном контексте особое значение приобретают поиск эффективных правовых режимов поддержки технологических стартап-

¹ См.: Regulatory Landscape and Legal Frameworks for Startups: How Founders Identify Which Laws Apply to Their Business // URL: <https://lduasia.com/blogs/regulatory-landscape-and-legal-frameworks-for-startups-how-founders-identify-which-laws-apply-to-their-business> (дата обращения: 04.02.2026).

проектов, выявление и оценка возможности использования релевантного зарубежного опыта в российской правовой системе. На решение данной проблемы и направлено настоящее исследование.

Любая технология имеет свой жизненный цикл. При этом современные условия геополитической трансформации, экономического развития РФ, высокой динамики инновационного и технологического развития в мире формируют потребность в ускоренном развитии высокотехнологичных проектов, переформатировании сырьевого характера экономики в сторону технологических инноваций, создании высокой ценности отечественных технологических решений. Обозначенные процессы по объективным причинам целесообразно организовывать ускоренными темпами. Прогрессивные правовые нормы здесь могут осуществлять опережающее воздействие. Важно и понимание того обстоятельства, что любая эффективная и востребованная технология должна быть так или иначе ориентирована на улучшение жизни, создание новых материальных благ или оптимизацию общественных отношений.

В Федеральном законе от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² понятие «технология» определяется как совокупность научно и практически обоснованных методов, средств, операций и (или) процессов, необходимых для преобразования энергии, вещества, информации в целях производства одного или нескольких видов продукции, выполнения работ, оказания услуг.

Таким образом, широкое определение технологии как ключевого объекта технологической политики государства позволяет говорить о сквозном характере технологического развития экономики страны. Действительно, именно такой подход дает возможность стимулировать инновации, улучшать качество жизни людей при четких критериях определения необходимых

обществу технологий, выделении критических технологий, что важно в целях приоритизации мер поддержки технологических решений и компаний, работающих над созданием и внедрением технологий. С учетом такого сквозного понимания технологий, пронизывающих совершенно разные общественные отношения, стартап-проекты могут и должны быть ключевым элементом технологической политики государства.

Технологическая политика при этом должна предполагать общие и специальные правовые меры, правовые режимы технологий, отдельных субъектов технологических процессов, высокотехнологичной продукции.

Впрочем, некоторые функции такой продукции могут выступать в качестве скрытых регуляторных триггеров³. Платежи, кошелек, реферальные программы, выпуск токенов или аналитика пользователей могут попадать в сферу действия законодательства о финансовых услугах, ценных бумагах или защите персональных данных, что также должно учитываться при формировании и реализации стартап-проектов.

Кроме того, принятие решений в рассматриваемой сфере отношений часто основано на предположениях, когда разработчики стартап-проектов полагаются на неформальные советы или сравнения с конкурентами, а не на проведение надлежащей аналитики и оценки соответствия нормативным требованиям. В обозначенном контексте крайне важны предварительный правовой анализ среды реализации проекта, due diligence контрагентов, комплаенс будущих бизнес-процессов, проведение технологического комплаенса (на предмет возможных требований, вытекающих из положений законодательства о технологической, промышленной политике, о науке и др.).

Стоит отметить возможную высокую динамику правовых условий реализации стартап-проектов.

Одновременная реализация стартап-проектов в нескольких государствах по единой орга-

² СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533.

³ См.: Regulatory Landscape and Legal Frameworks for Startups: How Founders Identify Which Laws Apply to Their Business.

низационно-правовой модели может повлечь применение различных правовых режимов, каждый из которых имеет разные пороговые значения, специальные условия и стандарты правоприменения. Здесь возрастает роль комплаенс-процедур, антикоррупционного, антимонопольного, международного торгового, санкционного комплаенса. Технологическая аналитика рынка, т.е. анализ рынка на предмет уровней готовности той или иной технологии, позволяет занять необходимую нишу, заявить и реализовать конкурентоспособный стартап-проект. Важно учитывать и то, что технологическое лидерство предполагает превосходство отечественных технологий и продукции над зарубежными аналогами в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 28.12.2024 № 523-ФЗ. Кроме того, как представляется, эффективный технологический стартап-проект должен не просто приводить к разработке технологии или производству конкурентоспособной продукции в мире, но и иметь экспортный потенциал, что позволит говорить о формировании и развитии технологической основы экономики РФ и ее внешнеэкономического потенциала, конкурентоспособности российских технологий и продукции на международных рынках.

При этом без четкого определения территориальных пределов осуществления деятельности предприниматели, реализующие технологические стартапы, рискуют нарушить нормативные правовые акты того или иного государства. Понимание нормативно-правовой базы, предварительный анализ применимого права или в ряде случаев правовых норм нескольких государств могут быть точкой роста технологического стартапа.

Важно отметить, что система обеспечения соблюдения нормативных требований в трансграничных отношениях (международный коммерческий комплаенс) должна быть заложена в саму операционную деятельность, поскольку более позднее рассмотрение этих вопросов влечет за собой серьезные правовые последствия.

Так, в различных государствах принимаются разные нормативные меры поддержки и регламентации стартап-проектов. При этом особое внимание в контексте гармонизации правовых подходов к инновационной и технологической деятельности в странах БРИКС заслуживает опыт Китая, Бразилии, Индии как ключевых членов БРИКС, внедряющих передовые инновационные и, соответственно, регуляторные практики, а также демонстрирующих высокие показатели технологического и инновационного развития.

Например, в Бразилии Дополнительный закон № 182 устанавливает ряд мер, направленных на развитие инновационного предпринимательства в сфере технологий. Изменения упрощают бюрократические процедуры для стартапов, облегчают в контексте государственного регулирования процедуры привлечения таких компаний, улучшают правовую защиту инвесторов и предусматривают другие меры⁴. После долгих дебатов, которые начались в 2018 г. и в которые включились различные участники стартап-экосистемы, законопроект был направлен в Конгресс в 2020 г. и подписан в качестве Дополнительного закона 1 июня 2021 г.

Данный закон устанавливает правовую основу для стартапов и инновационного предпринимательства и вносит поправки в Закон от 15.12.1976 № 6404 и Дополнительный закон от 14.12.2006 № 123. В Дополнительном законе № 182 сформулированы положения, свидетельствующие о его обеспечивающем инновационные процессы характере: декларируются признание инновационного предпринимательства движущей силой экономического, социального и экологического развития; важность инновационных компаний как основной движущей силы инноваций в условиях свободного рынка; содействие созданию благоприятной среды для инновационного предпринимательства, признание правовой определенности и свободы договорных отношений в качестве предпосылок для привлечения инвестиций и увеличения предложения капитала, направляемого на инновационные инициативы; модернизация бразильской деловой

⁴ Lei Complementar No 182, de 1º de junho de 2021 // URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/LEIS/LCP/Lcp182.htm (дата обращения: 07.02.2026).

среды в свете новых бизнес-моделей; содействие инновационному предпринимательству как средству повышения производительности и конкурентоспособности бразильской экономики и создания квалифицированных рабочих мест; совершенствование государственной политики и инструментов содействия инновационному предпринимательству; содействие повышению конкурентоспособности бразильских компаний и их интернационализации, а также привлечение иностранных инвестиций и др.

К стартапам согласно Дополнительному закону № 182 отнесены коммерческие или корпоративные организации, как вновь созданные, так и недавно начавшие действовать, деятельность которых характеризуется применением инноваций в бизнес-моделях или в предлагаемых продуктах и услугах.

Предусмотренный законом особый режим, направленный на содействие развитию стартапов, может распространяться на следующие виды субъектов: индивидуальных предпринимателей, общества с ограниченной ответственностью, коммерческие корпорации, кооперативы и простые товарищества, — с валовым доходом до 16 млн реалов за предыдущий календарный год или 1 333 334 реала, умноженным на количество месяцев деятельности за предыдущий календарный год (менее 12), независимо от принятой организационно-правовой формы, с регистрацией в Национальном реестре юридических лиц (Cadastro Nacional de Pessoas Jurídicas, CNPJ) Специального секретариата федеральных доходов Министерства финансов Бразилии сроком до 10 лет и соответствующие еще некоторым дополнительным условиям (указание в уставе на возможность использования инновационных бизнес-моделей или включение в специальный режим Inova Simples).

Органы государственного управления и организации, обладающие полномочиями по отраслевому регулированию, могут индивидуально или совместно в рамках экспериментальных программ регулирования (регуляторной «песочницы») отказаться от применения правил, находящихся в их компетенции, в отношении регулируемого субъекта или групп регулируемых субъектов.

Так, в Дополнительном законе № 182 установлено определение экспериментальной нормативно-правовой среды (регуляторной «песочницы»): набор упрощенных специальных условий, позволяющих участвующим юридическим лицам получать временное разрешение от органов или организаций, обладающих отраслевой регулирующей компетенцией, на разработку инновационных бизнес-моделей и тестирование экспериментальных методов и технологий, соблюдая критерии и ограничения, ранее установленные регулирующим органом или организацией, и посредством упрощенной процедуры.

В законе также регламентируются тендерные процедуры, устанавливаются положения о заключении государством контрактов на внедрение инновационных решений.

Таким образом, Дополнительный закон № 182 представляет собой систематизированный нормативный акт, который аккумулирует на основе единых целей и принципов положения о правовых режимах стартап-проектов и развития технологий. Установление критериев определения стартап-компаний, конкретных мер поддержки, возможностей использования, по сути, экспериментальных правовых режимов в одном нормативном правовом акте представляется прогрессивным подходом как с точки зрения дальнейшей правоприменительной практики, так и с точки зрения юридической техники, формирования терминологического аппарата.

Еще одним заслуживающим внимания национальным подходом к регламентации технологических стартапов представляется подход Индии. Так, правительство Индии пересмотрело систему признания стартапов, что знаменует собой модернизацию экосистемы Startup India, вступающей во второе десятилетие своего существования. Эти изменения, объявленные в феврале 2026 г., отражают стремление правительства позиционировать Индию как глобальную инновационную державу и удовлетворять потребности предпринимательства в различных технологических секторах⁵.

Пересмотренная система признания стартапов предполагает ряд изменений, в том чис-

⁵ См.: Government Revises Startup Recognition Framework to Strengthen Startup India Action Plan // URL: <https://visionias.in/blog/current-affairs/government-revises-startup-recognition-framework-to-strengthen-startup-india-action-plan> (дата обращения: 08.02.2026).

ле повышение пороговых значений оборота, введение категории для высокотехнологичных стартапов и включение кооперативных обществ, что свидетельствует о движении к более инклюзивному экономическому росту, основанному на исследованиях.

Согласно новым правилам, утвержденным Департаментом содействия промышленности и внутренней торговле 5 февраля 2026 г., стартапом теперь считается организация, существующая не более 10 лет с момента регистрации, с оборотом, не превышающим 200 кроров рупий⁶ в любом финансовом году⁷. Для компаний, признанных стартапами в сфере высоких технологий, срок соответствия критериям продлен до 20 лет, а лимит оборота увеличен до 300 кроров рупий (что на февраль 2026 г. эквивалентно примерно 2,55–2,58 млрд руб.).

Декларируемая цель принятия новых правил сводится к тому, чтобы обеспечить большую поддержку развивающимся предприятиям в сфере высоких технологий, долгосрочным предприятиям, ориентированным на научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы (НИОКР), и дать кооперативам возможность активно участвовать в быстрорастущем предпринимательском ландшафте Индии.

С момента запуска флагманской программы правительства Startup India в 2016 г. Индия признала более 200 000 стартапов, что делает ее одной из крупнейших в мире экосистем стартапов. Признанные стартапами компании имеют право на льготы, включая доступ к государственным программам финансирования, налоговые льготы и послабления в регулировании. Рассматриваемая реформа отражает сдвиг в индийском стартап-ландшафте в сторону более длительных инновационных циклов, большей капиталоемкости и отложенной коммерциализации, особенно в секторах высоких технологий, производства и НИОКР, причем многие

такие компании превышают существующие пороговые значения, находясь еще на стадии развития⁸.

Хотя список недопустимых инвестиций в стартапы в основном остается неизменным, вводятся новые ограничения, охватывающие любые активы или деятельность спекулятивного или непроизводственного характера, которые могут быть объявлены правительством. Несмотря на то что экосистема насчитывает более 200 000 стартапов, в настоящее время только около 2 % получают освобождение от подоходного налога.

Пересмотренная структура также включает в определение соответствующих стартапов многоштатные и зарегистрированные на уровне штатов кооперативные общества, что, по замыслу правительства, может способствовать развитию инноваций в сельском хозяйстве, смежных секторах, развитию сельских районов. Изменения были внесены после консультаций с заинтересованными сторонами отрасли и несколькими министерствами и призваны укрепить стремление Индии позиционировать себя как глобальный центр высокотехнологичного и наукоемкого предпринимательства.

Важно подчеркнуть ограничения субъектного состава стартап-компаний: любое юридическое лицо, созданное путем реорганизации существующего бизнеса, не будет считаться стартапом.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что согласно рассматриваемым правилам установлены квалифицирующие признаки именно высокотехнологичного стартапа. Так, последний должен работать над созданием решения, основанного на новых знаниях или достижениях в научной или инженерной дисциплине, которая еще не разработана или находится в процессе разработки. Таким образом, рассматриваемое нормативное регулирование способствует упорядочиванию и стимулирова-

⁶ Один крор рупий — это 10 млн индийских рупий.

⁷ См.: India resets startup definition to include deep tech companies, cooperative societies // URL: <https://economictimes.indiatimes.com/tech/startups/govt-expands-definition-of-startup-turnover-limit-doubled-to-rs-200-crore/articleshow/127943157.cms?from=mdr> (дата обращения: 08.02.2026).

⁸ См.: India resets startup definition to include deep tech companies, cooperative societies.

нию именно технологических инноваций и компаний, их разрабатывающих.

Технологическим стартапам в таких секторах, как космос, полупроводники и биотехнологии, требуется гораздо больше времени для достижения зрелости, чем традиционным предприятиям. Поэтому индийские власти и решили скорректировать правила в сфере деятельности и поддержки стартапов, в частности мобилизовав государственный капитал, надеясь помочь большему числу соответствующих компаний и технологических решений выйти на коммерческий рынок⁹.

Рассматриваемые нововведения также являются частью усилий индийских властей по созданию долгосрочной экосистемы именно глубоких технологий (deep technologies) — глобальных технологических исследований, требующих длительных научных исследований и больших инвестиций, — путем сочетания регуляторной реформы с формированием государственного капитала, включая Фонд исследований, разработок и инноваций (Research Development and Innovation, RDI) в размере 1 трлн рупий. Этот фонд призван расширить долгосрочное финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских компаний. На этом фоне американские и индийские венчурные компании позже объединились для создания Индийского альянса глубоких технологий (India Deep Tech Alliance), представляющего собой частную инвестиционную коалицию с капиталом более 1 млрд долл., в которую входят Accel, Blume Ventures, Celesta Capital, Premji Invest, Ideaspring Capital, Qualcomm Ventures и Kalaari Capital, а производитель микросхем Nvidia выступает в качестве консультанта¹⁰.

Такого рода синергия, как представляется, является наиболее эффективным вариантом регуляторики в сфере стартапов, поскольку без инфраструктурной, нормативной среды невозможно достичь роста эффективности стартап-проектов, которые изначально занимают высокорисковую нишу предпринимательской

деятельности, выраженную в создании инновационных решений, что в первую очередь требует системной государственной организационно-правовой поддержки.

Действительно, с точки зрения инвестиционной мотивации и привлекательности высокотехнологичных стартапов ввиду сохранения высоких рисков, непредсказуемости результатов инвестиционных вложений и т.д. проблематика доступности инвестиционного капитала, привлечения средств и в каком-то роде гарантий инвестиций остается наиболее серьезной с точки зрения организационно-правовых мер поддержки таких проектов и компаний. Как представляется, без финансовой и даже инфраструктурной поддержки высокотехнологичных стартапов даже самая выверенная и инновационная нормативно-правовая среда не способна обеспечить высокую результативность подобных проектов.

Так, для Индии в исторической ретроспективе долгие годы серьезную проблему представляли системность и достаточность финансирования инноваций, что наиболее ярко выражалось применительно к капиталоемким высокотехнологичным проектам.

В обозначенном контексте предварительно созданный государственный Фонд RDI, по сути, представляющий собой фонд стимулирования и обеспечения НИОКР, был призван дополнительно поддерживать нормативные усилия государства.

Реальное преимущество структуры Фонда RDI заключается в увеличении финансирования, доступного для высокотехнологичных компаний на ранних стадиях и стадиях роста, а направляя государственный капитал через венчурные фонды со сроками, аналогичными срокам выделения частного капитала, он призван устранить системные пробелы в последующем финансировании, не изменяя при этом коммерческих критериев, определяющих решения о частных инвестициях. То есть рыночные основы функционирования Фонда RDI ориентированы на

⁹ См.: Singh J. India has changed its startup rules for deep tech. February 8, 2026 // URL: <https://finance.yahoo.com/news/india-changed-startup-rules-deep-033000072.html> (дата обращения: 08.02.2026).

¹⁰ См.: Singh J. Op. cit.

обеспечение нативного характера такого рода финансовой поддержки, гибко интегрируемой в процессы создания и развития стартап-проектов.

Целесообразны долгосрочные инвестиционные проекты. При этом гибкое и эффективное участие государства в их поддержке, в том числе путем создания новой адаптивной нормативной и инфраструктурной среды, способно активизировать рыночные механизмы, в том числе рынок частного капитала, обеспечить стабильное и устойчивое развитие соответствующих стартап-проектов в высокотехнологичных областях.

Рассматриваемый сегмент стартап-проектов не может успешно развиваться посредством принятия только государственных мер или, напротив, при полном формировании рынков частного капитала без какого-либо специального государственного администрирования, что чревато дисбалансом интересов и прав инвесторов, разработчиков и пользователей (потребителей) товаров, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности и др. стартап-компаний.

Содействие привлечению частного капитала — это всегда меры, требующие актуализации, учета динамики отношений, четкой обратной связи с представителями бизнеса, инвесторами, что должно быть системной государственной практикой, сочетающей в себе посреднические, поддерживающие, стимулирующие меры. При этом не стоит забывать и о конкурентной среде и необходимости актуализации правил в сфере защиты конкуренции с учетом того, что конкуренция в сфере высокотехнологичных стартапов преимущественно носит трансграничный характер, а процессы достижения технологического лидерства, что, безусловно, актуально и для Индии, ориентированы, как правило, на превосходство на международном уровне, т.е. над зарубежными аналогами.

Особый интерес представляет подход Китая как государства, в котором создается большое количество новейших технологий в самых разных областях.

Так, долгие годы привлекательность Китая основывалась на единственном преимуществе — масштабе. При этом вторая по величине экономика мира с быстрорастущим средним классом и глубоко интегрированной промышленной экосистемой продолжает оказывать сильное влияние на глобальные стартапы, стремящиеся к масштабированию производства, технологическим партнерствам и доступу к одному из самых быстро цифровизирующихся потребительских рынков¹¹. Однако для зарубежных, международных участников рынка Китай не только предоставляет возможности, но и вызывает сложности, особенно в вопросах создания юридических лиц, валютного регулирования, соблюдения налогового законодательства и регуляторных рисков.

Ведение бизнеса в Китае сопряжено с рядом административных барьеров и нюансов. Правовая, финансовая и налоговая системы функционируют в рамках иной идеологической архитектуры, нежели западная система общего права. Контроль, доступ и прозрачность распределяются иначе. Для успешного выхода на рынок и ведения бизнеса стартап-компаниям необходимы не только местные партнеры и квалифицированные консультанты, но и смена мышления — от оптимизации к навигации.

Согласно Глобальному индексу стартап-экосистем от StartupBlink, оценивающему экономику стартапов в разных странах, в 2024 г. Китай занял 13-е место в мире и первое в Восточной Азии. Лучшими городами для стартапов в Китае стали Пекин, Шанхай и Шэньчжэнь, а также другие крупные города: Ханчжоу, Гуанчжоу, Нанкин, Чэнду, Ухань и Чанша¹².

¹¹ См.: *Datta H.* Navigating Business Regulations in China: A Startup's Guide. July 14, 2025 // URL: <https://insightfulco.blog/2025/07/14/navigating-business-regulations-in-china-a-startups-guide/> (дата обращения: 10.02.2026).

¹² См.: *Arendse Huld, Yanyan Shang.* China's Startup Landscape — Industries, Investment, and Incentive Policies 2025 // URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-startup-landscape-industries-investment-and-incentive-policies/> (дата обращения: 10.02.2026).

Принимая во внимание абстрактное определение стартапа, конкретные данные о количестве стартап-компаний в Китае не представляется возможным установить. Однако согласно отчету Hurun, в 2024 г. их насчитывалось 340 (частные стартап-компании с оценкой более 1 млрд долл. США)¹³.

К крупнейшим китайским стартапам относятся Shein (электронная коммерция, оценочная стоимость 460 млрд юаней (приблизительно 63,1 млрд долл. США) в 2024 г.), miHoYo (игровая индустрия, оценочная стоимость 160 млрд юаней (21,9 млрд долл. США) в 2024 г.), WeBank (финтех, оценочная стоимость 235 млрд юаней (32,2 млрд долл. США) в 2024 г.) и ByteDance (новые медиа, оценочная стоимость 1,6 трлн юаней (приблизительно 214,1 млрд долл. США)).

Помимо компаний с миллиардными оборотами, стартапы, вероятно, исчисляются десятками тысяч. Национальное статистическое бюро Китая отмечает, что в 2024 г. в среднем ежедневно создавалось 24 000 новых компаний, а число микро-, малых и средних предприятий (МСП) превысило 53 млн¹⁴.

В последние несколько лет в Китай хлынули зарубежные венчурные инвестиции, чему способствовали государственные стимулы и обещания быстрого роста и высокой доходности. По этим причинам Китай ввел различные меры стимулирования и поддержки предпринимательства, малого бизнеса, а также венчурных инвестиций.

При этом с 2015 г. наиболее распространенными организационно-правовыми формами для стартапов были индивидуальные предприниматели и товарищества.

Китай представляется юрисдикцией с разнообразным бизнес-ландшафтом, что предопределяется историко-политическими и географическими факторами. Масштабы государства, большая численность населения, избранный политический и экономический курс позволяют с высокой динамикой принимать новые меры государственной поддержки и стимулирования технологического бизнеса для организационно-

правового обеспечения конкурентоспособных и лидирующих на мировом уровне технологий и продукции. При этом для Китая особое значение приобретает привлечение иностранного капитала, в том числе в сферу технологических стартапов, что формирует новые вызовы, связанные с осложнением соответствующих отношений иностранным элементом.

Существуют также налоговые льготы, направленные на стимулирование технологических инноваций, на которые могут претендовать многие стартапы, — сниженная на 15 % ставка корпоративного налога для высокотехнологичных и новых технологических предприятий, для предприятий, предоставляющих высокотехнологичные услуги (Advanced Technology Service Enterprises, ATSE). ATSE также имеют право на нулевую ставку НДС при предоставлении определенных услуг. В Китае также предусмотрены значительные налоговые вычеты на расходы на НИОКР, которые в последние годы были расширены и институционализированы для поощрения инноваций на предприятиях во всех секторах экономики. Так, с 1 января 2023 г. все соответствующие критериям предприятия, независимо от размера или отрасли (за исключением табачной промышленности, гостиничного и ресторанного бизнеса, оптовой и розничной торговли, недвижимости, лизинга и коммерческих услуг, а также индустрии развлечений), могут пользоваться рядом преференций. В частности, в отношении расходов на НИОКР, не приводящих к созданию нематериальных активов, предприятия могут претендовать на дополнительный 100 %-ный вычет сверх фактической суммы, что удваивает вычитаемую часть этих расходов при расчете налогооблагаемого дохода. В случае расходов на НИОКР, результатом которых являются нематериальные активы, стоимость этих нематериальных активов может амортизироваться в размере 200 % от их фактической стоимости до вычета налога на прибыль предприятий.

Эта единая политика заменила ранее дифференцированные правила, которые приме-

¹³ См.: *Arendse Huld, Yanyan Shang*. Op. cit.

¹⁴ См.: *Arendse Huld, Yanyan Shang*. Op. cit.

нялись отдельно к технологическим МСП, производственным фирмам и другим предприятиям. Ранее только некоторые сектора могли пользоваться 100 %-ным налоговым вычетом, в то время как для других сохранялся 75 %-ный вычет.

Ожидается, что этот сдвиг повысит эффективность китайской экономики, основанной на инновациях, за счет снижения административной нагрузки и увеличения доступности налоговых льгот¹⁵.

Кроме того, действуют специальные меры поддержки молодых специалистов, заключающиеся в доступе к инкубаторам и субсидировании арендной платы. Так, около 30 % площадей в финансируемых государством инкубаторах и на предпринимательских платформах предоставляется выпускникам вузов бесплатно. В некоторых регионах выпускники, запускающие бизнес в этих инкубаторах, также могут претендовать на субсидии на аренду.

Выпускники вузов, занимающиеся индивидуальным предпринимательством, могут получить налоговый вычет в размере до 12 000 юаней на семью в год в течение трех лет с месяца регистрации. Это распространяется на НДС, налог на содержание и строительство, образовательный сбор, местный образовательный сбор и налог на доходы физических лиц. Местные органы власти могут повысить этот порог до 20 %.

Еще одна мера поддержки заключается в преференциальном режиме кредитования выпускников, начинающих собственный бизнес, которые могут подать заявку на кредит до 200 000 юаней. Для кредитов менее 100 000 юаней, а также для лиц с отличной кредитной историей или государственными наградами, требования к залогу могут быть отменены. Малые и микропредприятия, основанные выпускниками, могут подать заявку на кредит до 3 млн юаней. Выпускники, которые впервые создают малое или микропредприятие или поддерживают индивидуальную деятельность более

года, в течение двух лет после окончания учебы имеют право на единовременную субсидию для предпринимателей. Точные критерии субсидирования устанавливаются правительствами провинций или муниципалитетов. Конкретные меры и размеры определяются правительством муниципалитета.

В стране предлагаются льготные налоговые условия для поддержки венчурных фондов и частных инвесторов, вкладывающих средства в технологические стартапы на ранних стадиях. Для получения льгот стартапы должны иметь не более 300 сотрудников, совокупные активы и годовой объем продаж не более 50 млн юаней. При условии владения активами в течение как минимум двух лет инвесторы могут воспользоваться льготным налоговым режимом. Обозначенный порядок носит временный характер и действует до 31 декабря 2027 г. в соответствии с указаниями Министерства финансов и Государственной налоговой администрации.

В Китае, действительно, активно развивается нормативная среда, обеспечивающая деятельность технологических компаний, а также законодательство в области технологий и кибербезопасности. Так, обновленные положения Закона Китая о кибербезопасности вводят более строгий контроль над технологическими компаниями и использованием данных. Эти правила подчеркивают защиту критически важной информационной инфраструктуры, вводя более жесткий контроль над конфиденциальными данными, обрабатываемыми технологическими и телекоммуникационными компаниями¹⁶. Регулирование в области искусственного интеллекта расширяется, появляются новые меры, касающиеся алгоритмической прозрачности и этичного искусственного интеллекта. Эти меры являются частью более широкой тенденции, в рамках которой Китай стремится сбалансировать инновации и безопасность, продвигая технологические достижения в контролируемой нормативно-правовой базе¹⁷.

¹⁵ См.: *Arendse Huld, Yanyan Shang. Op. cit.*

¹⁶ См.: *Guang Dong. China — Development in Technology Law* // URL: <https://www.alliuris.org/china-recent-development-in-technology-law/> (дата обращения: 11.02.2026).

¹⁷ См.: *Guang Dong. Op. cit.*

В Китае организационно-правовая поддержка технологических стартапов также осуществляется и в формате модернизации правовых режимов в отдельных технологических областях. Например, в 2025 г. были внесены изменения в Закон Китая о кибербезопасности, закрепляющие первые поправки начиная с 2017 г., сводящиеся к усилению поддержки развития систем искусственного интеллекта и ужесточению обязательств по соблюдению требований для операторов связи и критически важной информационной инфраструктуры.

Как представляется, конкретизация на нормативно-правовом уровне мер государственной поддержки развития той или иной технологии, даже в контексте выработки векторов и принципов такого государственного участия, позволяет говорить о систематизации мер стимулирования, дифференциации подходов к организационно-правовой среде реализации конкретных технологических процессов при сохраняющемся в мире принципе технологической нейтральности.

Таким образом, технологические стартапы, формируемые в Китае на основе решений с использованием искусственного интеллекта, подвергаются отдельному регулированию — правовым требованиям, режимам, мерам ответственности — и должны коррелировать с национальной политикой в сфере искусственного интеллекта, с тем чтобы не нарушить соответствующий публично-правовой режим.

Когда речь идет о развитии и поддержке технологических стартапов, важно, чтобы нормативно-правовая среда той или иной юрисдикции была доступной, эффективной, прогрессивной, понятной и адаптивной. При этом современные стартапы часто носят экстерриториальный

характер, осложняются иностранным элементом в субъектах, объектах, юридических фактах, что предполагает необходимость обеспечения современного уровня законодательства в сфере поддержки технологий, науки, промышленности.

Китай, как представляется, имеет необходимые предпосылки для преодоления обозначенных противоречий за счет модернизации подходов к охране, коммерциализации, стимулированию создания интеллектуальной собственности, в том числе на основе которых и формируются современные технологические стартапы¹⁸.

В Российской Федерации уже действует определенное правовое регулирование стартапов. Как отмечается, само понятие «стартап», несмотря на имеющиеся противоречия в трактовке его сущности, определяется в нормативных актах¹⁹: Федеральном законе от 04.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации»²⁰, постановлениях Правительства РФ от 02.11.2023 № 1847 «Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании и ведении реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии»²¹, от 30.09.2022 № 1729 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации российских организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий»²² и ряде других.

С обозначенным тезисом невозможно согласиться, поскольку нормативного понятия именно стартапа в названных актах не содержится.

Термин «стартап» активно используется на практике, в том числе при определении мер

¹⁸ В Китае приняты Концепция построения мощной страны в сфере интеллектуальной собственности (2021–2035 гг.) и Национальный план по защите и применению интеллектуальной собственности в 14-й пятилетке, включающий 14 ключевых задач и 15 специальных проектов в 5 аспектах. Среди целей до 2025 г. декларируется почти двукратный рост показателя «количество патентов на изобретения на 10 тыс. населения».

¹⁹ См.: Быкова С. П. Правовое регулирование стартапной деятельности в условиях развития технологического предпринимательства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2024. С. 3.

²⁰ СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6210.

²¹ СЗ РФ. 2023. № 46. Ст. 8248.

²² СЗ РФ. 2022. № 40. Ст. 6845.

государственной поддержки, а также в документации различных проектов, направленных на развитие инновационной предпринимательской деятельности (в том числе инновационный центр «Сколково» осуществляет поддержку стартапов)²³.

Особое значение в регулировании и поддержке стартапов в Российской Федерации играют органы исполнительной власти, включая Минобрнауки, Минпромторг, Минэкономразвития России и др. Так, в контуре деятельности Минобрнауки России осуществляется поддержка именно стартап-проектов. Еще в 2020 г. был запущен проект «Стартап как диплом», когда выпускные квалификационные работы допускается защищать в форме разработанных, внедренных стартапов, сводящихся к созданию новых продуктов (товаров, работ, услуг), что предлагает альтернативу традиционному формату написания выпускных квалификационных работ и позволяет стимулировать, поддерживать реализацию бизнес-идей молодых специалистов.

В рассматриваемом контексте в России введены и партнерские меры государственной поддержки стартапов, направленные на осуществление и развитие инноваций. В качестве примера можно привести совместный проект Минобрнауки России и Фонда содействия инновациям (группы «ВЭБ.РФ») «Платформа университетского технологического предпринимательства», предполагающий проведение конкурса на получение гранта (большая часть — бюджетное финансирование, предусмотрено также привлечение внебюджетных средств) на реализацию стартапа²⁴. Окончание национального проекта планируется к 2030 г. Важно отметить, что в рамках реализации конкурса под стартапом понимается лишь идея, что может порождать противоречия в отсутствие верхнеуровневых нормативных требований. Одним из таких противоречий представляется то обстоятельство, что технологические стартапы носят

творческий характер, сводятся к созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности), охраняемых четвертой частью ГК РФ, а идея сама по себе, не формализованная в предусмотренном законодательством виде, не получает охрану в качестве результата интеллектуальной деятельности.

Доктринальное определение стартапа с учетом анализа российских научных подходов сводится к тому, что это вид предпринимательской деятельности, которая имеет в своей основе высокорисковую инновационную бизнес-модель и субъектами которой являются юридические лица и индивидуальные предприниматели, относящиеся к субъектам малого предпринимательства, а целями стартапа являются получение прибыли за счет реализации охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности и привлечение сторонних инвестиций²⁵.

Важно подчеркнуть, что этот термин используется в российской науке и в некоторых нормативных правовых актах ввиду его распространения в мировой практике реализации инновационных и технологических проектов. Однако в российской правовой системе не усматривается согласованность смежных категорий, связанных с описанием инновационных и технологических проектов или организаций. Так, Федеральный закон «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» употребляет выражение «технологическая компания», под которой понимается российская коммерческая организация, осуществляющая деятельность по разработке и (или) производству продукции (оказанию услуг, выполнению работ) с использованием инновационных технологий. В Законе используется категоризация с выделением такого вида, как «малая технологическая компания», определяются правовые основы деятельности технологических компаний в Российской Федерации.

Ключевыми положениями Закона в контексте целей исследования представляются меры

²³ См.: Сухоруков А. В. Определение «стартап» в правовом регулировании инновационной предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Образование и право. 2022. № 8. С. 241.

²⁴ См.: Сухоруков А. В. Указ. соч.

²⁵ См.: Быкова С. П. Указ. соч. С. 11.

государственной поддержки технологических компаний, которые сводятся к предоставлению льгот по уплате налогов, сборов, страховых взносов, иных государственных платежей; информационной, консультационной, финансовой поддержки; поддержки экспорта; формированию спроса на инновационную и (или) высокотехнологическую продукцию (работы, услуги). Законом допускаются и иные формы, установленные законодательством Российской Федерации, субъектов Российской Федерации. При этом наличие исключительных прав на тот или иной результат интеллектуальной деятельности выступает в Законе в качестве критерия отнесения компаний к категории, например, малой технологической компании.

Определение инновационной технологии выстроено в Законе на основе интеллектуальной собственности и сводится к совокупности результатов интеллектуальной деятельности, используемых для разработки и (или) производства новой или значительно улучшенной продукции (оказания услуг, выполнения работ), а также обеспечивающих экономическую эффективность применения (внедрения) такой продукции, повышение производительности труда и (или) создание новых рынков товаров, работ, услуг.

Таким образом, технологическая компания, осуществляющая деятельность с использованием инновационной технологии, в любом случае должна быть правообладателем и пользователем результатов интеллектуальной деятельности.

При этом важным и возможным к обсуждению и внедрению правовым режимом поддержки и развития технологических компаний — стартапов представляется не просто использование интеллектуальной собственности в качестве критерия технологических компаний, а специальные меры стимулирования создания, использования и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности технологических компаний, трансфера инновационных технологий с использованием инфраструктуры ключевых институций (технологических компаний, вузов, НИИ, государства). Такими специальными мерами, как представляется, могут

быть упрощение и субсидирование процедуры истребования охраны результатов интеллектуальной деятельности, опосредующие инновационную технологию, усиление режимов конфиденциальности сведений об инновационных технологиях, создание биржи инновационных технологий, стимулирование государством деятельности по трансферу инновационных технологий, в том числе за счет субсидий, налоговых преференций. Отдельным направлением здесь должен быть международный контур охраны и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, опосредующих инновационные технологии, за счет поддержки, стимулирования исследования зарубежных рынков интеллектуальной собственности, инновационных технологий и продукции, подбора производственных и торговых контрагентов, в том числе через торговые представительства России за рубежом.

С учетом опыта КНР представляется важным рассмотреть возможность использования особых организационных режимов простых товариществ применительно к деятельности в сфере технологических стартапов. В Российской Федерации в контексте модернизации подходов к правовому обеспечению стартапов, технологических компаний, малых инновационных предприятий может быть учтен и рассмотренный опыт КНР по снижению корпоративного налога и введению специальных налоговых вычетов применительно к налогообложению доходов от НИОКР, по формированию фонда поддержки НИОКР, рыночные основы функционирования которого ориентированы на обеспечение нативного характера такого рода финансовой поддержки, гибко интегрируемой в процессы создания и развития стартап-проектов.

Повышение пороговых значений оборота, срока деятельности, введение категории высокотехнологичных стартапов представляются важными элементами подхода Индии к регламентации деятельности стартапов, которые могут быть отдельно рассмотрены на предмет имплементации в российское законодательство.

Бразильский опыт регламентации создания и функционирования стартапов может быть учтен в части терминологического определе-

ния стартапов и их деятельности в контексте перечисленных возможных организационно-правовых форм и использования инноваций в бизнес-моделях или предлагаемых продуктах и услугах, а также применения для тестирования стартап-моделей экспериментальных правовых режимов (экспериментальных программ

регулирования, согласно бразильской терминологии), нормативные основы которых в России уже существуют. При этом стартапы при реализации такого подхода представляется возможным отнести к одному из видов технологических компаний согласно российскому законодательству.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Быкова С. П. Правовое регулирование стартапной деятельности в условиях развития технологического предпринимательства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Курск, 2024. — 25 с.
2. Сухоруков А. В. Определение «стартап» в правовом регулировании инновационной предпринимательской деятельности в Российской Федерации // Образование и право. — 2022. — № 8. — С. 241–244.
3. Arendse Huld, Yanyan Shang. China's Startup Landscape — Industries, Investment, and Incentive Policies 2025 // URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-startup-landscape-industries-investment-and-incentive-policies/> (дата обращения: 10.02.2026).
4. Datta H. Navigating Business Regulations in China: A Startup's Guide. July 14, 2025 // URL: <https://insightfulco.blog/2025/07/14/navigating-business-regulations-in-china-a-startups-guide/> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Guang Dong. China — Development in Technology Law // URL: <https://www.alliuris.org/china-recent-development-in-technology-law/> (дата обращения: 11.02.2026).
6. Singh J. India has changed its startup rules for deep tech. February 8, 2026 // URL: <https://finance.yahoo.com/news/india-changed-startup-rules-deep-033000072.html> (дата обращения: 08.02.2026).

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bykova S. P. Pravovoe regulirovanie startapnoy deyatel'nosti v usloviyakh razvitiya tekhnologicheskogo predprinimatel'stva v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Kursk, 2024. — 25 s.
2. Sukhorukov A. V. Opredelenie «startap» v pravovom regulirovanii innovatsionnoy predprinimatelskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii // Obrazovanie i pravo. — 2022. — № 8. — S. 241–244.
3. Arendse Huld, Yanyan Shang. China's Startup Landscape — Industries, Investment, and Incentive Policies 2025 // URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-startup-landscape-industries-investment-and-incentive-policies/> (data obrashcheniya: 10.02.2026).
4. Datta H. Navigating Business Regulations in China: A Startup's Guide. July 14, 2025 // URL: <https://insightfulco.blog/2025/07/14/navigating-business-regulations-in-china-a-startups-guide/> (data obrashcheniya: 10.02.2026).
5. Guang Dong. China — Development in Technology Law // URL: <https://www.alliuris.org/china-recent-development-in-technology-law/> (data obrashcheniya: 11.02.2026).
6. Singh J. India has changed its startup rules for deep tech. February 8, 2026 // URL: <https://finance.yahoo.com/news/india-changed-startup-rules-deep-033000072.html> (data obrashcheniya: 08.02.2026).

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.155-166

И. Т. Мамиева*

Правовое регулирование общественных отношений в сфере обеспечения климатической безопасности России с учетом принципов устойчивого развития

Аннотация. Цель исследования состоит в разработке комплексной модели правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения климатической безопасности России с учетом принципов устойчивого развития. Актуальность данной проблематики усиливается в условиях глобальных климатических изменений, геополитической изоляции страны и необходимости достижения технологического суверенитета. Исследование основано на гипотезе о том, что фрагментарность правового регулирования создает риски для технологического суверенитета страны и препятствует эффективному достижению целей устойчивого развития. В ходе исследования были проанализированы международные тенденции и российская нормативная база, что подтвердило гипотезу и позволило выявить ключевые пробелы. Основные результаты включают разработанную систему критериев климатической безопасности, комплексную модель ее правового обеспечения, а также рекомендации по совершенствованию российского законодательства для обеспечения климатической безопасности и устойчивого развития экономики страны.

Ключевые слова: устойчивое развитие; ESG; правовое регулирование; климатическая безопасность; климатические риски; изменение климата; адаптация к изменению климата; Российская Федерация; углеродный сбор; низкоуглеродная экономика; корпоративное управление

Для цитирования: Мамиева И. Т. Правовое регулирование общественных отношений в сфере обеспечения климатической безопасности России с учетом принципов устойчивого развития // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 155–166. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.155-166

© Мамиева И. Т., 2026

* Мамиева Илона Таймуразовна, соискатель кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
itmamieva@msal.ru

Legal Regulation of Public Relations in the Field of Climate Security in Russia with Regard to the Principles of Sustainable Development

Iлона Т. Мамиева, Postgraduate Student, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
itmamieva@msal.ru

Abstract. The aim of the study is to develop a comprehensive model of legal regulation of public relations in the field of ensuring climate security in Russia, taking into account the principles of sustainable development. The relevance of this issue is increasing in the context of global climate change, the country's geopolitical isolation and the need to achieve technological sovereignty. The study is based on the hypothesis that fragmentation of legal regulation creates risks for the country's technological sovereignty and hinders the effective achievement of sustainable development goals. The study analyzed international trends and the Russian regulatory framework, which confirmed the hypothesis and identified key gaps. The main results include a developed system of climate safety criteria, a comprehensive model of its legal support, and recommendations for improving Russian legislation to ensure climate safety and sustainable economic development.

Keywords: sustainable development; ESG; legal regulation; climate security; climate risks; climate change; adaptation to climate change; Russian Federation; carbon tax; low-carbon economy; corporate governance

Cite as: Mamieva IT. Legal Regulation of Public Relations in the Field of Climate Security in Russia with Regard to the Principles of Sustainable Development. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(9):155-166. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.155-166

Климатическая безопасность и рациональное использование природных ресурсов являются фундаментальными компонентами устойчивого социально-экономического развития государств. Согласно исследованиям Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК)¹, продолжающаяся деградация природных систем вследствие антропогенной деятельности ведет к критической дестабилизации окружающей среды, что угрожает национальной безопасности государств и качеству жизни будущих поколений.

Предметом правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения климатической безопасности с учетом экологических, социальных и управленческих аспектов выступает система юридических норм, обеспечивающих интеграцию экологических, социальных и управленческих стандартов в экономическую деятельность субъектов хозяйствования с целью минимизации негативного воздействия на климатическую систему, адаптации к неизбежным климатическим изменениям и под-

держания устойчивого состояния природной среды для обеспечения национальной безопасности и сбалансированного развития экономики страны.

В отличие от традиционных подходов, рассматривающих правовые механизмы регулирования отношений в сфере ESG преимущественно как инструмент привлечения инвестиций или улучшения корпоративного имиджа, предлагаемая дефиниция акцентирует внимание на роли такого регулирования в обеспечении фундаментальных условий национальной безопасности и развития.

При этом основными критериями оценки эффективности правового обеспечения климатической безопасности являются:

- наличие четкой системы адресатов регулирования с дифференцированными обязательствами;
- сбалансированность превентивных и компенсационных механизмов;
- интеграция климатических целей в отраслевое законодательство;

¹ Обобщающий доклад по изменению климата за 2023 г. / МГЭИК // Доклады по вопросам климата. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/reports> (дата обращения: 16.09.2025).

- наличие эффективных процессуальных и институциональных гарантий реализации;
- соответствие механизмов правоприменения заявленным стратегическим целям.

Экологические, социальные и аспекты корпоративного управления, составляющие основу концепции устойчивого развития бизнеса, сформулированные в 2005 г. по инициативе ООН и закрепленные в «Принципах ответственного инвестирования»², формируют транснациональную нормативную основу для развития национальных законодательств. Дальнейшее развитие эта повестка получила в 2015 г. с принятием Целей устойчивого развития ООН.

Анализ международной регуляторной практики показывает определенные тенденции, среди которых:

- поэтапный переход от добровольных к обязательным правовым механизмам раскрытия нефинансовой информации об экологических, социальных и управленческих аспектах деятельности. Так, первый международный стандарт нефинансовой отчетности был разработан Global Reporting Initiative (GRI) в 1997 г., и, как показывают исследования, в 2024 г. более 10 000 компаний в 100 странах применяли стандарты GRI³;
- институционализация климатических требований через рабочие группы, которая началась в 2015 г. с учреждения Task Force on Climate-related Financial Disclosures (TCFD)⁴ — рабочей группы по вопросам раскрытия финансовой информации, связанной с климатом, разработавшей рекомендации, трансформировавшиеся в дальнейшем в обязательные требования во многих юрисдикциях;
- гармонизация национальных систем с международными стандартами с сохранением единства методологической базы;
- внедрение специализированных финансовых инструментов (зеленых облигаций, кре-

дитов, ипотеки) подкрепляется нормативной базой, обеспечивающей прозрачность и доверие инвесторов;

- включение центральными банками и надзорными органами ESG-факторов в пруденциальное регулирование для повышения системности внедрения принципов устойчивого развития.

Например, такие передовые юрисдикции, как ЕС, Великобритания, Япония, достигли существенного прогресса в законодательном закреплении обязанности по раскрытию нефинансовой информации, созданию национальных систем верификации и аккредитации, интеграции климатических рисков в финансовое регулирование, формировании рынков углеродных единиц с прозрачными правилами торговли, а также установлении штрафных санкций за несоблюдение требований. В то же время развивающиеся страны чаще используют гибкие модели с поэтапным внедрением обязательств, что позволяет учитывать уровень экономического развития и институциональные возможности.

Даже в условиях изменения внешнеполитических отношений Россия не изолирована от мировых экономических и экологических процессов. Правовое регулирование общественных отношений с учетом принципов устойчивого развития не утрачивает своей актуальности для нашей страны вследствие внутренних потребностей модернизации экономики и социальной сферы, необходимости поддержания международного экономического сотрудничества со странами БРИКС, Азии и Ближнего Востока. ESG-принципы сохраняют свое значение и в долгосрочной перспективе, трансформируясь под влиянием новых геоэкономических условий, но не теряя своей сущностной основы.

Нормативная база правового регулирования отношений в сфере климатической и экологи-

² Ключевые принципы ответственного инвестирования // URL: <https://esgguide.moex.com/1/2/index.html#основныепреимущества> (дата обращения: 10.09.2025).

³ GRI Report, 2024 // URL: https://www.ebrd.com/content/dam/ebd_dxp/assets/pdfs/environment---sustainability/gri-reports/ebd-gri-report-2024.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ TCFD — Рабочая группа по вопросам раскрытия финансовой информации, связанной с изменением климата // URL: <https://inveb-docs.ru/attachments/article/sd-library/08-2020-8/Delloite-TCFD.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

ческой безопасности, устойчивого развития в России включает:

- стратегические акты — Стратегию экологической безопасности до 2025 г.⁵, Климатическую доктрину Российской Федерации⁶;

- рамочное отраслевое законодательство — Федеральный закон «Об охране окружающей среды»⁷, Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов»⁸;

- подзаконные акты — распоряжения Правительства РФ об утверждении критериев зеленых проектов;

- локальные нормативные акты компаний по раскрытию нефинансовой отчетности.

Отметим, что в 1990–2020 гг. правовая база Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды, экологической безопасности и обеспечения рационального природопользования получила существенное развитие, но решить ключевые проблемы охраны окружающей среды и обеспечения рационального использования ресурсов не удалось⁹. Что касается правового регулирования в сфере устойчивого развития, то в российском законодательстве и в настоящее время отсутствует прямая обязанность для компаний по формированию и предоставлению специальной отчетности о нефинансовых аспектах деятельности. Существующие нормативные требования ограничиваются преимущественно сферой экологического контроля, охраны окружающей среды и промышленной безопасности, что не эквивалентно комплексному учету экологических, социальных и управленческих факторов. Однако наблюдаемые в последние годы тенденции указывают на формирование общего направления развития регу-

лирования в данной области через взаимосвязанные документы, которые закладывают концептуальные и институциональные основы для интеграции принципов устойчивого развития в национальную экономическую политику и корпоративную практику.

Свое развитие экологический компонент (Е) принципов устойчивого развития в России получил в 2021 г. в результате попытки создания системы регулирования, отчетности и целеполагания в области снижения негативного воздействия на окружающую среду с акцентом на декарбонизацию.

Ключевым документом этой системы стал Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов», которым установлены правовые механизмы учета выбросов, сформирован понятийный аппарат и определены полномочия органов власти. Закон создал национальную систему углеродного регулирования, обязав предприятия с годовыми выбросами более 50 тыс. т CO₂-эквивалента предоставлять углеродную отчетность. Этот механизм обеспечивает прозрачность и формирует базу данных для государственного кадастра, создавая объективный критерий для оценки экологической эффективности компаний. Кроме того, названный Закон предусматривает возможность реализации климатических проектов и выпуска углеродных единиц, закладывая предпосылки для формирования внутреннего рынка углерода и предоставляя компаниям гибкость в выборе путей выполнения климатических обязательств.

Более широкие рамки для зеленой трансформации задало распоряжение Правительства РФ «Об утверждении целей и основных

⁵ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

⁶ Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 44. Ст. 7865.

⁷ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

⁸ Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124.

⁹ Агафонов В. Б. Правовое обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования на основе ESG-принципов // Вектор юридической науки. 2022. № 5. С. 46–58.

направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации»¹⁰, определившее цели и основные направления устойчивого развития. Названный документ представляет целостную модель, в которой экологическая модернизация экономики сочетается с инвестициями в человеческий потенциал. Концептуальной основой послужило разделение на зеленые и социальные проекты, объединенные принципом «не навреди». Энергетика, промышленность и транспорт выделены как системообразующие сферы для внедрения наилучших доступных технологий и низкоуглеродных решений. Критерием эффективности для проектов в области обращения с отходами, водоподготовки, защиты биоразнообразия и устойчивого сельского хозяйства стало достижение измеримого экологического эффекта.

Конкретные критерии для отнесения проектов к категории устойчивых были установлены в постановлении Правительства РФ «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации»¹¹, утвердившем таксономию зеленых и социальных проектов. Целью этого документа стало отделение реальных экологических и социальных инициатив от спекулятивных для обеспечения доверия инвесторов. В названном постановлении приведен детализированный перечень допустимых видов деятельности и требований к ним: для зеленых проектов — количественные показатели энергоэффективности и снижения выбросов; для социальных — фокус на уязвимые категории

граждан. Регламентирована также верификация, определяющая требования к независимым верификаторам и процедурам контроля, что создает основу для развития рынка зеленого финансирования.

Долгосрочные ориентиры декарбонизации определяет Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.¹² Указанный документ устанавливает цели по сокращению выбросов на 70 % к 2030 г. и на 80 % к 2050 г. от уровня 1990 г. с достижением углеродной нейтральности к 2060 г. Однако пути достижения этих целей обозначены обобщенно. Ключевые рыночные инструменты, такие как система квотирования или углеродный налог, представлены как возможные, но не обязательные меры, что создает правовую неопределенность. Существенной слабостью названной Стратегии является гипертрофированная роль поглощающей способности лесов без детального плана по ее увеличению, а также противоречие между целями декарбонизации и параллельной поддержкой традиционных углеродоемких секторов. Заявленные потребности в инвестициях (1–2 % ВВП ежегодно) не подкреплены ясными источниками финансирования. Таким образом, данная Стратегия фиксирует общее направление, но не создает жестких обязательств и четких правил игры.

Социальный компонент (S) и аспекты корпоративного управления (G) нашли отражение в нормативных актах, задающих ориентиры для бизнеса и финансового сектора, хотя и носят в основном рекомендательный характер. Социальный блок был концептуально оформлен в

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» // URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-14072021-n-1912-r-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 15.09.2025).

¹¹ Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/402839344/> (дата обращения: 16.09.2025).

¹² Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402894476/> (дата обращения: 15.09.2025).

уже упомянутом распоряжении Правительства № 1912-р¹³. Основное — это повышение качества человеческого капитала и снижение неравенства через меры по обеспечению доступным жильем, развитию физической культуры, культурно-туристской среды, механизмы социальной поддержки и создание инклюзивной инфраструктуры. Устойчивое строительство и развитие социальной инфраструктуры трактуются как необходимое условие для перехода к сбалансированной модели развития.

Банк России активно способствует интеграции принципов устойчивого развития в финансовый сектор. Основное внимание уделяется развитию специализированных финансовых инструментов, таких как зеленая ипотека, выпуск зеленых облигаций и целевые кредиты на экологические и социальные проекты. Информационное письмо Банка России № ИН-06-28/96 «О рекомендациях по раскрытию информации, связанной с ESG-факторами»¹⁴ и последующие методические указания уточняют формат раскрытия информации, разрабатывают рекомендации по верификации нефинансовой отчетности и предлагают методики оценки ESG-рисков для финансовых организаций. Тем самым Банк России стимулирует развитие рынка зеленого финансирования через создание нормативной базы и внедрение преференциальных подходов.

Что касается корпоративного управления (G), то Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» косвенно способствует интеграции климатической повестки в систему управления компаниями. Необходимость учета и отчетности по выбросам требует выстраивания внутренних процедур, что повышает значи-

мость вопросов экологического менеджмента на уровне принятия стратегических решений, закладывая основы для управления ESG-рисками.

Реализацию экологических и социальных инициатив определяют стратегические документы, для которых характерен прагматический подход, состоящий в адаптации глобальных трендов к национальным интересам, что неизбежно порождает системные противоречия.

Климатическая доктрина Российской Федерации не содержит детализированных норм прямого действия, но задает стратегические направления. Ее механизм влияния основан на адаптационном (снижение уязвимости к климатическим угрозам) и митигационном (снижение выбросов) компонентах. Названная Доктрина подчеркивает принцип технологической нейтральности, интегрирует климатический фактор в стратегическое планирование и институционализирует климатическую проблематику как фактор национальной безопасности, создавая основу для будущих обязательных требований¹⁵.

Указ Президента «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»¹⁶ имплицитно интегрирует принципы устойчивого развития через призму технологического суверенитета. Основной акцент сделан на создании конкурентных отечественных технологий как средства обеспечения экологической и климатической безопасности. Правовая основа регулирования закладывается через установление системы целей, которые должны быть детализированы в отраслевых документах.

Эта же логика прослеживается в Указе Президента «О национальных целях развития Россий-

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» // URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-14072021-n-1912-r-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 15.09.2025).

¹⁴ Рекомендации по учету ESG-факторов // Банк России : официальный сайт. URL: https://cbr.ru/issuers_corporate/development_corp_relations/recom/ (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁵ Арутюнян М. С., Хисматуллин О. Ю. Имплементация ESG-принципов в аспекте снижения глобальных рисков, обусловленных изменением климата // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 12 (240). С. 125–128.

¹⁶ Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

ской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹⁷. В нем концептуально связаны экономический рост, технологическая модернизация и укрепление суверенитета с решением экологических и социальных задач, которые формулируются как производные от основных приоритетов, что указывает на формирование национальной модели устойчивого развития, адаптированной к конкретным политико-экономическим условиям.

Наиболее явно прагматичный и сбалансированный подход выражен в Энергетической стратегии Российской Федерации до 2050 г.¹⁸. Ее суть заключается в переходе к экономике предложения на основе технологического суверенитета при достижении баланса между энергобезопасностью, экспортным потенциалом и

климатическими целями. Названная Стратегия закрепляет принцип технологической нейтральности, отвергая догматичный отказ от углеводородов в пользу их экологизации. Климатическая составляющая формально интегрирована, а социальное измерение отражено в акцентах на газификации и поддержке моногородов.

В целом в качестве ключевых достижений можно назвать создание национальной системы углеродного регулирования, утверждение таксономии зеленых и социальных проектов, интеграцию климатической повестки в стратегические документы, развитие рынка зеленого финансирования при участии Банка России.

Однако анализ показал и определенные проблемы в существующем регулировании, систематизированные в таблице 1.

Таблица 1

Пробелы в текущем регулировании в сфере климатической безопасности

Пробел	Комментарий
Отсутствие прямого обязательства по формированию и предоставлению комплексной нефинансовой отчетности	Действующие требования ограничиваются экологическим контролем, не охватывая социальные и управленческие аспекты
Размытость механизмов реализации стратегических целей	Например, Стратегия низкоуглеродного развития декларирует сокращение выбросов на 70 % к 2030 г., но не определяет конкретные инструменты (квотирование, углеродный налог) и источники финансирования
Противоречия между документами	Энергетическая стратегия предусматривает наращивание добычи угля, что конфликтует с целями декарбонизации
Недостаточная детализация институциональных механизмов	Климатическая доктрина задает направления, но не содержит норм прямого действия
Слабая интеграция принципов устойчивого развития в отраслевое законодательство	Требования разбросаны по различным актам, отсутствует единый координационный центр
Дефицит процессуальных гарантий	Не прописаны процедуры оспаривания решений, механизмы технической поддержки субъектов регулирования
Непроработанность стимулов	Налоговые льготы и субсидии носят фрагментарный характер, не создавая системной мотивации для декарбонизации
Ограниченность верификационной инфраструктуры	Недостаточно аккредитованных органов для проверки нефинансовой отчетности

¹⁷ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации до 2050 года» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411766542/> (дата обращения: 18.09.2025).

Таким образом, критическая характеристика общего подхода, объединяющая стратегические документы, заключается в существенном разрыве между амбициозными целями и непроработанностью механизмов их достижения. Как показано на примере Стратегии низкоуглеродного развития, ключевые рыночные инструменты декарбонизации отложены, а финансирование не определено. В Энергетической стратегии декларируемые климатические цели противоречат планам наращивания добычи угля, а акцент на технологическом суверенитете может замедлить внедрение лучших доступных технологий. Гипертрофированная роль поглощающей способности лесов без детальных планов по ее увеличению создает риски недостижения поставленных целей.

В целом правовое регулирование отношений в сфере климатической безопасности и внедрения принципов устойчивого развития в Российской Федерации находится на начальном этапе институционализации. Создан концептуальный каркас, основанный на принципах технологи-

ческого суверенитета и адаптации глобальных трендов к национальным интересам. Однако формируемая российская модель регулирования общественных отношений в сфере обеспечения климатической безопасности с учетом экологических, социальных и управленческих аспектов фиксирует только общее направление движения, оставляя значительный простор для инерционного развития из-за отсутствия жестких обязательств, четких экономических стимулов и конкретных механизмов реализации, ставя успех в зависимость от последующей детальной проработки в отраслевых программах и способности государства и бизнеса консолидировать ресурсы.

Для целей эффективного правового регулирования необходимо четко определить критерии климатической безопасности как объекта правовой охраны. Поэтому предлагается система критериев, приведенная в таблице 2, включающая их разделение на количественные, качественные, институциональные и технологические группы.

Таблица 2

Критерии климатической безопасности как объекта правовой охраны

Группа критериев	Конкретные критерии
Количественные критерии	Поддержание концентрации парниковых газов в атмосфере на уровне, не превышающем пороговые значения, установленные национальными целями (снижение к 2030 г. выбросов парниковых газов до 70 % от уровня 1990 г.)
	Соответствие темпов декарбонизации ключевых отраслей экономики национальной стратегии низкоуглеродного развития
	Достижение нормативных показателей энергоэффективности в ключевых секторах экономики
Качественные критерии	Наличие системы раннего оповещения и реагирования на климатические угрозы национального масштаба
	Способность адаптироваться к неизбежным климатическим изменениям без критического ущерба для экономики и населения
	Сохранение экологических систем, служащих естественными поглотителями углерода (леса, болота, морские экосистемы)
Институциональные критерии	Наличие эффективных правовых механизмов предотвращения климатических угроз
	Интеграция климатических параметров в систему национальной безопасности
	Развитие межведомственного сотрудничества по вопросам климатической политики
Технологические критерии	Достижение технологической независимости в сфере низкоуглеродных и адаптационных технологий
	Внедрение инновационных решений в области климатического мониторинга и управления климатическими рисками

На основе исследования предлагается модель правового механизма обеспечения климатической безопасности в контексте ESG-регулирования, включающая структуру обязан-

ностей субъектов регулирования, адресатов регулирования, многоуровневую систему мер ответственности, процессуальные гарантии и стимулирующие механизмы (табл. 3).

Таблица 3

Модель правового механизма обеспечения климатической безопасности

Элемент механизма	Содержание
1. Структура обязанностей субъектов регулирования	
1.1. Для государственных органов	Формирование стратегических документов и нормативной базы в сфере климатической безопасности Обеспечение мониторинга и контроля за выполнением установленных требований Координация межведомственного взаимодействия и международного сотрудничества Стимулирование разработки и внедрения низкоуглеродных технологий
1.2. Для корпоративных субъектов	Проведение обязательной оценки климатических рисков хозяйственной деятельности Внедрение системы климатического менеджмента с определением целевых показателей Раскрытие климатически значимой информации в соответствии с установленными стандартами Реализация программ по снижению углеродного следа и адаптации к климатическим изменениям
1.3. Для финансовых институтов	Интеграция климатических критериев в инвестиционную политику Развитие инструментов зеленого финансирования Оценка и управление климатическими рисками кредитного портфеля
2. Адресаты правового регулирования	
	Субъекты хозяйствования, превышающие пороговые значения по объему выбросов парниковых газов (>150 тыс. т CO ₂ -эквивалента в год) Организации, осуществляющие деятельность в климатически чувствительных отраслях (энергетике, металлургии, химической промышленности, транспорте, лесном и сельском хозяйстве) Крупные финансовые институты, участвующие в финансировании проектов с потенциальным климатическим воздействием Федеральные и региональные органы власти, ответственные за реализацию климатической политики
3. Меры ответственности	
3.1. Административно-правовые меры	Штрафы за нарушение обязательных требований в сфере учета и контроля выбросов парниковых газов (дифференцированные в зависимости от тяжести нарушения и размера предприятия) Приостановление деятельности при систематическом превышении установленных показателей выбросов Административные взыскания за представление недостоверной отчетности о климатических рисках
3.2. Финансово-экономические меры	Внедрение углеродного налога или системы торговли выбросами с установлением дифференцированных ставок для различных отраслей Штрафные санкции за невыполнение индивидуальных целевых показателей декарбонизации Ограничение доступа к государственной поддержке и льготному финансированию

3.3. Корпоративно-правовые меры	Включение климатических показателей в критерии оценки деятельности руководства компаний Установление ответственности членов совета директоров за управление климатическими рисками Раскрытие информации о климатических рисках как обязательный элемент корпоративной отчетности
3.4. Репутационные меры	Ведение публичного реестра компаний — нарушителей климатического законодательства Обязательное раскрытие информации о наложенных санкциях за нарушение климатических требований
4. Процессуальные гарантии	
4.1. Механизмы оспаривания решений	Трехуровневая система разрешения споров (ведомственное обжалование, судебное разбирательство, независимый арбитраж) Создание специализированных судебных коллегий по климатическим спорам
4.2. Право на защиту	Обязательное предоставление времени для устранения выявленных нарушений до применения санкций Доступ к технической и экспертной поддержке для обеспечения соблюдения требований Право на получение разъяснений от регулирующих органов
4.3. Прозрачность процедур	Публичные консультации при разработке нормативных актов в сфере климатической безопасности Обязательная публикация методик расчета целевых показателей Доступность информации о результатах проверок и принятых мерах
4.4. Защита инноваций	Специальный правовой режим для пилотных климатических проектов и технологий Учет технологических возможностей при установлении обязательных требований Режим регуляторных «песочниц» для тестирования инновационных подходов к снижению выбросов
5. Стимулирующие механизмы	
5.1. Налоговые льготы	Ускоренная амортизация низкоуглеродного оборудования Налоговые кредиты для инвестиций в декарбонизацию производства Освобождение от части налогов для предприятий, достигающих опережающих показателей снижения выбросов
5.2. Государственная поддержка	Целевое субсидирование проектов по сокращению выбросов и адаптации Льготное кредитование климатических проектов Государственные гарантии по зеленым облигациям
5.3. Преференции при государственных закупках	Включение климатических критериев в систему оценки заявок Преимущество для поставщиков с подтвержденными низкоуглеродными показателями

Предложенная модель правового механизма обеспечения климатической безопасности в контексте ESG-регулирования сочетает обязательные требования с экономическими стимулами и процессуальными гарантиями. Она учитывает необходимость дифференцированного подхода к различным категориям субъектов регулирования и направлена на достижение баланса между климатическими целями и экономическим развитием.

Внедрение данной модели позволит сформировать эффективную систему правового регулирования климатической безопасности,

интегрированную в общую концепцию национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, создав правовую основу для планомерного перехода к низкоуглеродной экономике при сохранении конкурентоспособности национальной промышленности и обеспечении технологического суверенитета страны.

Для преодоления выявленных пробелов и реализации предложенной модели будет целесообразно реализовать следующие меры:

— разработать и принять Федеральный закон «О правовом регулировании раскрытия нефинансовой информации и климатической без-

опасности», в котором закрепить обязанность по комплексной отчетности в области устойчивого развития с поэтапным внедрением, определить полномочия координационного органа (например, межведомственной комиссии), а также установить единые стандарты раскрытия информации на основе международных практик (GRI, TCFD);

— дополнить Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов» механизмами рыночного регулирования, а именно: ввести систему торговли углеродными единицами с фиксированными квотами, установить дифференцированные ставки углеродного налога для отраслей, предусмотреть штрафы за недостоверную отчетность;

— интегрировать критерии устойчивого развития в отраслевое законодательство путем внесения изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды», закрепляющих социальные и управленческие показатели, а также включить климатические риски в регулирование финансового сектора (законы о банках и банковской деятельности, о страховании) и дополнить Градостроительный кодекс РФ¹⁹ требованиями к зеленому строительству;

— создать реестр аккредитованных органов по проверке нефинансовой отчетности и

разработать методические рекомендации по верификации для разных отраслей, что позволит укрепить верификационную инфраструктуру.

Таким образом, исследование подтверждает гипотезу о том, что фрагментарность правового регулирования в сфере климатической безопасности создает риски для технологического суверенитета России и осложняет достижение целей устойчивого развития.

Для России важно разработать сбалансированную модель регулирования, учитывающую национальные интересы и международные тенденции, для чего необходимо интегрировать климатические цели в отраслевое законодательство, создать эффективные институциональные гарантии реализации правовых основ устойчивого развития и сформировать дифференцированную систему обязательств для различных субъектов экономической деятельности.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку конкретных правовых механизмов имплементации принципов устойчивого развития в российское законодательство с учетом политико-экономических реалий и стратегических приоритетов страны в условиях геополитической трансформации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агафонов В. Б. Правовое обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования на основе ESG-принципов // Вектор юридической науки. — 2022. — № 5. — С. 46–58.
2. Арутюнян М. С., Хисматуллин О. Ю. Имплементация ESG-принципов в аспекте снижения глобальных рисков, обусловленных изменением климата // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 12 (240). — С. 125–128.
3. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Зарубежная нормативная экспансия в экологическом регулировании // Lex russica. — 2021. — № 6 (175). — С. 56–67.
4. Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Климатическое законодательство Российской Федерации: возможности и потенциал в условиях энергетического перехода // Lex russica. — 2022. — № 1. — С. 29–38.
5. Bell M., Taylor B. How can investors balance short-term demands with long-term value? // URL: https://www.ey.com/en_gl/insights/climate-change-sustainability-services/institutional-investor-survey (дата обращения: 10.09.2025).
6. State of the Global Climate 2024 // URL: <https://wmo.int/publication-series/state-of-global-climate-2024> (дата обращения: 16.09.2025).

Материал поступил в редакцию 13 ноября 2025 г.

¹⁹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agafonov V. B. Pravovoe obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti i ratsionalnogo prirodopolzovaniya na osnove ESG-printsipov // Vektor yuridicheskoy nauki. — 2022. — № 5. — S. 46–58.
2. Arutyunyan M. S., Khismatullin O. Yu. Implementatsiya ESG-printsipov v aspekte snizheniya globalnykh riskov, obuslovlennykh izmeneniyem klimata // Agrarnoe i zemelnoe pravo. — 2024. — № 12 (240). — S. 125–128.
3. Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G. Zarubezhnaya normativnaya ekspansiya v ekologicheskom regulirovanii // Lex russica. — 2021. — № 6 (175). — S. 56–67.
4. Zhavoronkova N. G., Agafonov V. B. Klimaticheskoe zakonodatelstvo Rossiyskoy Federatsii: vozmozhnosti i potentsial v usloviyakh energeticheskogo perekhoda // Lex russica. — 2022. — № 1. — S. 29–38.
5. Bell M., Taylor B. How can investors balance short-term demands with long-term value? // URL: https://www.ey.com/en_gl/insights/climate-change-sustainability-services/institutional-investor-survey (data obrashcheniya: 10.09.2025).
6. State of the Global Climate 2024 // URL: <https://wmo.int/publication-series/state-of-global-climate-2024> (data obrashcheniya: 16.09.2025).

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 9 (190) сентябрь 2026

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002